

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:

141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru
Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора 3

Поэзия

Валерий СУХОВ
Карма Куприна 4

Инна ВАРВАРИЦА
Куда ни глянь, простор со всех сторон... ..22

Пётр ГУЛДЕДАВА
Я всё равно остался у штурвала... ..29

Валерий БОКАРЁВ
Мы уходим, солнце догоняя... ..38

Виктор КАШКИН
Благослови нас, Боже... ..67

Инеcса ИЛЬИНА
Я чувствую небес родство!86

Сергей ГАЗИН
Мы дерзаем по праву... ..90

Элла КУЗНЕЦОВА
Птицей взлетая в небо... ..101

Багаутдин АДЖИЕВ
От Дербента до Парижа... ..106

Александр ЧИРКОВ
Лишь в единстве наша сила... ..170

Публицистика

Хасан ТУРКАЕВ
Академическая мысль России
об историко-культурном
наследии чеченского народа12

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№ 2 (56) 2025

Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:

С.Г. Макеева
141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 05.10.25.
Выход из печати 20.10.2025.
Формат 70х108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ № 3290.

Отпечатано
в ООО ИПО «У Никитских
ворот», 121069, г. Москва,
ул. Большая Никитская,
д. 50а/5, стр. 1,
тел. +7 (495) 690-67-19,
www.uniki.ru.

ЮБИЛЕЙ

Николай ЛИБАН

Из лекций Н.И. Либана: Н.М. Карамзин,
«История государства Российского»24

ПАМЯТЬ

Евгения ПОЛЯКОВА

«Василий» – значит «царственный»32

ПРОЗА

Екатерина ГЛУШИК

Рассказы46

Юрий РЫЧЕНКОВ

Размечтался.....70

Константин ВАСЮЧЕНКО

Маэстро88

Сулим МАГАМАДОВ

По нехоженым тропам.....92

Юлия АЛЕКСАНДРОВА

Непростая история103

Владимир ВЕЩУНОВ

Карачун.....174

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Виктор КАЛИНКИН

Секреты древних слов: Половское,
половцы. Разговор с предками74

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Марина ЗАМОТИНА

Чукотка. Кто тут живёт?155

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2025

© Авторы, 2025

Слово главного редактора

**Уважаемый читатель,
дорогой соотечественник!**

Уже не подлежит сомнению, что нам довелось жить в эпоху, когда мир сотрясают перемены, о масштабе и глубинном смысле которых пока можно судить только предположительно. История и прежде знала времена эпохальных изменений, но то, что происходит с миром сейчас, не имеет аналогий, по крайней мере, в обозримом прошлом. На наших глазах сокрушается традиционная система координат – этических, морально-нравственных, политических и т.д. Преемственность развития человеческой цивилизации не просто ставится под сомнение, но подвергается агрессивному отрицанию. На протяжении последних, условно говоря, трёх десятилетий тёмные силы мировой закулисы полностью завершили «переформатирование» сознания западного общества, придав ему зримые черты зловещего мутанта, источающего зло и немотивированную агрессию против всего истинного, естественного, живого и духовного. Черты и признаки вырождения западного мира давно уже стали определяющими в его образе. Ненависть западного мира в отношении России представляет собой явление патологическое, не подлежащее объяснению с позиций здравого смысла, справедливости и здоровой нравственности. И с этим нам придётся жить и бороться на протяжении неопределённого времени. Специальная военная операция на Украине стала символическим выражением этого бытийного противостояния между Россией и мировым злом, которое сегодня олицетворяет нацистский киевский режим.

В этих условиях особое значение имеет единство нашего народа. Братство народов России, обусловленное общностью исторического пути и единством целей, является источником нашей стойкости перед вызовами эпохи и залогом нашей грядущей неизбежной победы. На укрепление этого единства сегодня должны быть направлены все наши общенациональные силы.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия

ПОЭЗИЯ

Валерий СУХОВ

К 155-летию юбилею А.И. Куприна

Валерий Алексеевич Сухов – родился в 1959 г. в селе Архангельское Городищенского района Пензенской области. Окончил ПГПИ им. В.Г. Белинского и аспирантуру при МПУ. Кандидат филологических наук, член Правления пензенского отделения Союза писателей России, редактор отдела поэзии журнала «Сура». Автор семи сборников стихов, лауреат Международной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» за 2010 г. Лауреат премии имени М.Ю. Лермонтова за 2009 и 2020 гг., лауреат премии «Гранатовый браслет» в номинации «Мастер» за 2011 год.

Живёт в Пензе.

Карма Куприна

Главы из поэмы

Пролог

Бунин и Куприн

Морская соль целебна для души.
Рождённые в степи любили море.
Вздываясь к небу, раздвигалось вширь
Всё поле поединка голубое.

Ныряли в волны Бунин и Куприн.
Амор аквамариновой окраски.
По-королевски кролем плыл один.
Второй плыл страстным брассом
По-татарски!

В единоборстве состязались древнем
Друзья – враги. Вражда у них в крови.
«Антоновские яблоки», «Деревня» –
«Олеся», «Поединок», «Суламифь».

Решают знатоки – смешные люди,
Кто позади. Кто вырвался вперёд.
Не алфавит, а время всё рассудит.
Его волна поднимет иль сотрёт.

И перед смертным ужасом седея,
Вот так остался каждый со своим.
Уходит Бунин в «Тёмные аллеи».
«Шестое чувство» осветит Куприн!

Часть первая

Карма

Корни крови прорастали странно,
Потому характер был крутой.
Тюбетейка хана – это карма.
От сиротства – не стихала боль

Мальчика трёхлетнего – бездомного.
С матерью он вырос без отца.
И тоской от запаха казённого
Так судьбой казнился до конца.

Вдовый дом, казарма да гостиница.
Где же «обожаемая» мать?
Так «по-азиатски» сына кинется
Опекая, тяжело допекать.

Мать и сын из рода Кулунчаковых.
Нету ближе на земле людей.
Одинокие – все одинаковы.
Им жестоких не унять страстей!

Мать и сын из рода Тамерланова.
Первенствовать – неумна страсть.
Родовая травма – это карма.
С тюбетейкою её не снять...

Хан

Всадник ноздри раздувает хищно,
Наготове держит он аркан.
И в степи себе добычу ищет.
Смотрит на потомка Тамерлан.

По-татарски щурятся глазищи.
И приплюснут азиатский нос.
Над полынью горький ветер свищет.
Хан в седло, наверно, с детства врос.

Он и лошадь – родственные души.
Недомолвок между ними нет.
Пахнет конским потом и конюшной
Куприна рабочий кабинет.

Жеребец обнюхает кобылу
И заржёт: его характер крут!..
И породу выдавая пылом,
На свету играет Изумруд.

Часть вторая

Олеся

Встретился с русалкою в Полесье
Вдалеке от суетных столиц.
Летний лес был солнечен и весел.
Рассыпались бусы Росяниц.

Вспыхнули от ветра на рассвете
Искры страсти в вековой глуши!
Тёмен будет жребий наш иль светел
Осенью, Олеся, расскажи!

И Олеся с грустью разметала
Карты – листья красные – во тьму.
Скорую разлуку нагадала,
Дальний путь, холщовую суму.

На рассвете горькая рябина
В голубой окуталась туман.
Как лесная девушка любила,
И не снилось шумным городам.

У Олеси бусы, как кораллы,
Скрыли капли крови на груди.
За любовь судьба её карала.
Ты, колдунью, Господи, прости!

Жёны

Первая жена – жена от Бога.
А характер – вылитая мать!
Сына-мужа пристально и строго
Опекая, стала допекать.

Чтобы дар свой Божий не растратить,
Покоряясь, бунтовал Куприн.
Было всё: и вспыхнувшее платье
И о лоб расколотый графин!

Не нашёл любви Куприн «отпетый»
И лечил вином души ожог...
От Марии – до Елизаветы,
Как до Воскресения – шажок.

От косы кремень уже искрился!
Потому и пил Куприн взапой.
Демон перед ангелом смирился.
Взглядом кротким унимала боль.

Вспоминает лоб высокий снова.
От высоких чувств прекрасна смерть!..
Со смешной фамилией Желткова
Жить нельзя. Лишь можно умереть.

Выбор сделать этот сам был волен.
Матерь Божья грешника простит.
И лучами музыки Бетховен,
Как браслет гранатовый, пронзит!

Часть третья

Рассол

*Писатель отправил из Крыма
царю Николаю II такую телеграмму:
«Балаклава объявляет себя свободной
республикой греческих рыбаков. Куприн».*

Так рассолом окатила слава,
Что слова во рту уже горчат.
Вольница рыбачья – Балаклава.
Чайки о республике кричат!

Дует с моря ветерок солёный.
Месяц в небе светит, как кефаль.
На баркасах рано листригоны
Уплывают в сумрачную даль.

Славу разделив свою с Гомером,
По-заправски лихо только так,
В доску став своим, лихим манером
Сеть закинул в глубину рыбак.

И на рынке, не торгуясь, продал
Он кефали золотой улов.
Был Куприн – писатель из народа.
Он с друзьями всё пропить готов.

За свободу Балаклавы выпил
И телеграфиста уморил.
«Когда пьёшь, закусывай. Столыпин».
«Не привык закусывать. Куприн».

Яблоневый дух родного дома
 Перебьёт сознание тщеты
 Доживания в чужих хоромах
 С запахом казённой нищеты.

Молоко

*Родина — это прелесть и тайна родного языка.
 Это последовательные впечатления бытия:
 детства, отрочества, юности, молодости
 и зрелости. Родина — как мать.*

А. И. Куприн, «Шестое чувство» (1934)

На рассвете, собирая стадо,
 Пастухи играют на рожках.
 Родина... Ты ласка и отрада.
 Запах мёда утром на лугах.

Родина... И прелесть ты и тайна.
 Молоко родного языка.
 И, как Млечный путь, необычайно
 Ты струишься — Млечная река.

Детство, юность, молодость и зрелось —
 Ранит быстротечность бытия.
 Всё вернуть назад так захотелось,
 Родина. Далёкие края...

Наровчат. Проходит стадо мимо.
 Улыбнулся мальчик-пастушок.
 Чувство Родины необъяснимо.
 Взволновал пастушеский рожок.

Глиняная крынка запотела.
 И сдувая пену-облака,
 Три глотка бы перед смертью сделать
 Молока родного языка.

Академическая мысль России об историко-культурном наследии чеченского народа

Российская академическая мысль с момента своего возникновения (по Указу Петра I от 8 февраля 1724 года) стремительно и неудержимо, с благородными помыслами устремилась в нетронутые и неизвестные науке дотоле дали и пространства Российской империи. В поле зрения её интересов оказались подвластные империи народы, их языки, история, этнография, культуры, география.

Ретроспективным взглядом всматриваясь в достижения российской академической науки XVIII-XIX вв. в этом направлении, всё более утверждаюсь в мысли: необыкновенно быстрая во времени и пространстве вовлечённость малых народов в контекст научной и культурной жизни России, начало процесса сложения их национальной идентичности произошли только благодаря демократическим воззрениям русских учёных, открывавших уникальные по своей природе мироустройства целые неизведанные материи в российском государстве.

Так, уже в XVIII в. русские учёные обнаружили на Северном Кавказе не только этнографо-антропологические субстраты, их уникальную историю, но и накопленные горцами на протяжении многих веков выдающиеся памятники духовной культуры: мифы и нартский эпос, волшебные и героические сказки, малые формы позднего исторического эпоса, выдающуюся башенную архитектуру средневековья, а также новую форму осмысления действительности, сформировавшуюся в эпоху Ренессанса, – героико-эпические и исторические песни, арабоязычную литературу. Позже, в середине XIX в., Л.Н. Толстой назвал это наследие «сокровища поэтически необычайные».

Особая и неповторимая система художественности, в каждом пласте которой трансформировалась многовековая история горских племён, их

Хасан Вахитович Туркаев – родился 10 мая 1938 г. в селе Малые Варанды Шатойского района Чечено-Ингушской АССР (РСФСР, СССР). Российский чеченский учёный, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки ЧИАССР (1977), Заслуженный деятель науки Российской Федерации (2005), член Союза писателей СССР (1980), Союза писателей России, Союза писателей Чеченской Республики. Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2003).

Живёт в г. Грозном.

философия прошедших эпох, взаимосвязи с мировыми художественными культурами, ещё до 1917 г. вовлечена в контекст российской и европейской науки и культуры академиками И.А. Гильденштендом, П.С. Палласом, П.Л. Шиллингом, А.М. Шёгрёном, В.В. Бартольдом, И.Ю. Крачковским, В.Ф. Миллером, исследователями П.К. Усларом, А.П. Берже, И.А. Бартоломеем, П.И. Головинским, А.Н. Греном, Е.З. Барановым, Н. Семёновым, В.Я. Светловым, Е.Д. Максимовым, Н.С. Иваненковым, Д.С. Ткаченко и др. В советские времена традиции предшественников продолжили академики Б.Б. Пиотровский, В.П. Алексеев, члены-корреспонденты АН СССР Ю.А. Жданов и Р.М. Мунчаев, Б.Л. Сучков, Ф.Ф. Кузнецов, выдающиеся археологи доктора наук Е.И. Крупнов, В.И. Козенкова, В.И. Марковин, в постсоветские годы В.А. Тишков, А.Б. Куделин, Ю.А. Петров, В.В. Полонский и другие широко известные русские учёные.

Научные труды многих учёных XIX – начала XX вв. собраны воедино, систематизированы, изданы, снабжены научно-исследовательским разделом только в наши дни учёным с мировым именем А.И. Алиевой, которая совершила по-настоящему гражданский и научный подвиг: собрала десятки статей из российских и зарубежных изданий XIX – начала XX вв., посвящённых истории, языку, фольклору и этнографии самобытного чеченского народа (см.: История Чечни в российских научных изданиях XIX – начала XX. М., 2020; Фольклор и этнография чеченцев в российских научных изданиях XIX – начала XX веков. М., 2020).

Продолжавшееся два с лишним века изучение ими Северного Кавказа в самых разных направлениях научных знаний привело: к познанию горцами самих себя; появлению у них первых школ на русском языке обучения; возникновению общественно-просветительской публицистической и художественной мысли на русском языке; появлению национальной светской интеллигенции; включению их духовного наследия в контекст общероссийской и мировой культуры; ускорению формирования их национальной идентичности, которая позволила им впоследствии включиться в приумножение общероссийского научного достояния, художественной культуры.

Все эти сдвиги, произошедшие в общественной жизни горцев благодаря постоянным импульсам, исходившим из России, от её научной и художественной интеллигенции, сформировали у них новое мировоззрение, и это даёт неоспоримое право утверждать, что уже во второй половине XIX – начале XX вв. наступил ренессансный период в их истории.

Познание мира, его философии, воспевание его красоты происходило, разумеется, на родном языке. Если предположить, что на драматических поворотах истории деформировались некоторые духовно-нравственные представления народа, то тем большее восхищение у просвещённого мира вызывают сегодня даже те его духовные сокровища, что дошли до наших дней. В них «прочитываются» художественное освоение человеком мироздания, его стремление постичь гармонию окружающего мира. В языковом, фольклорном наследии, материальных памятниках культуры, в которых запечатлелись нравственно-этические воззрения чеченского народа, по мнению названных выше учёных России, слышны отзвуки великих культур Передней Азии, Ближнего и Среднего Востока, Греции, Персии, средневековой Европы и России.

Труды, например, выдающихся археологов Е. Крупнова, Р. Мунчаева, В. Марковина, В. Козенковой, М. Багаева, этнографов Б. Далгата, Я. Чеснова

и других учёных убеждают нас в том, что длительный исторический процесс формирования у народа ценностей и норм, верований и образов, знаний и умений, обычаев и языка, художественного мышления образовал огромный пласт культуры, на котором позднее, в эпоху Нового времени, возникли её новые формы, запечатлевшие характеры этой эпохи, поиски народом общенациональной идеи самосохранения.

Эпоха разложения родового строя и последовавшая затем «военная демократия» во многом способствовали индивидуализации образа человека в фольклоре, придали ему качественно новые черты: он уже начинает становиться выразителем народного идеала. Этот процесс особенно отчётливо запечатлелся в нартском эпосе – новой ступени эпического творчества чеченцев. «Несмотря на свою мифологическую основу, – писала профессор У.Б. Далгат, – нартские сказания содержат много исторических реалий: поступки эпических героев определяются общественной психологией, интересами и нормами (Далгат У.Б. Типовые черты нартского эпоса. М. «Наука», 1975. с. 213).

Это было важным идейно-художественным достижением эпоса, своеобразно запечатлевшего образы защитников слабых от насильников, растущее социальное сознание народа. Вот, например, как нарисован образ женщины в сказании «Как умерли нарты» (моя полевая запись, сделанная в дни фольклорной экспедиции весной 1965 г. в горах Шатоя): «У реки, протекавшей мимо кладбища, сидела одна старушка. Прислонившись спиной к надмогильному камню, она стирала шерсть. Вдруг со стороны восхода солнца показалось семеро всадников. Приблизившись, они обратились к ней: “Баба, не найдётся ли в этом селе человека, который накормил бы нас?”. Это были нарт-орстхойцы, которые никогда не могли насытиться, даже если они съедали камни. Старушка не знала, кто перед ней, ответила, что такой человек найдётся, и повела их к себе. Посадив гостей, она принялась готовить для них пищу. Отрезав от самого маленького бараньего ребра тоненький кусочек мяса, бросила его в котёл. Набрала наперсток муки и начала замешивать тесто. Нарт-орстхойцы, видя приготовления старушки, посмеивались, но ничего ей не сказали. Вскоре котёл начал закипать. Кусочек мяса варился и делался всё больше и больше. Старушка лепила галушки, а тесто всё не кончалось. Нарт-орстхойцы уже досыта наелись, а еды не уменьшалось. Удивлённые этим, они спросили: “Баба, что это за чудо? Из какого добра ты приготовила нам пищу?”. Старушка ответила: “Сейчас на земле живут голодные и злые нарты. С ними кончилась благодать. Это мясо и мука из того добра, что было на земле до их появления. Пусть сгинет их род”.

Услышав это, нарт-орстхойцы вышли во двор и договорились между собой: “Раз наша жизнь обернулась горем для людей, мы должны умереть”. Они пошли к стоящей неподалёку от них кузнице, выпили там расплавленную медь и умерли».

Как видно в этом сказании, старушка является хранительницей народной мудрости, добра, она живёт мыслями о всеобщем народном благополучии.

Традиции эпического мышления, накопленные в мифах, героических сказках, преданиях и легендах, сыграли большую роль в возникновении и развитии в XVI–XIX веках нового жанра фольклора чеченцев – героико-исторических и эпических песен «илли». Этот жанр отразил процессы

консолидации народа в период его борьбы против чужеземных феодалов. Главным в илли стало обращение к реальному человеку, занятому социальным обустройством обездоленной части народа, и это является ярким примером глубины поэтической мысли, духовного мира народа, достигшего в указанную эпоху своего своеобразного расцвета.

Новизна и необычность выражения народного сознания в этом жанре заключались, кроме всего прочего, и в том, что на смену сказкам и исторической прозе фольклора пришла поэтическая форма фольклорного мышления народа.

Почему до возникновения жанра «илли» осмысление действительности происходило в прозе, а затем народ обратился к поэтическим формам выражения своих дум и чаяний, требующей от него большего напряжения духовных сил? Каким образом возможности языка достигли такого уровня, чтобы чрезвычайно красочно и точно, ассоциативно, образно воспроизводить окружающий мир? Сложные вопросы, но бесспорно одно: период зарождения и развития жанра «илли» есть период наивысшего расцвета чеченского языка, позволившего народу создать фольклорные произведения, стоящие, согласно высказываниям Л.Н. Толстого, П.К. Услара, Л.И. Семёнова и др., на уровне лучших достижений Запада и Востока.

Илли – это венец фольклорно-художественного мышления нашего народа, в них проявились наивысшие возможности чеченского языка в поэтической форме осмысливать действительность. Однако в формировании словесно-художественной культуры чеченцев, накоплении в ней непреходящих эстетических ценностей «участвовали» и другие языки, и от этого её потенциал не только не ослабел, но и неизмеримо возрос за счёт того, что она начала интенсивно вбирать в себя из фольклорно-литературного наследия других народов всё ценное, имеющее общечеловеческое значение.

В наступившее Новое время горцы Северного Кавказа, не имевшие своей письменности, сообразуясь с требованиями меняющегося мира, для решения встающих перед ними социальных и политических вопросов начали вести интенсивные поиски письменных языковых средств.

Чеченцы, например, до установления систематических дипломатических и культурно-экономических контактов с Россией на определённом этапе пользовались грузинским языком. В «Истории Грузии» (т.2, Тбилиси, 1973, с.67) сказано: «В X веке грузинский язык получает распространение на Северном Кавказе». В.Н. Гамрекели отмечает: «В конце XVIII века, когда шла миграция грузин на Северный Кавказ, в их культурной деятельности в Притеречье намечается несколько линий. Одна из них – культурно-просветительская деятельность среди горцев Кавказа» (В.Н. Гамрекели. Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке. Тбилиси, 1968, с.76).

Но глубоких следов в художественной культуре чеченцев грузинский язык не оставил: на нём не написаны ни летописи, ни семейно-родовые тептары (хроники рода и семьи), ни тем более литературные произведения. Функциональная роль грузинского языка во взаимосвязях грузин и горцев, живших, прежде всего, на границе с Грузией, сводилась к тому, чтобы пользоваться им для делового общения, пропаганды грузинскими миссионерами идей христианства в горах Северного Кавказа.

В распространении арабского языка и литературы на Северном Кавказе академик И.Ю. Крачковский прослеживал две волны. «Первая, шедшая с

ранними завоеваниями, неглубоко затрагивала местное население Закавказья, а вторая, медленно нараставшая с XVI века, постепенно создала в Дагестане, Чечне, Ингушетии, отчасти Кабарде и Черкесии местную оригинальную литературу на арабском языке» (Крачковский И.Ю. Сочинения. Т.6. 1960).

Постоянные для XIX века «бурные дни Кавказа» не способствовали возникновению в Чечне развитой арабоязычной художественной литературы. Только в последней трети XIX века, после окончания Кавказской войны (1864), появились у чеченцев крупные арабисты-богословы, создавшие оригинальную литературу на арабском языке, сыгравшие выдающуюся роль в религиозно-нравственном воспитании народа. Они писали проповеди, наставления, коранические предания о пророках, создавали особый духовный климат. Религиозные песнопения, мовлиды, элегии о святых, принесших себя в жертву ради утверждения исламской религии, – все эти художественные формы религиозно-философского содержания углубляли в народе нравственные искания, прививали ему строгие морально-нравственные нормы, строили образ возвышенного человека, сумевшего подняться выше благ и соблазнов «бренного мира» и служить высокому и вечному – Аллаху и вере. В целом это была просветительская литература.

Её светское направление связано, прежде всего, с теми учёными-арабистами, кто тесно соприкасался с историей России и её языковой и художественной культурой. В истории Чечни и России (40–70-е гг. XIX в.) яркий след оставил, например, Атаби Атаев – руководитель национально-освободительного движения, один из образованнейших знатоков арабского языка своего времени, почётный пленник императора Александра II. В его поэтическом и эпистолярном наследии запечатлелись и новое, светское направление в арабо-язычной литературе Чечни, и небывалая до него положительная трактовка образа России и её исторических личностей.

После монголо-татарского владычества, рухнувшего под ударами усилившегося русского государства, и начала переселения горцев на плоскость в середине XVI века у чеченцев установились добрые соседские отношения с появлявшимися по-над Терекон и Сунжей первыми казачьими поселениями. М.О. Косвен на множестве примеров доказал, что «беглые российские люди нашли на Тереке приют и дружбу у чечено-ингушских и других горских племён». Из письменных источников известна, например, написанная на русском языке челобитная чеченского владетеля Ших-Мурзы Окуцкого, посланная царю Фёдору Иоанновичу, в которой Ших-Мурза говорит о том, что «и он, и отец его верою и правдой служили, и сейчас, если велишь где идти на службу, – и я с теми своими слугами готов».

Таким образом, уже в середине XVI века чеченцы пользовались русским языком для дипломатической переписки с русскими властями, общения с русским населением, живущим по соседству. О характере складывавшихся тогда между чеченцами и русским народом отношений так сказал Л.Н. Толстой в своей повести «Казачья». «Очень, очень давно предки их... бежали из России и поселились за Терекон между чеченцами на Гребне... Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе быт, образ жизни и нравы горцев; но удержали и там русский язык... Ещё до сих пор казачьи роды считаются родством с чеченскими».

Научные публикации русских учёных, посвящённые Чечне, пронизаны просветительскими идеями. Первую такого характера о Чечне и чеченцах

серьёзную работу в 1859 году написал А.П. Берже. В предисловии к своему исследованию «Чечня и чеченцы» А.П. Берже писал: «Чеченцы хотят приобщиться к России и со временем занять место в ряду образованных народов. Замкнутые до того в неприступных горах и мрачных ущельях, они начали целыми аулами выселяться на плоскость, где скорее поймут выгоды мирной оседлой жизни, составляющей первую степень к гражданственности». Так характеризует Берже начавшийся процесс поиска народом своего места в наступившей для него новой истории.

А.П. Берже относился сочувственно к прошлому чеченского народа, желал, чтобы его будущее было прекрасным. Вскрывая объективные причины его отсталости, он писал: «Большая же часть его (чеченского населения), занятая в продолжение почти двадцати лет войною с нами, естественно, не имела возможности развить свои производственные силы, но ныне не замедлит наступить для чеченцев новая эра жизни, которым суждена самая светлая будущность...». Эти слова как нельзя полно характеризуют концепцию этого исследователя в вопросе о будущем горских народов.

Исследуя различные стороны духовной жизни, А.П. Берже обратил особое внимание на предания чеченского народа. Учёный пришёл к выводу, что они «составляют хотя ещё не початый, но тем более драгоценный исторический материал для основательного изучения быта и нравственных особенностей горцев».

Закономерным продолжением начинаний А.П. Берже явилась просветительская деятельность П.К. Услара на Кавказе. «Дельное изучение какого-либо народа без знаний языка его немыслимо», – писал он. В марте 1862 г. в Тифлис к Услару прибыли прапорщик милиции Кеди Досов и мулла Янгулбай Хасанов. С ними он приступил к изучению чеченского языка, а в крепости Грозной открыл временную школу для обучения чеченцев их родному языку. Так им составлялась «Чеченская грамматика», которая была издана в Тифлисе в 1888 году, так была заложена основа для научного изучения чеченского языка.

К сказанному добавим, что в своих работах, посвящённых изучению горских языков, П.К. Услар, впервые в кавказоведческой литературе коснувшись проблемы поэтики горского фольклора, пришёл к выводу, что его нужно тщательно исследовать. «Труд будет обширный и потребует много лет, но он будет всемирный, как финская Калевала или как индийские поэмы».

«Нынешнее поколение горцев может учиться русскому языку не иначе как в русских школах, которые устраиваются исключительно там, где живут русские люди. Уже одно это условие поставляет в необходимость устраивать школы закрытия, принимать учащихся на полное содержание правительства», – столь откровенное заявление о необходимости обратить особое внимание на просвещение горских народов тогда впервые зазвучало из уст П.К. Услара – автора многих кавказоведческих и лингвистических трудов, посвящённых языкам этих народов. «Русский язык, сближение с русской жизнью, хотя бы даже только умственное, бесконечно важны для будущности Кавказа: подчиняясь таковым условиям, сделаем, что можно, а сделать можем мы весьма много», – писал он в своей работе «Предположение об обустройстве горских школ».

А.П. Берже, П.К. Услар, И.А. Бартоломей и другие русские учёные усердно разъясняли читающей и мыслящей России, что просвещение горских

народов имеет важное общественное значение для духовного сближения русского и горских народов. П.К. Услар писал тогда, что «мы и горцы как бы находимся на двух противоположных берегах реки, через которую нет переправы. К чести горцев должно сказать, что они не лишены любознательности. Учиться даже в зрелых летах не считается предосудительным».

Без заинтересованного и действенного участия русских учёных в постановке и решении широкого спектра проблем национальной жизни той сложной эпохи немногочисленной горской образованной прослойке, пожалуй, было бы трудно сориентироваться в определении концептуальных приоритетов в своём творчестве. Притом, и это очень знаковое явление: активное участие русских учёных в осмыслении национальной жизни привело к демократизации формирующейся общественной и просветительской мысли на Северном Кавказе и её ускоренной интеграции в русский и общероссийский контекст.

Для этой высокой цели были предназначены такие актуальные не только для своего времени, но и по сей день не потерявшие научной значимости научно-популярные издания, как «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник для описания местностей и племён Кавказа» и др., периодическая печать на русском языке Закавказья и Северного Кавказа – газеты «Кавказ», «Терские ведомости», «Терский край» и др. На рубеже XIX и XX вв. на Юге России издавалось на русском языке такое множество газет, что одно их перечисление заняло бы слишком много места.

В эту целенаправленную просветительскую работу свой весомый научный вклад вносили и различные общества, Российская академия наук, которые организовывали регулярные научные экспедиции на Северный Кавказ для изучения историко-этнографических особенностей горских народов, их культурного и духовно-нравственного наследия.

В национальных округах открывались начальные школы на русском языке обучения для детей горцев. Правда, их количество вовсе не удовлетворяло потребности всего населения. Но если, к примеру, в Чечне до 1864 года и позже таких школ было 37–40, то нетрудно представить себе, какое внимание уделялось просвещению других горских народов. Взрослые горцы приобщались к русскому языку и культуре в открытых для них в ряде городов Северного Кавказа воскресных школах. Для горских детей имелись вакансии в Ставропольской, Бакинской и Екатериноградской гимназиях, Тифлисской фельдшерской школе. В Ставропольской гимназии с 1850 по 1887 год прошли обучение 7191 человек, в том числе 1739 горцев. Из стен этой гимназии вышли выдающиеся общественные деятели и просветители, учёные народов Северного Кавказа.

Даже эти весьма краткие сведения из истории позволяют уверенно говорить, что во второй половине XIX – начале XX вв. северокавказские народы переживали ренессансный период в своём развитии. Он наступил, помимо всего прочего, ещё и потому, что в начале 60-х годов XIX века в России почти одновременно произошли два выдающихся события, круто изменившие судьбы её народов: окончание десятилетиями продолжавшейся Кавказской войны (1864) и появление Манифеста Александра II (1861) об освобождении крестьян. Последовавшие затем реформы, обновившие значительные сферы жизни российских народов, прежде всего, реформа в области образования, и явились тем историческим рубежом, с которого начинается сближение в культурной и общественно-политической

жизни России и народов Северного Кавказа и освоение ими русского языка. Ещё задолго до исторических реформ Александра II в сознании передовых слоёв русского общества под воздействием кавказских произведений А. Бестужева-Марлинского, А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого сформировалось сочувственное отношение к кавказским горцам. В. Белинский, анализируя поэму А. Пушкина «Галуб» («Тазит»), писал: «В “Галубе” показано, что и там (на Кавказе) есть человеческое достоинство, осуждённое на трагическое страдание».

Такое историческое стечение благоприятных обстоятельств привело к тому, что народы Северного Кавказа пробудились к новой жизни, у них ускоренными темпами начала формироваться на русском языке общественно-просветительская мысль и новые формы художественного сознания – письменная литература. В этом историческая роль России и русского языка.

Идейные поиски русских просветителей, выступавших против невежества, мракобесия, абсолютистского режима, за политическую свободу, гражданское равенство нашли живой отклик в умах и сердцах горских просветителей. Они, преломляя эти идеи через реальную и тяжёлую национальную действительность, рьяно взялись за составление букварей, собирание и публикацию фольклорных, историко-этнографических материалов, за литературное творчество.

Их деятельность занимает особое место в культурном наследии народов, так как является скачком от их фольклорного мышления к письменной литературе, от арабоязычной литературы до литературы просветительской, развивающейся на русском языке, поднимавшей вопросы социального переустройства действительности.

Горские просветители возвращены на культурной почве, подготовленной передовой мыслью России, но значение их подвига заключается в том, что они впервые обратились к актуальным вопросам национальной жизни, поставленным в повестку дня всем ходом истории и задачами современности (И. Ялгузидзе и Хан-Гирей, Султан Казы-Гирей, произведения которого «Долина Ажитугай» и «Персидский анекдот» А.С. Пушкин напечатал в 1836 году в первых номерах своего журнала «Современник»). Шора Ногмов в своём произведении «Черкесские предания» писал: «...Придёт время, когда в душе грубого горца вспыхнет чудное чувство – светильник жизни – любовь к знаниям <...> недолго осталось до сего счастливого времени».

По мере возрастания уровня художественного мышления в условиях развернувшейся просветительской работы начинает складываться, таким образом, художественная проза на русском языке, и концепция национальных просветителей воплощается в образах создаваемых ими произведений («Записки черкеса», рассказ «Абреки» адыгского просветителя 60–70-х годов XIX века Адиль-Гирея Кешева, «В осетинском ауле» осетинского просветителя 70-х годов XIX века Инала Канукова, рассказ «Лозы любви», очерки «Дикло и Шанако», «Картина Тушетии», «Записки о Тушетии» тушина чеченского происхождения Ивана Цискарова, историко-этнографическое исследование «Чеченское племя» Умалата Лаудаева, очерки «Присяга у ингушей», «Нравственные значения присяги у ингушей», «Об ингушских женщинах» Чаха Ахриева, «Горское паломничество» Асланбека Базоркина и др.).

В условиях нарастающих общественно-политических событий в России в 90-е годы XIX – начала XX веков, вовлекших в свою орбиту и горские

народы, в творчестве чеченской интеллигенции на первый план выдвигается публицистика, призванная пробуждать общественное и гражданское сознание народов (Т. Эльдарханов, А. Мутушев, Б. Саракаев, братья Денилбек, Заурбек и Асланбек Шериповы и др.).

...После появления письменности у народов Северного Кавказа в самом начале 20-х годов XX века, русский язык не был ими отодвинут на второй план: их художественные литературы развивались на двух языках – родном и русском, продолжая традиции просветителей предшествовавших десятилетий.

Русский язык, образно говоря, явился родным братом национальным письменным языкам. Потому он заботится о них, обогащает их словарный состав, способствуя, таким образом, их дальнейшему развитию, предоставляет национальному мышлению неведомые ему ранее языковые и стилистические формы для творческого самовыражения. Именно благодаря такой гуманной и интернационалистской миссии русского языка и русских писателей национальные литературы через каких-то десять лет после их зарождения вышли на российский уровень, поведав широкому читателю о богатстве и разнообразии своего духовного мира.

В СССР развивалось 77 равноправных литератур. Их постоянное взаимодействие в решении непростых задач сложной действительности происходило путём взаимообмена посредством русского языка накопленных духовных ценностей.

Нельзя также забывать, что становление новописьменных (младописьменных) литератур, особенно в 20–40-е годы XX века, происходило при активной поддержке и постоянном участии в этом процессе русских писателей. Из истории советской многонациональной литературы хорошо известно, что на Северный Кавказ, в Среднюю Азию и другие регионы бывшего СССР постоянно выезжали бригады известных русских писателей и оказывали молодым писателям бескорыстную помощь в их творческом труде. Таково было это время – время высокого морального и духовного подъёма людей, глубоко осознававших, что они делают одно общее дело во имя процветания их общей страны.

Классик чеченской литературы М. Мамакаев, ещё в юношеские годы сблизившись с выдающимися русскими писателями, учившийся у них мастерству художественного слова, на учредительном съезде Союза писателей РСФСР (1958) сказал в свои зрелые годы: «В нас, писателях старшего поколения, всегда живёт чувство глубокой благодарности к тем русским писателям, которые оказывали нам неустанную помощь в наших первых творческих исканиях. Теперь мы выросли и значительно окрепли... Няньки нам теперь, правда, не нужны, но от дружеской руки своих братьев мы никогда не собирались и не собираемся отказываться».

Русскоязычная литература национальных писателей... Не останавливаясь на спорах, которые раньше порой вызывались творчеством писателей нерусского происхождения, пишущих на русском языке, скажу, что произведения киргиза Чингиза Айтматова, абхаза Фазиля Искандера, чукчи Юрия Рытхэу, осетинки Езетхан Уруймаговой, таджика Тимура Зулфикарова, казахов Олжаса Сулейменова, Ануара Алимжанова, Мурата Ауэзова, азербайджанца Чингиза Гусейнова, кабардинца Алима Кешокова, ингуша Идриса Базоркина, чеченца Саид-Бея Арсанова и многих других, писавших и пишущих на русском языке, – великолепное доказательство

исторической роли русского языка в раскрытии миру неисчерпаемой духовной энергии народов, разбуженных к жизни русской цивилизацией. Такого феномена, когда язык и культура государствообразующей нации способствуют появлению языков и литератур, этносов и этнических групп, становятся для них неисчерпаемым источником для формирования национальной идентичности, в мире нет. Русский язык, являясь языком переводов художественных произведений национальных писателей, пропуская их через свой живой организм, очищает от сопутствующего словесного шлама, поверхностных трактовок образов и обогащает за счёт своих неизмеримо глубоких эстетических возможностей. Поэтому мерилom роста мастерства национальных писателей, свидетельством признания их в литературном мире являются переводы их творений на русский язык.

Философия национального мировосприятия стала достоянием всесоюзного и мирового читателя только на позднем этапе истории национальных литератур – в 60–80-е годы XX в., то есть тогда, когда в своём формировании они достигли высокого уровня. В эти годы одухотворяющая и оберегающая роль русского языка в интеграции художественной системы народов России во всероссийскую и мировую культуру была велика.

Сейчас, в условиях жестоких рыночных отношений, общественно-политических потрясений роль русского языка в судьбах национальных культур неимоверно возрастает. Мы всегда помним слова русского классика XIX века И.С. Тургенева: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! <...> Нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Пафос и концепции исследований русских учёных отмечены самым что ни на есть демократическим и бережным подходом авторов к социокультурным сообществам России (например, первая специализированная этнографическая энциклопедия по народам России, обширный энциклопедический том по народам и религиям мира, атлас «Народы России: культуры и религии» (2008); многотомная серия «Народы и культуры» (руководитель проекта и редактор этих изданий академик В.А. Тишков).

Такое восприятие историко-этнографического и духовного наследия народов России во многом обусловлены личностными качествами русских учёных, продолжающих традиции старой академической мысли, которой они всегда верны.

...Личностные качества русских учёных, их толерантные помыслы наследованы чеченскими учёными-гуманитариями, прошедшими у них академическую школу.

Так и живём в семье российской – вольной и дружной.

ПОЭЗИЯ

Инна ВАРВАРИЦА

Инна Петровна Варварица – родилась в Свердловске. В 1948 г. семья переехала в Москву. Окончила фармацевтический факультет 1-го Московского Медицинского института им. Сеченова. Более 40 лет работала химиком-аналитиком. Много путешествовала по Европе от Скандинавии до Кипра, побывала в США, Египте, Японии. Автор восьми поэтических сборников, книги стихов и прозы, двух детских книг. Член МГО СПР.

Живёт в Москве.

Куда ни глянь, простор со всех сторон...

Я генетически равнинный человек!

Как ни прекрасны горные картины –
Утёсы, скалы, на вершинах снег –
Но дышится мне легче на равнине,
В краю полей, лугов, неспешных рек,
Когда не скрыт горами горизонт,
И даль, и небо без конца и края,
Куда ни глянь, простор со всех сторон,
И вольный ветер с травами играет
Здесь, на земле! А в небе облака
Летят, куда хотят, преград не зная!
Моей душе их вольница близка!
Наверное, генетика такая!

Домой в счастливый год победный
Пришёл с войны отец живой!
Он с фотоаппаратом ФЭДом
Был неразлучен. И со мной
Любил гулять в ближайшем сквере
И делать снимки. А потом
При красном, затаённом свете
Их проявлял. Но не о том
Здесь речь идёт. На снимках этих,
На чёрно-белых и простых,
Мне детство солнечное светит,
Так сохранившееся в них!

Ополчились на страну
Все акулы, все шакалы –
Так их жадность обуяла,
Так хотят разжечь войну!
И как в прошлом всё! Опять
На Россию лезут сворой –
Не дают спокойно спать
Наши недра и просторы!

Забывают каждый раз
Эти алчные соседи –
Терпеливо дремлет в нас
Сила русского медведя!
Их не раз медведь учил –
Кто тревожил сон берлог,
Еле ноги уносил
Из России! Если смог...

Тихая осень

Какая тихая пора,
Природы умиротворенье,
Где солнца в меру и тепла,
Листвы ленивое круженье.
И ни намёка нет о том,
Что близится зима седая.
Вот клён о чём-то о своём
Шуршит, к окошку припадая.
Пока не грянули дожди,
Понять бы, что он шепчет, надо.
Окно открою:
– Заходи,
Пора стихов и листопада!

Родственные души

Меж прохожих по бульвару,
Лихо встречных разгоняя,
То пугая, то петляя, –
Велосипедист с товаром.
Мчит, покой людей нарушив,
А за ним – собака с лаем.
Я собаку понимаю,
Мы с ней – родственные души!

ЮБИЛЕЙ

**115 лет со дня рождения известного
русского учёного-филолога
Николая Ивановича Либана**

Из лекций Н.И. Либана:

**Н.М. Карамзин, «История
государства Российского»**

Приступая к написанию «Истории государства Российского», он ставил перед собой совершенно определённую задачу.

Эта задача была в первую очередь гражданская. Я уже вам много раз говорил о том, что народность, нация начинает себя осознавать как историческую силу с того момента, как она создаёт историю. История фиксирует бытие нации. Вот почему в XVIII веке, когда создаётся новая государственность (я имею в виду время Петра), у многих современников возникает настойчивое желание – написать историю. Сам Пётр был в этом заинтересован. И в последующий екатерининский период эта идея господствовала. Екатерина всячески старалась извлечь из истории тот материал, который бы работал на современную Россию. И только Карамзин взял на себя бремя этого труда. И выполнил его. Уже в XIX веке. Он уже многое пережил (Екатерину, Павла, Александра I), наполеоновские походы, французскую революцию, цепь потрясений в Европе. Всему этому Карамзин был свидетель, и всё это он должен был оценивать и понимать. И, приступая к русской истории, он должен был соотносить явления русской действительности с явлениями мирового движения, прошлое с современностью.

Огромно создание Карамзина по значимости и по объёму. Нужно было пересказать русскую летопись! Только ли пересказать? Нужно было понять, как возникает эта народность; нужно было как-то осмыслить варяжскую легенду; нужно было понять и сформулировать значение русской идеи; наконец, нужно было отделить так называемый фольклорный материал, то есть сказочный, от действительности и в то

Николай ЛИБАН

Николай Иванович Либан (15.09.1910–05.12.2007) – заслуженный преподаватель филологического факультета МГУ, историк литературы X-XIX вв., лектор и педагог, внесший огромный вклад в дело филологического образования. Окончив педагогический институт им. В.П. Потёмкина (1937 г.), поступил в аспирантуру МИФЛИ и после слияния его с МГУ им. М.В. Ломоносова (декабрь 1941 г.) преподавал на кафедре истории русской литературы. Читал курсы, среди которых главные: История древнерусской литературы; Русская литература XVIII века; Из истории русского романа XIX века; Мемуарная проза; Бульварный роман. Исследовал творчество Н.С. Лескова с 1957 года и стал главным редактором Полного Собрания Сочинений писателя в 30-ти томах (1996-2007). Наследие Н.И. Либана имеет непреходящее значение.

же время нужно было сохранить народный колорит. Песни, предания, сказания, которые мы встречаем в летописи, должны были войти и в новую, карамзинскую летопись. И всё это вошло. Конечно, всё это имело характер повествовательный, или ознакомительный. Это ещё не была та история, которая захватывала за живое. За живое будет захватывать, начиная с XIII века. Там материал такой близкий и такой кровный, что современник не мог на него не реагировать. На материал XII века, ранние летописи, существует интересный отзыв отца Герцена: «Всё Изяславичи да Ольговичи – кому это интересно?» Действительно, Россия уже забыла о тех князьях и боярах, которые княжили и царствовали. Они сделались лишь такими «звуковыми» фигурами, за которыми мало что стояло. Но ошеломляющее действие наше- ствий должно было затронуть молодую нацию, ибо нашествие – это война, а Россия всё время ведёт войны. Эти войны прошлого входят в летопись, и эти войны прошлого проецируются в настоящее.

«История государства Российского» – это был подвиг историка-художника. Об этом труде можно говорить очень много. Наше внимание будет сосредоточено по преимуществу не на историческом изложении, а на факте беллетризации, если так можно выразиться, беллетризации истории.

Этапы истории вставляли перед Карамзиным как живые. Его описание крещения Руси было чрезвычайно современно по той простой причине, что он хорошо понимал, что есть миссия, миссионерская проповедь. Он прекрасно видел и понимал, какая пропасть существует между теми, кто обращает, и теми, кого обращают. Он понимал, что это крещение – купание, а не воспитание. Тут надо прямо сказать, что это целая трагедия в истории нации; это трагедия писателя. Трагедия в том смысле, что писатель должен объяснить социальную и духовную психологию новообращённых, той самой молодой народности, которая так далеко стояла от просвещения и понятия силы духа, силы веры. Как официальный, или официозный, историк, он был связан своей официозностью, а поэтому он не мог давать критики в нашем смысле слова, то есть сатирического разоблачения, потому что это никак не входило в его задачи. Это не входило в его духовный замысел, ибо сам он, в конечном счете, видел в этом огромное миссионерское, культурное начало – просвещение. Но показать крещение как апофеоз ему тоже не представлялось возможным. Вот это целая тема для художественного произведения. Этот отрывок летописи обращается в замечательную поэму, где наличествует и масса, и герои, и идея, и понимание этой идеи, и непонимание её.

Но если XI и XII века выступают как в тумане, то XIII век – уже совсем другое дело. Вот здесь впервые встаёт тема, которая потом будет преследовать Россию всю историю: это тема степи. Степь, степняк – основной враг Руси. Это столкновения с половцами, с народностями, населяющими это огромное пространство. Карамзин, не будучи ориенталистом, не вступает в этот мир, не изображает его. Он сосредоточен всецело только на Руси. И может быть, это очень хорошо, потому что его история – это история *государства Российского*. И в этом мире борьбы со степью мы встречаем совершенно изумительную трагическую часть – изображение внутрикняжеской, или междоусобной, борьбы. Племенные, родовые и другие начала выступают с такой яркостью, что любой беллетрист мог бы позавидовать этой теме. Здесь столько материала для художественного воплощения. Вот то, чего Карамзину не хватало всю жизнь. Если он всегда выступал как художник, в какой-то степени примиряющий мечту и действительность, выступал

как лирик, как человек, желающий найти всем успокоение, то здесь он должен был остановиться перед правдой жизни, перед страшной кровавой трагедией междоусобной борьбы и наступления степи на славянский мир.

Конечно, здесь очень много возникало у него параллелей с западными и восточными источниками. То, что он писал в первых томах «Истории государства Российского», ведь это всё в сущности компиляции из западных и восточных хроник. Их материал перекликался с русской действительностью или давал какой-то материал для понимания того, что происходит. Карамзин сопоставлял то, что делалось на Западе, то, что делалось в норманнских странах, то, что делалось в азиатских странах, – это всё повторялось на Руси. Это были такие опорные пункты, которые давали возможность историку идти дальше.

XIII век раскрылся во всей своей наготе: татарское нашествие, трагедия целого народа, порабощение сверху донизу народа, к которому по крови принадлежал он. Здесь исторический источник должен быть и справедлив, и поучителен. Сколько тут различных линий для художественного воплощения!

Я сейчас всё время говорю о художественном воплощении. Я не смею говорить об исторической справедливости, об исторической достоверности, наконец, об историзме, потому что это область другого специалиста – историка. Мы же с вами филологи, и поэтому мы можем черпать из этого источника только филологический, словесный, психологический материал – и не более того. Историк, социолог должен осмыслить закономерность развития. Мы же пользуемся этой закономерностью в силу художественной логики произведения. Поэтому XIII столетие от 1237 до 1308 года – это тот материал, который даёт огромную трагическую картину Руси – порабощение. Никто так хорошо не понял и не оценил этого, как первый историк, в сущности говоря, свободный от предрассудков исторической науки. Все те рассуждения о восточном влиянии, о пользе восточного влияния, о необходимости рассматривать этот период как славяно-азиатский, то, что потом даст дурные всходы евроазиатских учений (едва ли нужно сейчас об этом говорить), исторически не подтвердились. А нужно говорить о том, что Карамзин увидел в этом историческом движении свет, прогресс, который сосредоточился в руках русских людей аскетического направления. Поэтому очень существенно здесь сказать о роли Сергия (Варфоломея). Что он и делает. Очень существенно здесь говорить о периоде обретения нации, о том, что народ осознаёт себя как нечто целое, как нацию. Здесь очень существенно говорить о Симеоне Гордом и вообще о той оппозиции, которая выросла в княжеской среде по отношению к Орде.

Перед нами выступает и другой мир – мир XIV века, мир отрезвления, мир осознания своего величия – после сентября 1308 года, после Куликовской битвы. Для Карамзина это был этап не только развития Руси – это этап его духовного совершенствования, или обретения самостоятельности, как угодно. Здесь такой историк, как Карамзин, историк-психолог, не мог пройти, и он не прошёл, мимо того явления, которое можно назвать возрождением. Русская народность вступила в новую фазу, это вне всякого сомнения. Наступает расцвет, прежде всего интеллекта и духа. Вот где надо сказать «не хлебом единым»! Это духовное начало и одерживает победу. Кстати говоря, Карамзин много раз будет указывать на то, что Русь – она тем и велика, что имеет огромный духовный потенциал. Это Сергий

Радонежский, это Андрей Рублёв, воспитанный в этом же мире, это Епифаний Премудрый. Это расцвет искусств, книжности и просвещения. Таков XIV и начало XV века.

Начиная с XVI столетия характер изложения постепенно меняется. Историк-повествователь перестает быть хроникёром. В повествование врываются субъективные моменты отношения Карамзина к эпохе Грозного. Целых два тома «Истории» посвящены жизни и деятельности великого князя Ивана Васильевича. Его детство, и отрочество, и возмужание, и зрелость, и старость – всё проходит перед взором историка и оком читателя. Эволюция, изменение характера рисуется на фоне политических событий, которые переживает Русь в это время. Милолюбивый воспитанник Сильвестра и Адашева делается деспотом, не отдающим отчёта в своих поступках, преступлениях. Карамзин как бы заостряет внимание на моральном падении своего героя, героя русской истории – Ивана Грозного. Его преступления делаются предметом детального описания и рассмотрения. Карамзин желает понять психологию человека, воздействие окружения, событий на сознание самодержца. Идея единодержавия, или самодержавия, уже выступает здесь во всей своей обнажённости. Метания Ивана IV от молитвы к преступлению, от раскаяния к оргии, от бунта к успокоению и юродству вырисовываются с необыкновенной яркостью под пером художника-беллетриста. Александровская слобода и её обитатели – игумен Грозный и монахи-опричники, под монашеским одеянием которых находятся роскошные одежды, жизнь по монастырскому уставу показаны как сплошное издевательство и насмешка над монастырём и над аскетическим уставом. Смех приобретает злоеющее звучание, религиозная идея почти утеряна, или утрачена, или утоплена в крови безумных оргий взбесившейся опричнины. И после этого – тягостное раздумье Иоанново над собственными преступлениями.

Совершенно изумительна сцена встречи Васьки Шибанова с Грозным. Это уже чисто шекспировская встреча. В русской историографии нет ничего подобного. Я не знаю ничего подобного и в европейской беллетристике. «И на спокойное око слуги // Взирает испытующим оком». Грозный поражён стойкостью, непреклонностью, верностью раба господину. Он, окружённый лестью, вдруг увидел, что помимо лести есть другое: есть признание и привязанность, есть понятие чести – чести слуги. Не раба, а слуги, того, кто служит не за страх, а за совесть – в полном смысле этого слова.

Глубоким драматизмом проникнуты сцены беседы, столкновения и борьбы Филиппа Колычева и Ивана IV. Мы видим, как углубляется анализ внутреннего мира человека: там Шибанов – здесь Колычев.

Вообще весь том написан с таким подъёмом, что он до сих пор читается как хороший исторический роман. России повезло с историческим романом. И если вершиной его была «Война и мир», то зародышем было именно карамзинское описание эпохи Грозного. Вот где вопрос личности и государства впервые встал во всей своей силе. Вопрос, над которым будет раздумывать вся Россия в последующее столетие. Каждая социальная теория будет стремиться разрешить этот вопрос. Но это только стремление. Решения его ни Карамзин, ни последующие историки не дают.

Эпистолография выступила наконец в этом томе с такой силой, как никогда ещё до этого не выступала. Ни одно из апостольских посланий не может сравниться с тем, что написали Курбский и Грозный. Они, в сущности

говоря, люди различных полюсов, различных цивилизаций, но люди одной земли, и не будет преувеличением, если мы скажем – одной крови. Но здесь столкнулись деспотизм и личное достоинство, и так скрестились их мечи, что нужен был какой-то большой исторический перелом, чтобы разрешился этот исторический конфликт. Этого перелома не произошло. Историки увидели в князе только эмигранта. А респондент понял его поступок как измену отечеству.

Вообще исследование, посвящённое «Истории государства Российского» и русской беллетристике, которое хотелось бы сделать, настолько грандиозно, что, говоря словами древнего, «ни самому, мню, всему миру вместить пишемых книг» («и самому миру не вместить бы написанных книг»).

Вот теперь можно сказать: «Ну, Грозный! Ну, Карамзин! Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна, или дарованию нашего Тацита!»

Стиль гражданского пафоса у Карамзина постепенно угасает. И всё ближе к Смутному времени мы видим, как возрастает субъективное разочарование автора в фактах родной истории. Но самое главное он сделал: он показал, что исторические факты могут и должны быть предметом словесного искусства. И не будет преувеличением с моей стороны, если я скажу, что эта манера художественно изображать исторический материал была продолжена. И когда мы с вами расстанемся, я вам очень рекомендую читать «Курс русской истории» В.О. Ключевского, где история встаёт в образ. И человек читающий не может не запомнить эпопею русской истории.

Я благодарю вас всех, что вы интересуетесь XVIII веком. И не напрасно. Вы увидите, как это будет интересно, когда придётся столкнуться с другим столетием. Для вас это будет не на пустом месте, это будет на большом историко-литературном фундаменте искусства и литературы XVIII века.

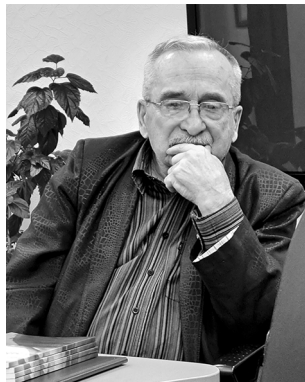

ПОЭЗИЯ

Пётр ГУЛДЕДАВА

Пётр Георгиевич Гулдедава – поэт, член МГО СП России и Академии российской литературы. Автор четырнадцати книг поэзии и прозы. Дипломант и лауреат московских и всероссийских конкурсов.

Живёт в Москве.

Я всё равно остался у штурвала...

На закате...

Не всем на веку воплотить удаётся
Заветы священных скрижалей...
Красивая молодость людям даётся,
Чтоб мы красоту умножали.

Но юная кровь хороводит и бродит
Тернистым путём нетерпенья,
И очень немногие «в люди выходят»
В итоге трудов и смиренья.

Немало дорог одолеть нам придётся
По местностям горным и низменным...
Красивая молодость многим даётся,
Красивый закат – только избранным!

Осмысление

Когда мой катер, не сумев причалить,
Скользил на догорающий закат
И чайки мне тревожно предвещали
Судьбу невозвращения назад,

Я всё равно остался у штурвала
Того же курса: верить и любить!
И думал напряжённо и устало,
Что всё бывшее следует забыть.

То тут уж, братцы, volensnolens,
Забудешь про былой салют:
Ничем особо не неволясь,
Ешь всё подряд, пока дают!

Но мало радости, хоть тресни,
Когда поймёшь, что им и вам
Обмен стихами интересней
Натужной страсти по ночам!

Всё позади...

Всё позади: разлуки и печали,
Триумфы оглушительных побед,
Былые бригадины на причале,
Тревоги прежних радостей и бед...

Труднее стало исправлять ошибки,
Сложнее стало «покорять принцесс»:
На что вчера хватило бы улыбки,
Сегодня нужен длительный процесс...

Мы жерновами жизни перемолоты,
Но уцелела совести шкала.
Внутри себя как будто вечно молоды,
Мы с недоверьем смотрим в зеркала.

Но мы уже не те, кем были ранее,
И сколько сам себе теперь ни лги я, –
Агония бывшего обаяния –
Бесплодная пустая ностальгия!

ПАМЯТЬ

Евгения ПОЛЯКОВА

«Василий» – значит «царственный»

В.Е. Поляков (1938-2024) – врач-педиатр, доктор медицинских наук, профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры, член Союза писателей России.

Конец июля – благословенная пора в Центральной России! Погода, как правило, стоит хорошая, лето в зените, началась пора отпусков. Те же, кого дела удерживают в городе, всё равно стремятся выехать на природу.

Не была исключением и семья Поляковых, тем более что 28 июля, именины Владимира и Василия, было днём традиционного сбора семьи. Традиция эта имела давние корни. Предки главы клана, Василия Евгеньевича Полякова, жили в Ростове-на-Дону. Его родители учились в одной школе, полюбили друг друга и поженились очень рано. С обеих сторон Владимиров и Василиев было несколько. Родственными связями очень дорожили, держались друг за друга и раз в год, 28 июля, устраивали грандиозный общесемейный праздник.

В эпоху государственного атеизма о религиозном подтексте этого дня не вспоминали, но традиция отмечать именины Владимира и Василия была жива и передавалась от старших к младшим. Впервые в советское время 28 июля было заявлено как праздник 1000-летия Крещения Руси в 1988 году. Тогда много говорилось о том, что князь Владимир Святославович в 988 году принял крещение с именем Василий и этим сделал цивилизационный выбор. Василию Евгеньевичу в этот год исполнилось 50 лет, он был уже вполне сложившимся человеком, опытным учёным. Он с большим вниманием отнёсся к обилию религиозной информации, которая вдруг водопадом обрушилась на наши головы. Но в его душе день 28 июля всё равно остался в первую

Евгения Васильевна Полякова – прозаик, критик. Родилась в Москве. Окончила МГПИИЯ им. М. Тореца, работала переводчиком, преподавателем. Литературной деятельностью начала заниматься в 2018 г. Публиковалась в альманахе «Славянские встречи», в альманахе «Чонгарский бульвар», в литературно-историческом журнале «Великороссь», в журнале «Московский вестник», в литературно-художественном журнале «Свет столицы», в газете «Московский литератор». Член литературного объединения «Чонгарский бульвар». С 2020 г. член Московской городской организации Союза писателей России. Живёт в Москве.

очередь как память о счастливых днях раннего детства.

Он знал со слов матери, что Василием его называли в честь её отца, Василия Николаевича Орлова. Тогда традиция называть детей в честь бабушек и дедушек была очень распространена, да и сейчас многие ей следуют. Василий Евгеньевич всю жизнь собирал информацию об истории семьи, размышлял о значении имён «Владимир» и «Василий». Имя «Владимир» всегда было популярно, близко и понятно: «владеющий миром». А вот имя «Василий» требовало перевода, и об его истинном значении знали далеко не все. По-гречески «Василий» означает «царственный», «царского рода». Базилевсом в Византии называли императора, имя «Василий» входило в императорский именник, то есть простым людям не присваивалось. То, что князю Владимиру при крещении дали это имя, было хорошо продуманным дипломатическим ходом. Варвар в глазах ромеев, жителей древней Византии, предводитель полудикого воинственного племени как бы признавался равным византийскому императору, что гарантировало защиту от набегов русичей. Таким образом, обе стороны извлекали пользу из дружественных отношений.

Имя «Василий» было очень распространено в России. Специальные исследования частотности имён показывают его стабильную популярность на протяжении веков. К концу XIX века частотность достигает максимума, имя «Василий» становится вторым по употреблению после «Ивана». А вот сразу после революции 1917 года частотность идёт резко вниз, снижаясь до 3% к началу 60-х годов XX века. Более того, к этому времени оно стало преимущественно деревенским, в городах мальчиков Василиями уже почти не называли. К концу XX века принижение имени «Василий» достигло своего предела. Появились выражения «Эх, ты, Вася!» как упрёк неудачнику, «Вася Пупкин» для обозначения ничем не примечательного обывателя. Василий Евгеньевич очень болезненно относился к такому уничижительному отношению к его имени, но не объяснять же каждому невежде, как он заблуждается! Про себя он хорошо понимал величие своего имени.

Имя «Василий» было очень распространено в России. Специальные исследования частотности имён показывают его стабильную популярность на протяжении веков. К концу XIX века частотность достигает максимума, имя «Василий» становится вторым по употреблению после «Ивана». А вот сразу после революции 1917 года частотность идёт резко вниз, снижаясь до 3% к началу 60-х годов XX века. Более того, к этому времени оно стало преимущественно деревенским, в городах мальчиков Василиями уже почти не называли. К концу XX века принижение имени «Василий» достигло своего предела. Появились выражения «Эх, ты, Вася!» как упрёк неудачнику, «Вася Пупкин» для обозначения ничем не примечательного обывателя. Василий Евгеньевич очень болезненно относился к такому уничижительному отношению к его имени, но не объяснять же каждому невежде, как он заблуждается! Про себя он хорошо понимал величие своего имени.

Одно из самых интересных исследований в области ономастики, науки об именах, принадлежит перу о. Павла Флоренского, выдающегося богослова начала XX века. В своей работе «Имена» он глубоко исследует феномен имени вообще и его влиянии на судьбу и характер человека. Вот к каким выводам он приходит: «Имя определяет личность и намечает идеальные границы её жизни... Имя оценивается Церковью, а за нею – и всем православным народом, как тип, как духовная конкретная норма личностного

бытия, как идея, а святой – как наилучший её выразитель». В своей работе П.А. Флоренский анализирует целый ряд христианских имён, а имя «Василий» исследует на примере Василия Великого, величайшего церковного деятеля начальных веков христианства. Он известен как автор литургии Василия Великого, изобретатель иконостаса, блестящий проповедник. Церковь почитает его как одного из трёх святителей наряду с Григорием Богословом и Иоанном Златоустом. Но мало кто знает, что Василий Великий стоял у истоков современного устройства системы медицинской помощи.

Василий Великий жил в IV веке н.э., происходил из богатой благочестивой семьи, получил блестящее образование. Он обладал талантами и знаниями в очень многих областях, в том числе и в медицине. В Кесарии Каппадокийской (современная Турция) святитель Василий в качестве церковного служителя проявил незаурядные организационные способности. Во время голода 367 года, вызванного неурожаем, он организовал эффективную систему помощи малоимущим. В своих проповедях, основанных на евангельской этике, он призывал богатых горожан помогать нуждающимся. Позднее, уже став епископом Кесарии, Василий создал большое попечительское заведение, названное по его имени «Василиада». Оно было основано и поддерживалось на средства от продажи его наследства и вкладов других состоятельных людей. Василий лично руководил работами, сам трудился на строительстве. Благодаря его письму мы знаем подробности устройства «Василиады». В центре этого, выражаясь современным языком, многопрофильного комплекса, находился великолепный храм, а вокруг больничные корпуса, странноприимный дом и приют для малоимущих с многочисленным персоналом. В больнице всегда были готовы лошади и повозки «скорой помощи». Для самого себя архиепископ Василий выбрал работу в лепрозории, самую опасную и тяжёлую. Он сам ухаживал за прокажёнными.

«Василиада» просуществовала до VI века и послужила образцом для организации больниц и странноприимных домов по всей Малой Азии. Современная система оказания медицинской и социальной помощи во многом опирается на идеи и опыт Василия Великого.

День памяти Василия Великого христианская церковь отмечает 14 января. В нашей стране в этот день большинство граждан празднуют Старый Новый год...

Василий Евгеньевич не был знаком с работой о. П. Флоренского, но ему наверняка понравилось бы его высказывание, что «имя направляет жизнь личности по известному руслу и не даёт потоку жизненных процессов протекать где попало». Собственно, вся жизнь В.Е. Полякова служит доказательством этой мысли.

Между судьбой Василия Великого и В.Е. Полякова можно провести очень много параллелей. Оба родились в любящих, высококультурных семьях, оба с детства проявляли прекрасные способности в самых разных областях.

Василий Евгеньевич вспоминал, что его мать, Надежда Васильевна, была разносторонне талантлива от природы. У неё было сильное меццо-сопрано, бесспорные актёрские способности, она занималась балетом и прекрасно танцевала. Отец, Евгений Владимирович, любил и знал литературу, сочинял стихи. В силу жизненных обстоятельств родители не связали свою жизнь с искусством, выбрали вполне «земные» профессии: инженер-строитель и бухгалтер. Но тяга к прекрасному была в семье очень сильна и в

полной мере передалась Василию Евгеньевичу. Ещё в школе он с успехом участвовал в школьных спектаклях, занимался в студии Центрального детского театра, сочинял рассказы, небольшие пьесы, стихи. И преподаватели, и друзья считали, что он посвятит себя искусству театра. Но неожиданно для всех он выбрал профессию медика.

Внешне этот выбор объяснялся просто. Актёр – профессия очень зависимая. Сколько различных условий должно совпасть, чтобы человек в полной мере реализовал свой талант! К тому же помощи от родной семьи ждать не приходилось, там были свои сложности. А человек чувствовал в себе колоссальный потенциал, мог и хотел достичь очень многого. Имя «Василий» властно требовало ставить перед собой высокие задачи. Талантливым людям живётся нелегко. Как не утонуть под натиском массы ярких способностей, разнонаправленных интересов? Только одним способом: сделать так, чтобы твои таланты были направлены на служение людям, на исполнение замысла Божия, который Он имеет о каждом человеке. Тогда «всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф. 25:26-30).

Выбор медицинского вуза был для Василия Полякова идеальным решением, ведь медицина – это вершина человеческих знаний. Она одновременно и наука, и искусство, и служение. Ещё в институте Василий Евгеньевич увлёкся гематологией, наукой о кроветворении и заболеваниях крови. Он стоял у истоков детской онкологии в нашей стране. Его кандидатская диссертация была посвящена лечению лимфогранулематоза (злокачественному заболеванию лимфоидной ткани) у детей, а в докторской диссертации он изложил созданную им схему лечения этого заболевания, которую он запатентовал как изобретение. Василий Евгеньевич выступил также как организатор обучения врачей-педиатров раннему диагностированию и терапии онкологических заболеваний у детей на всей территории Советского Союза, что позволило спасти тысячи жизней маленьких пациентов.

Все свои многочисленные таланты Василий Евгеньевич так или иначе подчинил выбранной профессии медика. От природы он был здоровым и крепким, прекрасно играл в футбол, плавал, ходил на лыжах. После окончания медицинского института поступил в клиническую ординатуру. Пришлось поработать и участковым врачом. Отец как-то показал мне на карте Москвы свой участок размером с провинциальный город. Тогда это была рабочая слободка, транспорта никакого. Молодой доктор Поляков специально тренировал себя на скорость ходьбы, понимая, что от того, как быстро он придёт по вызову к маленькому пациенту, может зависеть жизнь больного. Привычка быстро ходить осталась на всю жизнь. Увлекался В.Е. Поляков и игрой в шахматы. И однажды ему довелось сразиться в шахматной партии с пациентом-подростком, сильным игроком, а на кону стояло согласие юноши на пункцию грудины для контрольного исследования костного мозга, процедуры весьма болезненной. Доктору Полякову стоило большого труда выиграть у мальчика, так как приходилось всё время отвлекаться на врачебные обязанности, зато завоеванный авторитет укрепил доверие пациента к врачу, и процедура прошла успешно.

Свою преданность выбранному пути В.Е. Поляков подтверждал кровью сердца в прямом смысле этого слова: он был почётным донором СССР.

Владение пером, умение излагать свои мысли ясно и чётко также очень пригодились Василию Евгеньевичу. Он автор более 500 печатных научных работ, в том числе 15 монографий. По результатам научной и преподавательской деятельности ему было присвоено звание профессора. В течение нескольких лет В.Е. Поляков читал курс лекций «Клиника и лечение онкологических заболеваний у детей» в Московском медицинском институте им. Н.А. Семашко. Позднее лекции вышли отдельным изданием. Это было первое в Советском Союзе учебное пособие по онкологии детского возраста. Не хочу вдаваться в научную специфику этих лекций, приведу лишь пару цитат, посвящённых деонтологии (медицинской этике) процесса лечения:

«Врач должен сосредоточить всё своё искусство во время первой встречи с родителями... Следует учитывать степень образования, культуры, воспитания родителей, тип нервной деятельности, их реакции во время обследования ребёнка. Сложившиеся отношения врача с семьёй больного ребёнка во многом определяют и влияют на ход лечения». Не правда ли, похоже на режиссёрский разбор сложной пьесы?

А вот ещё: «Всё достигнутое лечащим врачом может быть сведено на нет неосторожным словом товарища по работе. Деонтология в больнице не может не быть коллективной. В детской клинике, где лечатся дети со злокачественными опухолями, должны работать беззаветно любящие детей люди, способные как никто другой к сопереживанию, оптимистичные по натуре. Необыкновенно трудна работа онколога-педиатра, но он никогда не должен терять веры, сил и терпения в борьбе за жизнь ребёнка». Я думаю, под этими словами мог бы подписаться и Василий Великий.

Врачебная специальность выработала у Василия Евгеньевича привычку очень внимательно относиться к каждому человеку: профессиональный интерес неотделим от интереса к человеческой личности. Поскольку пациентами доктора Полякова были дети, интерес к их жизни, развитию, состоянию здоровья сохранялся на долгие годы. Как он радовался, когда его бывшие пациенты становились взрослыми людьми, создавали семьи, рожали детей!

А как же увлечение театром, литературой, искусством? С годами оно не только не исчезло, но становилось всё серьёзнее, глубже, обогащалось огромным человеческим опытом. В зрелые годы Василий Евгеньевич активно занялся писательским трудом, выпустил несколько книг стихов и прозы, стал членом Союза писателей России. Круг его интересов необычайно широк, но медицинская тема всё же красной нитью проходит через всё его литературное творчество. Из его произведений мы узнаём, что Сергей Есенин служил военным санитаром на фронтах Первой мировой войны. Что псевдоним «Станиславский» впервые был использован хирургом А.Ф. Марковым, с которым в одних любительских спектаклях играл К.С. Алексеев, будущий реформатор театра. Что два русских музыкальных гения, А.П. Бородин и М.П. Мусоргский, познакомились на дежурстве во Втором военно-сухопутном госпитале, где Бородин был дежурным врачом, а Мусоргский – дежурным офицером.

Если охарактеризовать всю разностороннюю деятельность В.Е. Полякова одним словом, то это слово – «просветитель». Василий Евгеньевич верил и знал, что каждый человек в чём-то талантлив, и обязанность каждого человека – этот талант реализовать. Он сам рос всю жизнь и других побуждал работать, достигать новых высот, побеждать собственную лень,

косность, силу обстоятельств. Я знаю многих людей, которых он буквально заставил защитить диссертацию, написать книгу, опубликовать научную статью. Он осознавал, что высокие прекрасные замыслы могут так и раствориться в ежедневной суете, а вот если их реализовать, хотя бы в самом простом виде, они могут послужить точкой отсчёта для дальнейшего движения человека вперёд.

В заключение не могу не привести ещё одну цитату из работы П.А. Флоренского «Имена»: «Имя Василий этимологически означает "царский, царственный". Если в царственности основным признаком признавать... необходимую царю способность охватывать с некоторой высоты широкий кругозор и сознательно вести в охватываемой области планомерную деятельность, то, действительно, царственность, так понимая, есть существенный признак Василия...»

По моему глубокому убеждению, имя – это позывной для связи с космосом, с высшими силами. Он, этот сигнал, работает в любом случае, даже если человек об этом не задумывается. А уж если он осознанно использует имя как канал связи с высшим разумом, то ему передадут намного больше ценной информации. Не стоит пренебрегать такой возможностью!

ПОЭЗИЯ

Валерий БОКАРЁВ

Валерий Бокарёв (Бокарев Валерий Павлович) – поэт, член Московской городской организации Союза писателей России, член-корреспондент Международной академии наук и искусств, член литературного клуба «Творчество и потенциал». Автор семи книг и многочисленных публикаций. Обладатель премии и звания «Золотое перо Руси». Выпускник химического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, учёный физико-химик, доктор технических наук, начальник отдела АО «НИИМЭ», профессор базовой кафедры микро- и нанoeлектроники МФТИ. Автор монографии «Поверхность и физико-химические свойства кристаллов», двух учебных пособий и более 200 научных работ и патентов на изобретение. Член Организационного и программного комитетов ежегодного российского Форума «Микроэлектроника». Имеет почётное звание Министерства промышленности и торговли Российской Федерации «Почётный работник электронной промышленности».

Живёт в Москве.

Мы уходим, солнце догоняя...

Зелёный дым – в лесу цветут берёзы.
И кружат прошлогодний тёмный лист
Весенние неопытные грозы.
А вечерами – соловьиный свист!
В излучине реки, там, за еловой тенью,
Церковной колокольни белый след,
В водоворотах, бурое волненье
В Москву-реку уносит. Яркий свет
То в петушином крике искажаясь,
То раздробясь меж крыльями скворца
И золотом на лица опускаясь,
Наполнит созерцанием сердца.

В тишине пожить тоже не плохо.
Погрустить, помолчать, посидеть.
Зарастают дорожки мохом,
Если будешь жалеть и беречь.

В суете наша память увянет.
Позабудешь, с кем был знаком.
Как прохладой с балкона тянет!
Как деревья шумят под окном!

Для чего нам другие дали,
Шум Парижа и солнце Рио,
Если мы ещё не видали
Лес в закате с высот обрыва?

Если не были в том тумане,
Что выходит в луга у речек?
Проклянём себя и обманом,
Обменяв этот мир на речи.

Ангел мой стоит в печали.
Отвернулся, взмах крылами...
Словно облако он тает,
Будто птица улетает.

Протянуть хотел я руку,
Закричать, что было силы.
Но не вымолвил ни звука,
Не спросил: «Куда ты, милый?»

Тоска по синжанскому дому,
По бабушкам верным моим,
Подобна весеннему грому –
Я ею раним и храним.
Тоска по ушедшему детству,
По тёсу, укрывшем забор.
Он создал пружинное место,
Где множился детский задор.
Тоска. Почему безвозвратно
Утерян тот истинный мир,
В котором всё было приятным,
Который веселье дарил?

Лес да лес, без перерыва –
Сосны, ели, сосны, ива.
Вот берёзы забелели,
Вот ветла взметнулась криво.
Вот и поле, а за полем,
Над зелёными садами,
В стаях птиц, в заката море,
Церковь реет куполами!

Незабываемое

Когда за окнами в саду бушует вьюга
И поздний час, и в комнате темно,
И щёлкают дрова, и печка льёт тепло,
Как оттепель, нагрывшая с юга.
Или когда далёк рассвет,
А через окна лунный свет,
Как призрак, бродит пред очами;
Когда уже родные спят
И тишины свершён обряд,
Я грежу этими ночами!
Вот дверь скрипит,
И бабушка идёт.
Комод открыт,
Она бельё берёт.
И пол слегка дрожит.
И деревянных стен священный запах.
И кот, пробравшийся сюда на мягких лапах.
А время всё летит.
Вот бабушка опять; мой хохот звонкий –
Меня катает кока на закорках.
Вот лампы свет, его я ждал, как ласку.
И бабушка рассказывала сказку.
Когда же в комнате я засыпал один,
Как часто бой часов меня будил.
Тогда я прятался порой под одеяло.
Мельчайший шорох чутко ощущал,
Я фантазировал и сказками стращал
Себя. В ночи мечтал немало.
Я был и принцем, и в каких-то странах
Врагов несметные войска разбил.
Вино из кубков драгоценных пил,
В сраженьях не заботился о ранах.
И, видно, Бог меня хранил...
Я улетаю куда-то в самолёте;
В подводной лодке, в окружении мин,
От кораблей презренных уходил;
Рассчитывал орбиту в звездолёте.
Но почему-то всюду был один.
Вот мой отец в морской военной форме,
С ним рядом брат и мать.
Отлично помню,
Как мы деревней шли гулять,
И любовались нами все невольно.
Вот с кортиком, почти как у отца,
Я пробираюсь через двор,
Заросший сорною травой,
А бабушки следят за мной

С крыльца.
Опять рассвет,
Трясусь в автомобиле.
Ночь, фары свет
И в нём кусты проплыли.
Лиса и хвост её успел вильнуть.
Телега, трактор, лес и тот же путь.
Ну хоть бы чуть забыть, хотя бы чуть.

Облака сомну, как цветка росток.
Всё равно плывут на восток.
Задержать? Изволь – лишь глаза закрыть.
Но открою – вновь продолжают плыть!
Дождь пройдёт. Меня остудит чуть-чуть.
Но остаток дня не могу свернуть!
Говорю слова, заклинаний бред.
Заболит голова – вот и весь эффект.
Не могу тебя я приворожить.
И остаток дня, сжалась, убежит.

Кошмар

А иногда ночами нервы
Придают душу, выжав сон.
И вижу день камлания первый,
И за каким-то зверем гон.
Борзых ощеренные пасти,
И топот ног, и ветра бег,
И крик. И с хрустом рвут на части.
Но то не зверь, а человек!
Его лицо мне так знакомо.
Бегу! Но с места не сойти –
Колючим проводом окован.
Кусачки надо бы найти!
Ах да, они в моём кармане.
Рукой сквозь провод, руки в кровь.
Колючки душат, режут, ранят.
Но чувствую, свободен вновь.
А там всё кончилось. Собаки
Все сгинули, а он лежит.
На теле кровь, как в поле маки,
А тело – будто бы бежит.
В случившемся себя виня,
Иду, дыхание затая.
И яркой вспышкой сквозь меня –
Не может быть! Ведь это – я!

Река

Устав сидеть в удобном кабинете,
Работать у гудящего станка,
Хоть на день позабудьте всё на свете,
Нас ждёт давно забытая река.

От автострады сельскою дорогой,
Взбираясь на холмы,
Леса, луга и горизонт без смога
Увидишь ты.

И красота всего, что окружает,
От пенья птиц, до лепестка в руке,
Тебя опять как в детстве поражает,
И ты придёшь к реке.

Спускаясь вниз с песчаного обрыва
К излучине мерцающей реки,
Без суеты, без всякого надрыва,
Прочти мои чуть грустные стихи.

Мои слова смешаются с ветрами
И полетят, лаская тишину.
Срываясь с листьями, летая над полями,
Они заденут не одну струну.

Пускай бушует листопад
И над землёй, и над судьбою.
Но нас с тобой не разлучат,
И ты останешься со мною.
Я прочитал в кружении птиц,
К осеннему летящих полю,
И в выраженьях встречных лиц,
И в очертанье гор у моря.
И в строчках будущих страниц,
В смешенье радостей и горя,
И в пении лесных синиц,
И в ощущении покоя.
И в неподвижной тишине
Покинутого всеми леса,
И в отраженьях на воде.
Но в остальном — туман, завеса.

Тополя

Тополя, вы не раз от дождя нас спасали,
От холодных ветров защищали не раз.
И опять, по-дурацки, на вас мы восстали.
Лишь пеньки говорят, что мы предали вас.

Из пеньков пробиваясь в зелёную поросль,
Вы опять на защиту встаёте людей.
И разносят дрозды эту странную новость:
Бескорыстна к двуногим любовь тополей!

Что-то я опять не сделал?
Мне бы вспомнить это живо.
Только светлым снегом белым
Мою память запуржило.
Пробираюсь в ней на ощупь:
Не обидеть бы кого-то.
Может, друга звал я в рощу?
Но сегодня не суббота.
Потому-то виновато
Останавливаюсь взглядом.
Я давно не видел брата.
Может быть, увижу рядом?
Хорошо ли то иль плохо,
Только знаю – не красиво:
Вызывало раньше хохот
Всё утратившее силу.
А сегодня – только жалость.
Будто ветер на берёзе
Листья снёс, и не осталось
Ни травинки на откосе.

Говорят, я стал намного мягче.
Почему же с каждым днём сильнеей
Разгорается, становится всё ярче
Злость на жизнь и на борьбу идей?
Почему я много презираю
Из того, что свято для других?
Может, я всего не понимаю,
Может, в чём-то предаю родных?
Нет, я всё отлично понимаю,
Никого, конечно, не предал.
В жизни разобраться помогая
Для других, сам веру утерял.

Скворцы

Чёрной тучкой по небу витая,
В точек ряд превратясь,
Скворцов говорливая стая
Устала, летая,
И ринулась к саду, кружась.
Рассевшись в ветвях, они пели
О том, что так долго летели,
О джинах, живущих и ныне,
О тучах из снега и пыли,
О странах, богатых и нищих,
О горных вершинах и днищах.
О волнах в бушующем море,
О счастье, о мыслях, о горе.
О жизни. О будущем, прошлом.
О скрытом – святом и о ложном.
О вечности – истинной цели.
О, как они долго летели!
Но их мелодичные речи
Не вышли на суд человеческий.
Своими умами блистая,
Мы будем лишь в игры играть.
Всего лишь бескрылая стая,
Мы многого в жизни не знаем,
Нам птичий язык не понять.

Рассказы

Снег-снежок...

Владимир вышел из машины, отпустил водителя. Предстояло, свернув в переулок, ещё несколько шагов пройти до офиса. Обувь совсем не по погоде – лёгкие демисезонные туфли по снегу очень скользили, и приходилось смотреть под ноги. Вдруг почувствовал лёгкий удар по плечу, и тут же «брызги» снега отлетели в лицо, заставив невольно вздрогнуть. Оглянувшись, понимая, что кто-то кинул в него снежком. Что за идиот? Накостылять бы! Увидел, что, размахивая каким-то предметом, к нему спешит девушка. И когда та подбежала, он увидел в её руках свою потёртую «счастливую» кожаную папку – там документы, которые вёз в казначейство. Аж оторопел. Как папка оказалась у девушки? Она заговорщически, как он подумал, прошептала:

– Вырוניםли.

Открыл папку – всё на месте, бумаги даже не намокли. На самой папке – снег, вернее, сырость, оставшаяся от него.

Девушка, продолжая шептать:

– У меня голос пропал, простыла, крикнуть не могла, извините, пришлось снежком кинуть. Хорошо – спортом занималась, а то бы и не попала, – улыбалась она. – Ладно, не по голове угодила, – и очень простодушно стала стряхивать с его пальто оставшийся снег.

Гениальная догадливость! Думать не хочется, что было бы, если б потерял папку. А та точно пропала бы, потому что казначейство – в узком переулке, где парковок нет, потому он высаживался на углу, а водитель ехал на стоянку. Папка у него на коленях лежала, и когда, выходя из машины, он отвлёкся на телефон, она и соскользнула. Да, её снегом бы припорошило, народ бы по ней прошёлся пару раз, и она уже – просто мусор под ногами. А уж не дай Бог, кто-то бы поднял и сообразил, что за бумаги. Просто дрожь по телу. Господь уберёт.

Мысленно перекрестился.

Екатерина Фёдоровна Глушик – родилась в Ижевске, окончила филологический факультет Удмуртского государственного университета, работала учителем русского языка и литературы в школах родного города и группы советских войск в Германии (ГСВГ). Автор 10 книг прозы и публицистики. Лауреат премии «Эврика» за книгу рассказов «Простые разговоры». Лауреат премии «Лучшая книга года» (2006) за книгу «Беседы о Сталине», дипломант премии им. А.Н. Толстого, победитель конкурса журналистских работ «Беларусь – Россия. Шаг в будущее».

Живёт в Москве.

Девушка, извинившись ещё раз, повернулась и быстро пошла обратно. Она, видимо, этот крюк сделала, чтобы ему папку отдать. Он окрикнул:

– Подождите, девушка!

Засеменил к ней – скользко, а бареточки – на кожаной подошве. Ему по улицам много ходить не приходится – в машину, из машины... «Noblesse oblige», как говорится, положение обязывает, выглядеть всегда надо деловому, иногда встречи совершенно неожиданно в таких кабинетах, по таким коридорам ходишь, где мокроступы, так называемые «прощай, молодость», – просто полный невозможняк. Там уместнее вообще босиком или в носках пройти, чем в обуви, подходящей для непогоды.

Стал рыться в карманах. Но опомнился – он же не носит наличные! А девушка смотрит выжидательно. Дурацкая ситуация.

– Хотел вас отблагодарить, – стал доставать руку из пустого кармана.

– Не надо! – остановила она его жест.

– Да у меня с собой и нет ничего! – признался с досадой.

– Вот и хорошо. Дай Бог помогать, не дай Бог в помощи нуждаться. Может, вам самому денег надо? Всё-таки хорошо иметь наличные. А потом отдадите.

– Что вы! – уж не помнит даже, когда так удивлялся. – Я просто не ношу, мне как-то и не нужны они. Если что – карта. Давайте зайдём в магазин, недалеко тут, наверняка у них банкоматы есть.

В казначействе тоже установлены, но ему совсем не хотелось там светиться у банкомата.

– Бросьте вы. Мне и без того говорить трудно, а мы ещё пустые разговоры ведём.

Она дошла до конца переулка – и пропала за углом.

Постоял, приходя в себя. Слава Богу! Слава Богу!!! С документами обошлось. Папку он считал счастливой, потому что она с самого начала его деловой «карьеры» с ним, и все бумаги, которые он в ней носил, проходили проверки, без особых проблем визировались всеми, чьи подписи требовались. На службе коллеги подарили ему новую, поскольку уж очень выдавшая виды была эта. Но он её кому-то отдал за ненужностью.

Жаль, что не получилось отблагодарить спасительницу. Ему в казначействе бывать то и дело приходилось. А вот бывает ли в этих краях она? Можно ли её тут ещё встретить? Цветы, что ли, купить. Выручила так выручила!

Спохватился. Вот идиот! Надо было предложенные ею деньги взять, а потом под предлогом долг вернуть – встретиться и букет вручить. Как говорили в детстве – хорошая мысль приходит опосля. Мысль-то пришла, а догнать девушку – не получится.

Жилых домов поблизости практически нет. Пара зданий старинной застройки. Едва ли она в таком проживает. «Центровые» столичные девицы – особая каста. Надменные, самоуверенные: все мне должны! Это Владимир, сам некогда перебравшийся в столицу и закрепившийся здесь сначала женитьбой, а потом зубами, знает. На собственной шкуре, так сказать, испробовал. Поначалу даже комплексовал, сталкиваясь с высокомерием девчонок. Сопля соплей, а гонору! Жена, правда, хоть и была москвичкой, но из «спальника», и характер у неё хороший. Вообще всё нормально у них было. Сам виноват, что так оно вышло.

И едва ли его благотельница работает здесь – 11.30: и не начало рабочего дня, и не конец, и не время обеда. Наверное, случайно сюда занесло. Жалко, что убежала, не оставив координат. Ну а в его «Балли», демисезонный

вариант, всё равно не догнать – хряпнулся бы на этой слякоти. А она в своих мокроступах так резвила!

И ведь если даже встретит, наверняка не узнает её – не рассмотрел, только на обувь обратил внимание – потому что девчонка по скользкому снегу быстро шлёпала. Лицо не разглядел: на лоб шапка надвинута, ворот свитера высоко поднят, видимо, горло бережёт. Глаза только видно. Пальто бесформенное – фигуру не угадаешь. Коричневое. Отлично – особая примета.

Случай так случай! И не поделишься ни с кем – признайся-ка, что растяпой бумаги выронил. Да ещё какие. Какие подписи, какие печати! Такие дела на кону. Свят-Свят...

Он удивился сообразительности этой то ли девушки, то ли молодой женщины. Ни по голосу – она только шептала, ни по фигуре – в бесформенном пуховике, ни по лицу – оно всё закрыто, возраст не определишь. Так моментально сообразить, как привлечь внимание! Она, видимо, издали заметила, что он выронил что-то. С той скоростью, что к нему бежала, если бы она близко к машине в тот момент была, догнала бы без всяких снежков. Хорошо, он не нырнул во двор казначейства до того, как она его увидела, выскочив из-за угла.

С таким умом, с таким мгновенным принятием верных решений – и так простовато выглядит. Не очень зарабатывает, наверное. Он бы её на работу взял.

Столкнулся с тем, что приходится молодым девчонкам-сотрудницам предпочитать женщин ещё советской закалки, так сказать – они сообразительные и исполнительные. Молодые – красивые, стройные, но соображаловка у них – только «от и до» работает, да и то не всегда. Остаться сверхурочно поработать вообще не уговорить: то у них свидания, то фитнес... Вот кофе подать, когда посетители приходят – это пожалуйста! Из рук красотки оно и приятнее на вкус.

Как-то коллега на его сетования растолковал: что, мол, ты хочешь? Она в свободное время в фитнес-клубе качает фигуру. Приходит домой – ей не до книжек. Она и образования нормального не получила – угадайка-ЕГЭ в багаже, в вузе осваивала менеджмент – то есть вообще ноль по факту, да ещё и не читает ничего. В лучшем случае, пока на беговой дорожке километры наматывает или из «кубиков» свой пресс строит, то аудио слушает. Или коучей разных «Пути к успеху». Но это же не задачи, не аналитика, а какие-то истории, рассказы, светские сплетни... Мозги-то не тренируются. И когда Владимир Петрович даёт задание, которое выходит за схемы «напечатать и отошлите», то приходится всё растолковывать. А эта незнакомка, по-настоящему таинственная, сориентировалась вмиг.

Хотя через пару дней Владимир Петрович уже не парился с желанием разыскать благодетельницу, но, бывая в казначействе, смотрел по сторонам.

Он сам то и дело скачивает, прослушивает разные курсы, занимается онлайн-самообразованием. Ему очень понравился цикл лекций о детерминизме. Для чайников объясняют коротко: бабочка махнула крыльями в сельве где-нибудь, а на далёкое побережье цунами обрушилось.

Но в действительности теория эта очень сложная. И когда что-то делаешь, надо учитывать, чем и как твои действия обернутся в ближней и дальней перспективе. Вот, например, простейшая всем знакомая ситуация, о которой человек даже не задумывается: когда ты берёшь салфетку в ресторане, в этот момент срубают дерево для её изготовления, нарушая баланс экосистемы.

Поэтому Владимир Петрович возвратился к пользованию классическими блатистовыми носовыми платками. А если в ресторане брал бумажную салфетку, то не разрешал официанту забирать её до конца трапезы, подчёркнуто пользуясь одной. И чувствовал удовлетворение, гордясь своим экологизмом.

Он даже стал сортировать мусор! И выступил на конференции «Экология повседневности», где привёл цифры – сколько бумаги он сэкономил, отказавшись от излишних салфеток, бумажного документооборота, где это возможно, и бумажных стаканчиков. Для наглядности продемонстрировал слайд с зеленоющей рощей, дерева которой не пошли на изготовление сбережённой им бумаги.

Но своей сортировкой он раздражал и вторую свою вторую половинку, кстати, тоже ЕГЭшницу, и Ирину Михайловну, домработницу, бывшего инженера-технолога полиграфического комбината. Правда, та не ворчала, как жена (ещё бы!), а послушно несла «рассортированные» пакеты к мусорке и бросала в один ящик, испытывая удовлетворение от того, что «солит» таким образом «этому самодуру и фарисею», который пыхтит с расфасовкой.

Ирина Михайловна сразу невзлюбила хозяина, который пытался заставить её работать в спецодежде горничной: ободок-кокошник на голове, белый передник – как в аристократических домах. Владимир Петрович, ощущая врождённое благородство, подозревал в себе дворянское происхождение, которое предки вынуждены были скрывать в советское время. Сама фамилия Баронов – указывала на непростоту рода. И даже запросил в биографическом обществе составить генеалогическое дерево. Подумывал и фамильный герб заказать, когда родословная (нет сомнений, славная, аристократическая) будет готова. Однако оказалось, что вообще первым грамотным человеком в его роду был дед, до революции батрачивший, а после окончивший рабфак и выросший до начальника цеха на заводе. А фамилия Баронов изначально была «Боронов», от «бороны», скорее всего.

Домработница, которую тёща перехватила у уехавших из страны знакомых, уговорив поработать у дочери, категорически отказалась от «унизительного маскарада», как сама выразилась.

Она забирала домой скоропортящиеся продукты, когда Владимир Петрович с семьёй уезжал на дачу на выходные. Жена не разрешила даже, а попросила Ирину Михайловну – не оставлять ничего в холодильнике.

Но как-то Владимир поссорился с дражайшей, вернулся с дачи – в холодильнике ни сырников, ни пюре с печёнкой, которые домработница приготовила в пятницу. Тогда от обеда много осталось – тёща не пришла, хотя и обещала, а у неё аппетит знатный, для неё надо две порции предусматривать. Владимир Петрович злой был после ссоры с супружницей. Да ещё голодный. Он не поленился, позвонил домработнице и чуть ли ни в воровстве обвинил – выплеснул раздражение. Та даже уволиться хотела, заявив: «На мои руки найдутся муки».

Тёща убедила остаться. Она-то прекрасно знала, что помощницу на всё про всё и на одну зарплату не найти. Да и новый человек в доме – и стресс, и опасность. Надёжного подыскать нелегко.

После того случая Ирина Михайловна даже чай пить не садилась, категорически отказывалась забирать продукты, и если Владимир был дома, она демонстративно выворачивала перед ним пустую сумку, чем раздражала, конечно. И оставшуюся еду, которая за время отсутствия хозяев портилась, выбрасывали, складывая в отдельный пакет – «смешанные отходы». Владимир

Петрович однажды услышал, как пришедшая в гости тёща, его ровесница, говорила домработнице, отказавшейся выпить с ней кофейку: «Ир, чего ты на этого дурака внимание обращаешь? Плюй ты на него. Мы же с дочкой плюём. Ты – Воронежская, а он кто?»

Владимир сделал вид, что ничего не слышал. Иначе надо было реагировать. А как? Выгонять обеих? Скандал устраивать? Что толку? Он и не знал раньше фамилию прислуги. Воронежская! Подумаешь! Эка фря – от вороны род ведёт. Он, честно говоря, не любил, даже когда домработница в отпуск уходила – они на это время на замену никого не брали, и самим приходилось себя обслуживать. Мусор, например, он выносил сам.

Вот и этим вечером Владимир Петрович пошёл выбросить мусор. В том числе «смешанные отходы». Тёща очень плохо готовила, а тут пришла «помочь по хозяйству» и сварила суп, сделала отбивные – подошвы настоящие, недоварила молодую картошку. Ради приличия они с женой поклевали. Но только тёща за порог – всё отправили в помойное ведро, а суп вылили.

Подойдя к контейнерам, увидел, что у крайнего роется женщина. Он её уже замечал, когда порой пил кофе на балконе. Она появлялась затемно. Хотя, может, и днём была, но Владимир домой поздно возвращался. Выныривала из-за домов, подходила, копалась, что-то складывала в пакет и так же деловито заныривала за дома.

Копалась у бачков и другая публика – в доме жильцы состоятельные в основном. Их отходы – вполне чьи-то доходы. Вон жена такие вещи выбрасывает! Сезон поносила – всё, надоело. Отдаёт подружкам или той же работнице. Владимир и сам любил пощеголять в обновках. И тоже модернизировал гардероб. Но вещи свои не отдавал никому, а выбрасывал, при этом умышленно портил – разрезал, заливал краской. Ему не хотелось, чтобы кто-то откопал и ходил в его «второй коже». К тому же, на все эти вещи он сам заработал. А кто-то, получается, на «халяву» такие классные вещи получит. По теории сбалансированности, которую он тоже изучал в рамках самообразования, нарушится баланс справедливости.

Он обратил внимание на эту женщину, потому что она выглядела ухоженно. Волосы – или в косы заплетены, или в конский хвост собраны, одежда не выдающаяся, но опрятная. Разительное отличие от остальных золотоискателей, как Владимир Петрович окрестил копающихся.

И тут он вблизи её увидел. Ему интересно было, почему она роется? Владимир хотел по правилам выбросить пакет с бумажными отходами в соответствующий короб, но когда закинул, увидел, то там только сверху бумага, а написано на ящике «стекло». Он полез вытаскивать этот пакет, и тут женщина повернула к нему голову, поинтересовалась: «Вы что хотите найти? Вещи вон – я сложила на парапет. Там мужские рубашки есть. А из продуктов сегодня только хлеб и овощи. У меня в пакете, – она кивнула в сторону прислонённой к контейнеру сумки, – можете взять».

Владимир сначала не понял, что она имеет в виду, но потом сообразил, что его приняли за «своего». И даже смутился.

Казалось бы, он в дорогом спортивном костюме, правда, в тапочках, поленился кроссовки завязывать. А оказался у мусорки – за кореша сошёл, тут статус у всех одинаковый.

– Да нет, я свой мусор выбрасываю. Живу здесь. Просто перепутал, не туда кинул.

– Хоть куда кидайте. Здесь у мусора равенство полное. Не стесняйтесь.

Сюда старичок, в том подъезде живёт, приходит. Он из окна видит, когда из магазина просрочку выносят, и сразу бежит. Так что место жительства у него удобное. Мы-то не знаем: когда есть что-то, когда нет – порожняком идёшь. Куда хотите, бросайте, тут эти надписи ничего не значат.

– А вы, извините, почему здесь? Могли бы работу найти, – его любопытство разбирало.

Она ничуть не смутилась.

– Я работаю. Но в монастыре одном помогаю, а там хозяйство небольшое – куры, утки, козочки, свиньи. Так, для себя и паломников – подспорье на кухню. И трудники, да и сами монашки, чтобы подешевле было выращивать скотинку, отходы пищевые собирали. Я узнала от соседки, что магазины выбрасывают целые пакеты, даже годную еду, ну и поискала, где бачки около магазинов не во внутренних дворах, не за решётками, а так вот, в свободном доступе. Набираю, отвожу им.

– Не стесняетесь?

– Чего мне стесняться? Я что, краду? Если человек плохо думает о тех, кто в затруднительном положении, как вот тут приходят люди, и не только бомжи, то это он себе оценку даёт, а не им. Если же и не знает ничего, но плохо думает, то чего обращать внимание на таких. А свиньюшки – сытые. Потом и их съедят. Но пока не съели, они в тепле и сыте. Я, кстати, так пить захотела как-то – невмочь просто! Были бы лужи – из них бы напилась. А тут молоко в бутылках было. Ну, переборолась, выпила. Отличное просто! И я стала именно этой марки покупать. Так что и я пользу извлекла – со знаком качества на помойке нашла продукт. Я уже набрала, пойду. Вам, правда, ничего не надо? Не стесняйтесь. Дай Бог помогать, не дай Бог в помощи нуждаться. До свиданья.

Владимира потрянуло аж. Он ещё тогда, зимой, этому выражению, впервые услышанному, удивился – простоте и мудрости. И сам то и дело повторял, когда приходилось участвовать в благотворительных мероприятиях.

Она быстро пошла – он и походку узнал. С балкона не рассмотришь. А тут – узнал. Однако растерялся и не окликнул. Невероятная встреча.

Но стал подкарауливать женщину. У бачков каждый день кто-то отирался, но её долго не было. Да, он увидел дедулю соседского. Раньше не замечал, что тот из третьего подъезда выходит на эту тихую охоту. Вот он деловито подбежал к контейнеру, как только от него отошёл рабочий магазина, сбросивший в ящик чёрный мешок. Рылся, каждый раз рассматривая вынутое. Наполнил пакет, ушёл.

Девушка подошла на пятый день. Владимир буквально помчался, опрометью выскочив из квартиры. Но пока одевался, ждал лифт на свой 8-й этаж, спускался... Выбежал из подъезда, когда мусоровоз опрокидывал в свою разъятую пасть очередной короб. Женщины не было. Владимир знал, куда она уходит – между домов есть проход на улицу. А если пройти насквозь через свой подъезд, то можно догнать её, далеко она не успела уйти.

Догнал. Она шла налегке.

– Здравствуйте.

– А, здравствуйте. Гуляете? – он и на этот раз был в спортивном костюме, действительно по вечерам тут местные в таком виде прогуливаются.

– Да, решил пройтись. Может, кофе выпьем, в ночном магазине есть столики, – предложил он.

– Давайте. Сама хотела зайти, попить – в горле першит.

Когда они налили в автомате кофе, Светлана взяла салфетку, предложила ему. Владимир пояснил, что он – экологист, пытается как можно меньше отходов после себя оставлять, и салфетки старается не использовать. Стаканчиком с кофе руки не испачкаешь. Светлана промолчала.

И вдруг он сообразил, что у него нет ни денег, ни кредитки! Это рок какой-то! Обомлел.

– Извините, у меня денег с собой нет.

– Бывает, – она достала кошелёк, расплатилась.

– Я сейчас домой сбегаю, принесу, – заверил он.

– У меня времени нет, надо на автобус успеть. А пока вы бегаєте... Не разорюсь. Отдадите, Бог даст. Да я и незнакомым людям не позволяю себя угощать, так что всё равно за себя сама бы заплатила.

– Так давайте познакомимся! Владимир.

– Светлана. Но мусорка – всё-таки не повод для знакомств.

– А мы с вами уже встречались.

– Помню, я вас приняла за сборщика. А то чего бы мне с первым встречным кофе распивать? Тут какое-никакое, а было общение, – улыбнулась Светлана.

– Нет, вы как-то мою папку выбрали и снежком в меня кинули.

– А-а-а-а. Интересно. Да, здравствуйте. Какие встречи. Вы всегда без денег, как посмотрю, ходите.

– Да. Стреляю кофе у барышень. Я тогда подумал, что на работу бы взял к себе – очень вы сообразительная.

– Я бы не пошла.

– Вы же не знаете, какая работа.

– Ни на какую под начальство бы не пошла.

– А чем занимаетесь?

– Экскурсии вожу. Я географический закончила – о путешествиях мечтала. В школе начала работать. Из идейных соображений. Когда сама училась, ещё не было такого угнетающего положения, что учитель всегда неправ, ученик и родитель – бог, царь, повелитель и всегда прав. Отработала три года – хватило. Обязательно в каждом классе есть хоть одна неадекватная «яжемать». Третирует всю школу, но начальство перед ними расстилается, учителей гнобит: найдите подход, не накаляйте ситуацию, идите на уступки. А дети же видят, если ты спасовал перед наглым. И тоже так хотят – крутыми казаться.

Пошла репетитором. Историю и географию подтягивала. Но, как правило, деньги на репетиторов у состоятельных есть, и они шкуру с тебя сдирают: «почему мой – ещё не академик?!» А кто еле наскрёб на репетитора – больше того за свои кровные требует. Можно знания дать, но мозги же не дашь. При этом я демпинговала – расценки ниже выставляла. Ведь в школу пошла – сеять разумное, а не наживаться. Так из-за такого подхода складывается мнение – ага, за такие деньги и качество плохое. Были и хорошие детки, кто в МГИМО поступили, на географический в МГУ, общаемся с ними. Но таких немного.

И я стала экскурсии водить. Сама себе хозяйка. Так и в монастырь попала – с экскурсией. Узнала, что им помощники всегда нужны. Ну и стала ездить помогать.

Ещё и шью на заказ, свечи декоративные делаю. Составила путеводитель «Розы в скверах и парках». Всё хорошо. Дочку приучила ко всему – и готовить, и шить, и самообразованием заниматься. Самостоятельная.

– Если бы у меня работали, я бы вам хорошо платил, гарантирую – больше, чем у вас сейчас получается, и вы за счёт этой прибавки могли бы вашей живности корм покупать.

– Владимир, а вы – точно экологист? Вы прикинуть в состоянии, сколько продуктов гнило бы на свалках со всеми вытекающими, если бы их не вытащить и не превратить в итоге в молоко, яйца, мясо? Сколько бы ушло средств на изготовление того корма, что вместо этих отходов производить пришлось? Ваша спасённая салфетка в сравнении – тьфу, а растереть нечего.

– Но муж-то как к вашим походам относится?

– Никак. Мы не в разводе, но вместе не живём. Он загулял. Ну я и сказала – давай, на выход, перебесишься – приходи. Но второго захода не будет. Ему и хорошо: кольцо на пальце, штамп в паспорте, он барышням сразу даёт знать – не рассчитывайте, я женат. Разошлись мирно: я в родительской квартире, где мы все вместе жили, так и осталась. Они перебрались в наследный бабушкин дом в Подольске, а муж сейчас – в купленной нами «однушке», для дочери брали. Уже всё выплатили. Всё хорошо у меня. Ну, я побегу, а то на автобус не успею.

– Я за деньгами сбегаю и вам такси вызову.

– Не надо. Лучше эти деньги на СВО перечислите.

– У меня телефона с собой нет. Но вы на мой сейчас позвоните, он отразится, и я вам за кофе кину.

– Владимир, так облапошить с выуживанием номера телефона можно девочку лет тринадцати. Мне почти в три раза больше, так что номер своего телефона я вам не дам. За кофе на СВО пошлите, экологист.

Светлана взяла салфетку, подоткнула её за рукав. И убежала.

Владимир изумился до оторопи: так за рукав носовой платок подтыкала бабушка, папина мама. И больше ни у кого этого жеста – такого родного, домашнего, он не видел.

И вот философия! Позавидуешь. Его первая жена подала на развод, когда о его загуле узнала. Он бы и не разводился, ведь отлично жили. Да, его Инесса молодая, красивая, но к лицу привыкаешь, а характер – только портится. Всё время перечит ему, фыркает, считает себя даром судьбы – молодая. Когда дочку родила – будто единственная в мире на такое отважилась, так себя возносила. А в первом браке сын и дочь, и никаких нянек, мамок, всё сами. Прекрасные дети. Слава Богу, общаются с ним, хотя за мать переживали. А та так быстро снова замуж вышла, что Владимиру даже обидно.

Ему детей-то хватало. Но родилась младшая – хорошо. Только бы от матери не набралась дури.

Старших детей он, честно сказать, любит больше. С ними как-то всё было по-настоящему – хлопоты, воспитание, родительские собрания, поездки «дикарями» в отпуск, на природу, работа на даче. С сыном он мастерил что-то, в машине копался... Тот во время каникул подрабатывал озеленителем и на первую зарплату купил маме духи, а ему – хороший бритвенный прибор. Дочка как-то подарила ему свитер – в тайне от него вязала, сюрпризом.

Сейчас у него, домработница, садовник, няня. Комфорт пришёл, а наполненность семейной жизни ушла. С Инесской ни поговорить по душам, ни о проблемах на работе не рассказать, ни в жилетку поплакаться, ни посоветоваться. А тёща как-то вообще выдала: она тебе – как дочка, ты должен к ней относиться как к своему ребёнку. Ничего себе «союз между мужчиной и женщиной»! Инцест, а не семья!

На СВО он, конечно, ничего посылать не будет. И без того рискует попасть под санкции. А тут – всё прозрачно, моментально отслежат, уже в Лазуревке, как называют Лазурный берег, не поплаваешь. И на шопинг в Милан без ком-форта поедешь, счета ещё, чего доброго, арестуют. Оно ему зачем?

Надо опять подкараулить и долг отдать, а то как альфонс, честное слово. Да и разговаривать с этой Светой интересно. На равных. Он уж не помнит, с кем и когда попросту болтал, на свободные темы, так сказать. Слава Богу, школьный друг есть, тоже в Москву перебрался, с ним общаются. И институтский приятель. Сначала разошлись пути-дорожки – это когда у Владимира карьера в гору пошла, он отсёк почти всех. Андрюху в том числе. Но как-то, пересматривая фотографии, так затосковал по студенческим походам, кострам, что позвонил, предложил по старой памяти на байдарке пойти. Тот – с удовольствием. И сейчас то и дело вспоминают молодость – сели и поехали.

Но чтобы с другими на равных? С кем? Вышестоящие сами не снизойдут. Да и неудобно – вроде как втираешься. С подчинёнными? Ещё чего! На шею сядут. А с этой случайно встреченной – будто сто лет знакомы. «Единственная настоящая роскошь – это роскошь человеческого общения», – как-то вычитал у Экзюпери, думал – просто красивая фраза. Ан нет. Так оно и есть.

На этот раз неделю поджидал. Даже загород не поехал. Только Светлана из-за угла появилась – он уже с деньгами в кармане опрометью кинулся вниз – лифт не стал ждать.

Она не удивилась.

– Ваша живность в монастыре уже с голоду умерла, – упрекнул он.

– Там не я одна в кормилицах. Тем, что приношу, не прокормишь. Общими усилиями кур и поросят «на ноги» поднимаем. Да и сегодня нечем поживиться.

– Приглашаю вас кофе выпить. И рассчитаться с вами надо.

– Что, на СВО не решились послать? Так я и думала.

Он ничего не сказал, взял её под локоток и повёл через подъезд – на улицу, откуда был вход в тот же магазин, где стояли столики для желающих перекусить. Он усадил её, спросил, что взять, пошёл за напитками и расплачиваться. Стоя у кассы, наблюдал за ней, погружённой в телефон. Совершенно средняя внешность. Даже с первой женой не сравнить, не говоря об Инесске. Но какая-то мягкость, естественность подкупающая. Такой хочется и в жилетку поплакаться, и посоветоваться. В ней чувствуется самодостаточность, редкая ныне. Сейчас много бравады, выпендрёжа, самоуверенной наглости, понтов, а самодостаточности в людях не чувствуешь.

– Тоже рабыня мобильного? – спросил, ставя на столик стаканчики.

– Как все. Завтрашнюю экскурсию планирую.

– Света, меня изумила ваша философия: нагуляется – пусть возвращается, если захочет. Разве женщинам легко это принять? Моя первая жена ушла, когда узнала об измене. Мне интересна женская психология, восприятие разное одной и той же ситуации. Я вообще психологией, философией интересуюсь – неисчерпаемая тема.

– Нелегко. Но кто виноват? Значит, что-то я ему недодала. Держать и не пущать? Состарится, будет упрекать: жизни из-за тебя не видел. Нет. Бабушка всегда говорила: кого выбрала – того и холь. Пьёт? Чего за пьяницу выходила? Не знала, что пьёт? Чего поторопилась, не узнав человека? Знала, думала, исправится? Сама не следила. При тебе запил? Сама довела. Так и про загулы. Мужик есть мужик. Он на то и мужик, чтобы юбки инспектировать. Но коли хочешь семью сохранить – не вынюхивай, где и с кем. Добрые

люди не донесут, злых не слушай. Сама вдруг застала – покажи отношение своё. Мол, в другой раз прощения не будет. Он отец-то очень хороший. Дочку любит, она – его, выходные он у нас с ней, или едут куда-то, гуляют. Вот и вся психология.

– Занимательно.

– Вы тоже – спец по занимательной физике. Живёте и жируете здесь, а боитесь заграницы. Салфетку бережёте, да ещё и грудь вперёд – экологист, а кучи годного добра в мусорку сваливаете. Фальшивый экологист. Это же тоже – психология. Побегу.

– Возьмите, – он протянул ей деньги – 50 тысяч.

– За кофе вы мой сейчас заплатили, мы в расчёте, а ваши деньги ни мне не нужны, ни ребятам на СВО. Трусливые деньги к победе не приведут. А когда победим, вы ещё будет гордиться: мой вклад есть. Подставной победитель.

И ушла.

Да уж! Роскошь человеческого общения. Нащёлкала по носу – и всё по делу!

...В командировку уехал внезапно – партнёр заболел. Надо было лететь разбираться с платежами. С началом СВО это было хлопотно, требовало усилий и ухищрений. Пробыл две недели. И всё время думал о Светлане. Вот он – олигарх средней руки. То есть деньги водятся, а власти нет. Но всё-таки. А она его вообще ни в грош не ставит. Она без него жива-здоровая, в нём не нуждается. Он же неведомо где сейчас бы был, и был ли бы вообще, если бы она тогда его обронённой папкой не озаботилась. Но точно, положение ухудшилось бы кардинально. Правильно один левый деятель, курс лекций которого прослушал Владимир Петрович, причём, бесплатно, говорил: народ без богачей не просто обходится, а живёт хорошо, а богачи без народа – никто и ничто. И даже если богач спонсирует кого-то или на благотворительность отстёгивает – то всегда за счёт того, что заработали для него бедные, и копейки в сравнении с состоянием «благотворителей».

Хотя Света говорила вещи нелицеприятные, он хотел бы с ней общаться. У неё даже взгляд был не такой, как у тех, с кем он в тех или иных отношениях. У всех – разное выражение. У подчинённых – одно, у вышестоящих – другое, у мамы, у жены, у тёщи, у деловых партнёров... У всех взгляды – со своим «вторым планом». Глаза – зеркало души? И – зеркало отношений. А у неё – даже не знаешь, как охарактеризовать, иное совсем. У друзей детства, одноклассников такие были – без шлейфа, без «учёта обстоятельств».

И совсем другое мышление. Параллельная цивилизация. Раньше это был один мир. А сейчас – разные миры. Но это надо понимать. Она-то его мир понимает, знает, и как ни странно, не стремится в него, с каким-то даже снисхождением относится. Всё хорошо – за «однушку» для дочери расплатились. Всё хорошо – ещё немного шью и свечи декоративные делаю. Вон, когда санкции ввели, его Инесска реально в депресняк впала, к психологу на сеансы ходила. Убивалась буквально: как она будет шмотки из новых коллекций приобретать. И прочая трепуха её волновала.

О, надо Свете заказ на свечи сделать, и таким образом дать ей заработать.

...Вернувшись, увидел, что магазин в доме поставили на ремонт. Как сказали, с последующей ликвидацией из-за жалоб на антисанитарию. Со двора убрали контейнеры, установив их во дворе соседнего дома, где располагались только офисы. И уже туда уносили мусор, сваливая всё в одну кучу.

Чёрт возьми! Не догадался спросить, в каком монастыре подвизается эта Света. Можно было бы её там разыскать.

Она же ему уроки преподавала. Но если эти знания применять, то жизнь усложнится. Лучше он безопасные для его жизненного уклада курсы скачает. Вот есть «Нейрокоррекция психоэмоционального состояния». Или ещё лучше – «Трансформация созерцания радости в энергию протоплазмы нейронарратива динамического когнитива». Точно! Радости в жизни не хватает, а тут обещают каждый день – праздник души. Очищение чакр и возвышение сознания. Правда, Владимир всё время путал и говорил «чарк». Но главное – очищение и возвышенное сознание.

Родину любяща

Бабу Таню я узнала раньше, чем познакомилась с ней. Наша редакция переехала в один из домов на Фрунзенской набережной, путь туда пролегал по дорожке через скверик, на одной из лавочек которого частенько и сидела, опираясь на палку, эта бабушка. По дорожке редко кто ходил, развлечений у сидящих было немного, поэтому все проходящие мимо провожались пристальным взглядом. Через какое-то время я стала приветственно кивать, и бабушка отвечала мне тем же. Как-то она, кивнув мне, призывно помахала рукой. Я подошла.

– Как зовут-то тебя?

– Аня.

– А меня баба Таня. Ты тута работаешь или жить наехала? Жить-то тебе тута негде, все квартиры тута занятые.

– Работаю.

– Ну-ну, я так и подумала, что работаешь тута где. Дак только когда тебе работать, если ты всё бягом бегаешь? Я в одну сторону засмотрюсь, а ты уж с другой бягом бяжишь. Щас ногами-то денёг много не набегашь. Щас только волка ноги и кормют. А кто из людей бягом бегат – тот бедно живёт. Кто вон сиднем сидит да ишо на шее тех, кто бягом бегат – те богато живут.

– Да нет, и работать успеваю.

– А если успеваешь, то пока ноги-то носят – бегай. Уж не понясут когда, дак и не пройдёшь пешком, не то – бягом. А как я вон, с клюкой да полозом. Ране-то я тоже была на ногу скоро. А на войне ишо ноги-то оставила. Я же три года на фронти: то окопы рыть, то ранящих вытаскивала. Ой! Трудна! Оне ж тяжёлые – ровно кули! Ташшишь яво, ташшишь – упираешься. И он ведь тожа упирается. Всё чем зацепит, найдёт что: коряга, корень, не сдвиняшь прямо, бывает. И оба рявём другой раз. Оба оплакивам, что не выташшить. Ряветь рявела, а ни одного не оставила – всех уташшила, сколько ни упирались. А я больша их упиралась – да и выташшила! – эмоции рассказчицы меняются в течение всего разговора. От грустных, почти трагических нот до по-детски радостных сейчас вот, когда, торжествуя, поведала, что вытащила каждого, кого бралась вынести с поля боя. – И сичас – клюка за это.

– Да сейчас и молодые-то еле ноги таскают.

– Правду говоришь, да. Мне ведь 88! А я вот обзавелася третий ногой, да и таскают оне все три меня помаленьку. Ни без одной не обойдуся. Ни шагу не ступлю без какой из трёх-то. Да, мы здоровше были, хоть ели плохо. Сичас ядите хорошо, а всё не в вас корм-то, в молодых. Вот в тебя корм удался.

А другая посмотришь – еле ноги волокёт, – бабушка обречённо машет рукой.

С тех пор мы то и дело разговариваем с бабой Таней. К разговору всегда приглашает она меня.

Бегу в очередной раз через сквер. Баба Таня на своём месте. Мы улыбаемся друг другу, машем приветственно руками, а то и посылаем воздушные поцелуи. Она, если хочет поговорить, сначала машет рукой из стороны в сторону, приветствуя, а потом от себя – к себе, подзывая. Подхожу. Она берёт мою руку, трясёт, широко улыбаясь абсолютно беззубым ртом. При этом разговор у неё довольно чистый, даже не шепелявит.

– Здравствуйте, баба Таня.

– Здравствуй, здравствуй, птичка моя. Ты жо как птичка всё летаешь. Я по тёплой осени ишшо тебя заметила. Думаю: «Кто тута лятать так взялся, что за пичуга?» Думала, зима настанёт, шубу-то наденёшь, уж не взлятишь в шубе-то. А ты и в шубе летаешь, золотая ты моя. А я представляю, что я с тобой лячу. И бабка черяз тябя летом лятит. На работу лятишь?

– На работу.

– Начальник-то хорошай?

– Хороший.

– Да и без спросу можно угадать: к плохому так не побяжишь работыть, как на крылах вон. К плохому ноги не нясут, хотя будь оне и резвы. Эта хорошо – начальник хорошай. Даже если строг, но хорошо строг – тожа хорошо. Справедлива-то строгость не страшна, она нужна. Без её никак нельзя. Справедлив он у вас?

– Справедлив.

– Ну и оценяй. А то плохой где начальник – и от денёг хороших убяжишь, – баба Таня машет рукой. Из-за необходимости всё время опираться на палку она ограничена в жестикуляции. Но эмоции ей удаётся иллюстрировать живейшей выразительной мимикой на простом круглом лице и маханием руки: вверх – вниз, слева – направо, наискосок. – И на строгость, коли справедлива – не обижайся, – наставляет бабушка.

– Я не обижаюсь.

– Дак ты жо умница, – она вновь берёт мою руку и трясёт, улыбаясь во весь свой беззубый рот. – Ты медленно ходить-то и не умеешь, верно, всё бягом бяжишь. Ты не за курьера ли у их там?

– Нет.

– А чаво бягом бегашь?

– Раньше спортом занималась, кроссы бегала, а теперь...

– Это вдоль ряки по набережной-то бягут когда, – перебивает меня баба Таня, – ты тожа тама бягом бяжишь? Ну-ну. Я кроссы вижу, а тибя не вижу в кроссах-то. Далеко не вижу. Ну-ну. Ты вот с этих кроссов как разбегалась, дык и остановиться не можашь никак? А я уж отбежала. Без кроссов отбежала: то брюхом – раняных ташшила, то не по земле, а в землю – окопы рыла. Вот.

– Вы где воевали?

– Нет, не воивала. На войне была, а не воивала.

– Ну, на войне были...

– А как не быть? Она война-то, хоть со стороны пришла, а сверху всех и придавила. Я комсомолка не была, а была родину любяща. Как это, – думаю, – чужки придут и скажут на нашу землю – наша! Нет. Не хочу! Эдак не годится дело, нет!

А коли как не нравится, дак делай так, чтобы не случилось так, как не по тебе. Я и старуха, и в деревне своей давно не в деревне, а и сичас чужому отдать не хочу! И сичас поволоклась ба хоть вот палкой бить, – баба Таня поднимает свою палку и трясёт ею угрожающе, – какого другого германца. Да. И как войну по радиё сказали, я – в райбюн. На фронт, мол, пойду. Меня – в стыд: кака из тебя солдат? Оден срам, а никакой не солдат. Стрелять винтовкой не умешь, лятать самолётым не умешь, раны санитарить не умешь. Чаво тебя брать, форму переводить? Заворотили.

А я ишо то пошла, что тятя горевал: сам георгиский кавалер, а ни одного солдата в избе. Только полна изба негодяшшего к войне народу: три девки. Говорил: всё геройство моё на фронти оставлено. Пришёл в мир – и не герой: на парня сделать не годе! Ни одного попадания! Это до Коленьки говорил, а потом Коленька стал, дак к войне только на пять годков и нажил. Мал.

Тятя-то по германской немца знал и упреждал всё: «Хоть ты эти договоры мирныя столь напиши, по договору на каждую частокولينу насади, а коли германцу надо войной, а ему всё надо нам войной, он войной и пойдёт».

Бывало радиё отслушат, рукой махнёт и скажот: «Сидите на своих мирных гумагах. Как пальнут в вас, вот и узнаети, что гумага против снаряда. А он, снаряд, читать не обучен. Он и не ведат, что вы на мирном договоре сядите. Прилятит он вас с договором вместе отчествует. Гумага не оборонит от пушки. Дождётесь».

Нам говорил: «Девки, вам судьба – вековать да вдоветь. Это как германец надумат. То ли успеете за мужей сходить, то ли до жанихов и не дорастёте, а их уж – на фронт. Жанихов ковром на полях и разложат, германцы-то». Он германцыв хорошо знал. Ни в доверии у ниво оне были. Мы дурочками-то послушам таки его калякы, и ряветь. Тятя – балагур. Смеётся: «Давайте, вдовеите, векуите уж сичас. Чё ждать? Рявите не рявите, а германца русски слёзы не проймаут».

Он наставлял: тово горя, что в пути ишшо, не горюй. Придёт – нагорюшься.

И вот радиё не угадало, а тятя угадал на войну – германца. И на нас угадал. Я – вековуха, старша систра – вдова, и то хорошо, что с двойнятками вдова. А младша – нету.

Баба Таня замолкает. Взгляд отсутствующий. Я не знаю, то ли стоять, то ли идти. Сморит под ноги. И словно не мне, а себе рассказывает:

– Брать на фронт не брали, а потом уж когда война к деревне подошла, так не ты на её отправился, а она на тебя пришла: окопы рыть, раняных вытаскивала. Да, а потом и прижилась – с фронтом пошла. Навострилась санитарить: перевязать, шину класть. Я ушла за фронтом. Но не воивала, санитарила. А Надя – в лес.

Мама-тятя дома: тятя с германской на протезе. Дед неходящ, брату Колиньке пять годков. Учительница до немцыв домами прошла, сказала: сельсоветные документы что закопали, а что сожгли. Кто как о себе скажот сичас, так я и доложу немцам. Тятя-мама сказались, что дочь в другом селе да сын мал при нас, дедушко лежащ-неходящ. От дочери, мол, муж до войны сбег, деток двое бросил. Что он на фронте – нельзя.

Немцы в деревне не стояли, наезжали, и был от их староста. Он сказал тятю, мол, дом-пятистенки, а всего дочь другим домом да сын, дедушко. Кому строил? Пошто столь кроватей в дому? А тятя и скажи, мол, работника держали, сбёг. Да бабу на погост снесли. Вот и кровати. А они, подумай, каки замечайши! Угадай, как прознают! Ну да тот раз прошло.

Партизанов немцы боялись, потому лютовали на их. Надя раз пришла – проведала, мама спрашивает: где хоть вы там? А Надя и говорит: «Нет, не скажу. Так немцы на нас лютуют, что вам лучше не знать. Не дай Бог увидеть, как они правду вынимают из нутра. Мы видели, что с людьми случилось».

А только прибегают девчонка из Прилуковки. Мол, вашу Надю и нашего Петю – с деревни их парень Петя – везут узнавать. А вы не узнавайте. Нельзя.

Их на железке-дороге поймали, и выпытывают. Они ходили разведкой и заданиями парочкой, быдто они жаних и невеста. Ну и их прознавали: тутошни они или засланы. Ну, засланы коли, до Москвы нескоро доберешься. А коль тутошни – всех родных – прощай. Да и учительницу. Ведь она за всех говорила.

Маму тем днём к утру отбелило – снегом голова. А ещё и Надю не видела.

Мне не мама сказывала, а соседка, кака была Надя. И я не скажу. Потому я один раз её глазами увидела, а больше бы и не перемогла смотреть.

Надю никто по деревням не узнал. Все знали, а никто не узнал. А признай – со всеми разговор короткий: пуля пока летит – жужжит – балякат. А долетела – и сама притихла, к тебе прислонилась. И ты умолк. Оба навсегда. И весь разговор.

Их заперли в школе нашей на ночь с Петей. И Надя пела мамины песни. У мамы были украински песни ишо бабушки Ксеньи. Мама отрыла окно и слушала. И нельзя было ничем выдать гореваниё. Соседка говорит, как запела Надя «Не шей мене, матушка, красный сарафан», с вашего двора как собака завывала. Таки знаки давали: дочь да мать прошались.

И весь вечер и ночь – топор стучал, конец ходиками отстукивал. А наутро – виселица в две петли. Всех согнали с деревни. Можот, так хотели выпытать, кто эти два. Всех мучали. Тятя раз сказал про то: «Лучша самому висеть, как на дочь смотреть. Мука – наказаниё». А дедушко той ночью и отошёл. Под Надины пении. Колю дома оставить нельзя при покойнике – с собой к висельнице. И боялась мама, что он Надю закричит – увидит. Она на игры, на баловство была охоча. И с Колькой всё играла. Мама ей порой в укорение говорила: «Что ты така вихриста, нестепенна? В пору не можешь войти. Тебе уж 15 лет, в девушки время, в степенность и серьёз». Потом себе в укорение ставила: Надя-то отыгаться, отрадоваться хотела, как знала будто. А уж в те три дня, что до смерти, она таку серьёзность и степенность отжила, другой за всю жизнь не накопит, не наживёт.

Мама Колю подняла на руках высоко. Но чтобы он не видел Надю, а толшько она его. И Надя сказала: «Товаришши, я вас никого не знаю, потому что я сама с города Арзамас. А если бы я вас знала, то я бы вам сказала, что я люблю свою родину. У меня есть тятя и мама. И я бы им поклонилась за всё. И своим сёстрам. И я бы расцеловала братика. Но у меня нет такой возможности. А коли будет кто в городе Арзамас, то и скажите всё это». Это она сбить на Арзамас хотела, он далёко.

И мама окаменела. Как огнём глаза ей сожгло. Слёз не было, залить нечем – выжгло глаза. Сослепла.

Ты думаешь, чё я не слезюсь? А у меня слёзы пропащи – нету. Выжгло и след. Без слёз я свою родимую Надю омыла. А без слёз горевать – горше нету. Когда за горем слёзы не идут, то жар изнутри глаза жжёт. Так у мамы спалены глаза.

Тятя был балагур, а вдруг как язык засох. Слово не вымолвит. Как к другому отцу я с фронта-то вернулась, как сменили на другого тятю. Всё сидит в

себя глядит. И всё читал «Тараса Бульбу». Купил Тараса и всё Тараса читал.

У нас в деревне поставили памятник и посадили там берёзки, потому что Надя – невенчана. Хотели тополи – деревья посадить. А только невенчанным девушкам гожее берёзки. Самоё им это дерево.

И на нашу Надю я нагореваться не могу. По зятю отгоревала. Он меня засылал сватать, а высватали сестру ошибочно сваты. А потом на позор не пошли невесту менять. Ну и хорошо. И была бы я вдова. Да детки бы при мне. Оне сичас мои племянники. А могло стать – детки.

Наша Надя была комсомолка. Меня не взяли. Я бабушку в церков водила в соседне село. Она слабо уж ходила да не видела. Доведу и оставлю. В саму церков не иду. Потом в обрат вяду. А мне сказали: всё равно нельзя в комсомол через церков, хоть и не внутрь. Не брошу я бабашку одну идти! А ей надо. Вот Надя – комсомолка. А я так – родину любяшша.

Меня тут раз звали в школу рассказать войну. То много было витиранов вон и в совите у нас. А сичас нету. А я – витиран. И меня позвали – некому. А я войну-то не больно знаю: окопы да раняных таскала. Не геройничала. Не пришлось. И я рассказала про Надю. А как она воивала – я тожа не знаю. И мне сказали тутошни сидяшши, что я неправильна войну рассказываю. Надо геройность. А про Надю не геройность? Не геройность. А умирла и ни про кого не выдала. Не геройность? Война – она всяка: где громким горем, где тихой бедой.

Баба Таня подняла глаза, попыталась улыбнуться:

– Давно было, а быльём не поросло. Чего я тебя своим горем занимаю? Ты своей радостью радуйся, а моим горем не горюй. Вот так и война. Она из пушек годами палит, да и отпалит. А сердце всю жизнь бьёт.

...Баба Таня на своём месте – на лавочке в сквере. Улыбаемся друг другу, она машет рукой, подзывая. Я ещё только приближаюсь, она уже вступает в разговор:

– Писатель – твой начальник-то? Всё спросить забывчива.

– Да.

– Симонов фамилия? А то мы с тутошними обсуждам, а кого – всё спорим. Рассуди.

– Нет, Проханов.

– Порыханов? Слыхала. Да. И Порыханова слыхала. Тутошни-то, кто с глазами, говорят, он часто в телевизере сидит. А я без глаз на телевизор-то. Телевизер-то вижу, а кто в ём – не вижу. Порыханов ли, Симонов ли. Я больша на улицу гляжу в окошко. Там крупная люди-то, в окошке, чем в телевизере. Я их всех вижу. У меня спроси, кто куда шёл с кем – я тебе расскажу. У меня тут порядок, – смеётся баба Таня. – Я яво, начальника вашего, на улице узнаю, а в телевизере не узнаю. И на голос не знаю. Дак и не знаю, говорит он что: плохо или хорошо.

– Хорошо говорит.

– Хорошо? Защищаит народ?

– Защищает.

– Ну и дай Бог, пусть и дальше говорит. А писать-то пишут, писатель-то, иль говорить в телевизере только устроился?

– Пишет.

– Тожа хорошо. Что писателю делать, как не писать? Самоё яму дело! Да только у вас тут помещеннице-то мало, многа там не напишешь, – буквально сокрушается бабашка, качая головой из стороны в сторону.

– На большое денег нет.

– Денег нет? У писателя? – выражая недоверие, баба Таня машет рукой, хитро, с прищуром, улыбаясь.

– Писатели сейчас мало получают.

– Да ну уж! Вон смотри, правители получают сто пидисят тыш долларыв в месяц! – она поднимает вверх указательный палец и широко раскрывает глаза. – А кому оне нужны, эти правители? Оне ба лучша не управляли, мы ба лучша без их сами управились. Одне там каторжники! Вон правитель Трефь! Из каких он? И к гадалке не ходи – из картёжников – Трефь! Я вот из кузнецов – Кузнецовы нам фамилия. А он – из шулеров – Трефь! Яво бы на каторгу за шулирство, а яво – нам в правители! Яму сичас и в карты не надо людей дурить – он в правительстве людей на карманы чистит. Там людей обманыват на деньги устроился. Трефь и есть, прости, Господи! А тут писатель всей земли! – она вновь поднимает указательный палец, но выше, и вновь широко, насколько можно, раскрывает глаза.

– Сейчас писатели немного зарабатывают, – пытаюсь убедить бабушку.

Она снисходительно улыбается:

– Да он тебе про все деньги-то не скажут. И правильна! Скажи-ко про все деньги... – баба Таня понижает голос, рукой делает лёгкое одиночное движение, как забивает гвоздь. – Тюк! – она разводит свободной рукой и той, которой опирается на палку. – Вот тебе и деньги!

По-прежнему пытаюсь убедить, что писатели нынче не так богаты, как были раньше. Не очень, вижу, она верит. Тогда говорю, что и сама пишу – тоже писатель, поэтому знаю, как обстоят дела.

– Да ты ишо на большие деньги не написала. Подоле поживёшь, поболе напишошь, на большие деньги, вот и получишь – по писанам заслугам, – бабу Таню не так-то легко ввести в заблуждение.

Доходчиво рассказываю, что и как: в некоторых изданиях не платят вообще.

– Не плотют? – она изумлена. – Не пиши! – категорична бабушка. – Скажи, мыл, не плотите, буду ишо я вам писать! Эта что оне, взялись уморить писателей, выходит? Я думала, оне пенсионерыв морить взялись, а оне и писателей тожа? Лучша ба сами таки зарплаты получали – с шиш. Да как жо! Станут оне себя морить, дождёшь от их доброва дела. А лучша б писатели управлять взялись, лучша б было. Да и уморили б етих правителей. Насовсем!

Объясняю, что сейчас пишут в основной массе по призванию, а зарабатывают на жизнь чем-то другим.

Баба Таня очень прониклась, и под конец разговора с особой теплотой потрясла мою руку.

На следующий день вижу её сидящей с бабушкой интеллигентного вида. У меня есть с собой две шоколадки, и я сворачиваю к старушкам, здороваюсь, протягиваю гостинцы. Интеллигентная бабушка сразу берёт, а баба Таня отворачивается, кривит лицо:

– Что ты, Аня, всё деньги тратишь? Сама ешь!

– Возьмите, баба Таня, к чаю, за моё здоровье.

Она берёт. По выражению лица видно, что по-прежнему недовольна моими тратами. Её соседка говорит:

– Да что ей деньги? У них их немерено.

Я ухожу и слышу сочувственную речь бабы Тани:

– Что ты на её наговаривашь? Это бедна девушка, она пишет рассказы, а ей за их деньги не плотют! – эти слова она почти выкрикивает с искренним возмущением.

...Как обычно, баба Таня – на лавочке в сквере. Сидит, опираясь обеими руками на палку, без которой не может не только ходить, но и сидеть – ей нужно опираться на что-то. Она здесь часто не одна, а в компаниях самых разнообразных: то со своими подружками-клюшками, как они, ходящие с палочками, себя называют; то с местными забулдыгами, с которыми они учат друг друга уму-разуму; то со случайными прохожими, устроившимися отдохнуть; то с влюблёнными парочками. На этот раз баба Таня сидит с нестарым мужчиной пропитого вида. Останавливаюсь:

– Здравствуйте, баба Таня!

– Здравствуй, моя золотая, здравствуй. Ты уж опять куды-то бягом бяжишь. А мы вот кто по старостной немощи, как я, а кто по лености, как Витька вот, – кивает она на сидящего рядом, – сидьма сидим, а не бегам бягом.

– Ты чё, баб Таня, меня в лентяи записала? – Витька, мужик лет сорока, уязвлён. – Куда бежать-то? Надо бы было – я бы побежал. А зря чего бегать мне?

– Да уж у тебя не зря – только если бутылка где дожидат, – баба Таня машет на него, рукой, как на пропащего. – А ино како занятіе – без водки твоей – всё зря занятіе.

Чтобы увести их от разборок, в которые готов пуститься Витька, говорю:

– Район здесь очень хороший. Воздух, тишина...

– Это ране был хороший – да. А сичас, – баба Таня махает рукой, как и на Витьку, – хужа всех наш рыйон стал.

– Чё ты, баб Тань, наш район ругаешь? – проявляет местный патриотизм Витька. – Чем он тебе плох, район-то?

– А чем он тебе хорош? Ты посмотри други рыйоны! Там к победе-дню каки подарки давали! А у нас?! Други рыйоны вярблужи одеялы в подарки давали! А наши что? Две бутылки дали – весь тебе подарок победы. Така на нас победа – две бутылки.

– Две бутылки?! – Витька поверить не может, что такое возможно. – Дак чё тебе лучше ещё к празднику надо? Две бутылки! А Николаич про бутылки ни словом не заикнулся. Ещё ветеран называется! Где совесть? Даже не поднёс в честь праздника!

Не проникаясь сетованиями собеседника, баба Таня продолжает:

– Каки таки бутылки две? И чаво в тех бутылках? Шампунь и средство для укладки волос. Чаво у витиранов укладывать? Уж скоро с остатъними волосами укладут самих. Вместе с волосами укладут, где каки ишо остались доживать-расти. И без волос кто, тожа уволокут. Без всяких праздничных средств ляжим, – у бабы Тани очень выразительна и жива мимика. Она совершенно искренне гневается, удивляется, возмущается. И все эти чувства сейчас, при рассказе о безобразиях районных властей, очень востребованы. – Две бутылки дали! Совисти нету нисколь уже у нашего рыйону! На чтой бы чёрт нам, витиранам, средство для укладки волос? Сказали, – продолжает она делиться обидой, – можно взять заместо укладки альтырнativу. Она мне тожа не нужна. Но может, когда лучше годна. Укладка мне никуда не годна, лучше альтырнativу заместо укладки. И говорю так: дайте мне альтырнativу. Они дают мне крем «Балет»! – баба Таня и сейчас, по прошествии времени, возмущена таким обманом. – Кака эта альтырнativа, если это – крем

«Балет»? Нам, бабкам – балет! Нет, вы дайте мне альтырнативу, что обещали. Оне говорят, что крем «Балет» – альтырнатива! – удивлению и возмущению бабушки нет предела. – Будтэ я не знаю крем «Балет»! Я им как-та пятки мазыла, в галантерейной тута угловой брала, соседка насоветовала. Ни помагло! – машет рукой на это дрянное дело баба Таня. – И на пятки он не годен треснутый. А они его – на праздник! И мне одно своё: эта и есть альтырнатива – заместа. Вот заместа и дайте. Не надо мне заместа альтырнативы ваш балет. А это альтырнатива – заместа. Дак так бы и говорили – заместа. Не вымудряйся перед стариками. Оне уж в простоте, рыйонны-то, по-русски, и слова не скажут. С Мишки началось, с его консистенсуса, я ж помню, с кого вымудряться стали. Долго запомнить не могла. Когда его уж погнажи – я запомнила консистенсус-то. Запомнила – а уж ни Мишки, ни консистенсуса. Выучила консистенсус, а знать про него не знаю. Ты вот писателем пишешь, ты знашь консистенсус?

– Ну, проще говоря...

– Да проще и скажи, – перебивает баба Таня, – не вымудряйся.

– Согласие.

– Согласиё? – баба Таня в изумлении широко открывает глаза. – И чё тако хороше слово не сказать? Чё согласиё консистенсусом называть? От Мишки чё хорошаво кто ждал – прогадал. Сидят щас с консистенсусом ожидальщики-то. Всё вымудрялся. Мудрай-то человек не вымудряется, а глупай вымудряется, думат, яво за умного через вымудрение поймут. Вот тебе и рыйон наш такой! Тожа вымудряют. Укладку да балет – вот и весь к празднику привет. А в других рыйонных – вярблужи одеялы к победе-дню! Кто-то сичас накрыватся вярблужими-то одеялыми заместа ветеранов.

Чтобы поддержать разговор, показать, что сочувствую её разочарованию и обиде, вспоминаю:

– Моя тётя, ветеран труда, за все годы своего ветеранства только один раз получила подарок: две парафиновые свечки и килограмм гороху.

– О! – баба Таня в сердцах говорит грубое слово и машет рукой, насколько может размахнуться на такое безобразие.

До того молча слушавший её возмущения Витька встрепенулсся:

– Ну, баб Тань! Ты бы при женщине-то, – показывает он на меня, – не говорила бы так.

– А я что ли не женщина? – парирует она.

– Вот именно, женщина. А так говоришь, – учит женственности бабу Таню спившийся Витька.

– Я так говорю, как оне дельют. Вот пусть бы так не дельили, и я бы так не говорила. Пусть оне хорошо дельют, и я хорошо их хвалить стану. Мол, каки хороши, как хорошо дельют. Оне дельют плохо, дак чё я хорошо скажу? Дали две бутылки! А сами под верблужыми одиялыми спят сичас – парятся. Горой целой накрываються – им не жарко. Хоть бы упрежи под витиранскими-то подарками. В рыйоне сколько витиранов, и со всех одиялы собрали, горой сичас ляжат на рыйонных-то, упрейте! – насылает порчу на чиновников, обиженных ветеранов, бабушка, уверенная, что крадут чиновники, как и прежде, то, на что поставлены.

– Да сейчас уже по-другому воруют, – хочу объяснить, что механизм воровства изменился. Но баба Таня меня перебивает в недоумении:

– По-другому? А как ино друго, как не взял да понёс? – при этом она имитирует, как вор складывает сворованное в мешок, закидывает на плечо

и несёт. – А-а! С них станется! Воровать-то оне придумают, как по-новому. Это работать оне не научились, рыйонны-то: по-новому не научились, а по-старому разучились. Оне почему всё квартиры новы себе хапают? Им уж негде ни одиялы складывать вярблюжи, ни деньги.

– Ты, баб Тань, критично настроена против властей, прямо антисоветчица, – Витька ироничен.

– А оне хорошо против меня настроины? Оне ещё хуже настроины! В ранешны времена оне хорошо настойны были, и я хорошо настройна была.

– Заберут тебя за антиправительственную пропаганду, за политику, – полусерьёзно, полущутя страшает-предупреждает бдительный алкоголик.

– Ой! Дяржитя бабку, от страху упадёт сичас! – баба Таня откидывается назад, закатывая глаза, потом возвращается в исходное положение, лукаво улыбаясь, смотрит на собеседника. – Напугал, дуралей. Куда заберут? Где старух не хватат? Оне меня на себе понесут? Куды понясут-то? Я жо своим ногам не пойду. На чтой бы чёрт мне их уваживать – ходить к ним? Витька, ты с малства умён-то не был, а сичас остатний ум пропили. Насмяшил прямо! Ты, Аня, как нужда придёт в виселие, приходи-ко Витьку вот послушать. Он так, глядишь, ишшо насмяшит. Яму глупостей своей головы ни жалко – ишшо чё наглупит на потеху.

Уязвлённый Витька оправдывается:

– Да я пошутил!

– А я что говорю? Я и говорю, что насмяшил, веселиться зову девушку, а не печалиться. Вишь, она улыбатся. Сичас побяжит с улыбкой-то дальше. Побяжит расскажит добрым людям, мол, того глядите, что бабку понясут политическу. В ранешны-то поры портреты носили политически, – баба Таня выкидывает вперёд руку со сжатым кулаком, в котором якобы держит транспарант, – а ноне живых бабок живьём поташшат. Уж ноне все бабки так говорят, как я, все – политически бабки. Всех поташшат, Витька? Таскать им не перетаскать стырух. Во, политика! Людей смяшить у них политика.

– Да, я пойду, – мне действительно пора идти.

– Да ты рази пойдёшь? Ты рази ходить-то умеаешь? Не видала ни разу. Ты жо побяжишь. Дак и бяги, бяги, нас не переслушаешь тут, мудрести наши. Сидим мудрем, кто кого перемудрует: старый пьяного иль пьяный старого.

Витька начинает что-то возражать на замечания в свой адрес, а я, попрощавшись, убегаю.

...Иду через двор соседнего дома и вижу бабу Таню, сидящую у одного из подъездов. Она то и дело прогуливается по подружкам, ходит на лавочки в гости, как рассказала мне. Меня она пока не видит, потому что внимательно смотрит в сторону: там дама гуляет с карликовым пинчером на поводке. Собачка в комбинезоне, в обуви. И баба Таня глядит на эту пару, не отрываясь, очень сосредоточенно. Меня замечает, когда я подхожу вплотную и останавливаюсь около неё. Она буквально встrepенулась, заулыбалась. Очень рада моему появлению. Наверное, ещё потому, что ей не терпится поделиться своими наблюдениями и размышлениями.

– Видала ты канпанию? – она палкой машет в сторону, куда удаляется дама с собачкой. – Воробью родня, и яё на привязи вядут! Чаво воробья на привязи водить – позор искать-собрать? Да ишо разодела! Зачем таки собаки? Рази это собака? Уж эта жэнщина-то не молодая, она только под молоду

рядится, а не молода, у её уж и внучка есть. А игрушку себе завела – на привязи водит. Не наигралась в свою пору, сичас доигрывают.

...В скверике на лавочке сидит баба Таня с какой-то незнакомой бабушкой. Проходя мимо, приветственно машу рукой. Она, увидев, встрепенулась и энергично зазывно машет: подойди. Подхожу.

– Вот нас разреши ты. Она говорит, – баба Таня по-детски обижена и как бы жалуется на собеседницу, – чты я ни знаю, кто у вас начальник! Я – ни знаю! Да я и яво знаю, и всё про яво знаю. Я каждый день на окне. И я – ни знаю! Сама в прошлом год здесь участковому новому говорит: вон у нас кто всё знает – Татияна. А сичас вдруг ни знаю, – баба Таня иронизирует над нелогичностью собеседницы.

– Она говорит, что у вас начальник – Плеханов. А я говорю, что Плеханов умер уже...

– Кто сказал?! Где объявляли?! – строго-возмущённо перебивает баба Таня собеседницу, говорящую оправдывающимся тоном.

– Нигде не объявляли, а я знаю.

– Вот тебе и верь: без объявления всё знаишь. В окно не смотрит, объявления не слушат, а всё знают! И верь ей после этого! – баба Таня обращается то ко мне, то к собеседнице. – Скажи ей про своего начальника, скажи, – призывает она меня. – Назови.

– Я и так знаю, что у них начальник – Проханов. А ты говоришь – Плеханов. Ещё споришь.

– Да, Проханов, – подтверждаю я.

– Ну пусть будет так, – соглашается баба Таня. – Он – писатель, – ей хочется сказать что-то неоспоримое своей собеседнице. – Пишит. Идёт уж бывает поздно сюды, наработавши где уж, усталый. Ишо где-то он пишит, ни только здесь у вас, – делится своими наблюдениями бабушка.

– Писатель и дома может писать, – поддерживаю разговор.

– Дома, да, надомник, – баба Таня довольна, что идёт не спор, а беседа, кивает согласно головой. У нас в етом доме на втором этаже, помнишь Лизу кудлатую? – обращается она к своей соседке по лавочке, и продолжает, – тожа надомница жила. Она шила дома, а в ателье готово носила вон туда, за реку через мост, – машет баба Таня в сторону не видимого отсюда Крымского моста.

– Помню. Как не помню? Она дочке моей на выпускной шила, на примерку к ней ходили, – собеседница охотно поддерживает душевную беседу. – Сама кудлатая, а муж – лысый.

– Да, муж лысый, – подтверждает, обращаясь ко мне, баба Таня. – Идёт ваш писатель уставши уж, солидно, неспешно. И сразу видно по солидности, что писатель. А тут есть у вас таки писатели, – на лице у бабы Тани недоумение, – как вон бомжи наши алкогольные. Оден с бородой, худой. И как всё ровно шатаится. Чево шатаится? Всё время! Если ты писатель – иди прямо, гордо, солидно, как Плеханов вон, и не шатайся! А только позор один!

– Он, может, от усталости, – деликатничает собеседница.

– Не хотела сказать, но раз так, скажу: ни от усталости, а от водки! – с возмущением в голосе чеканит баба Таня правду. – Срам оден, а не писатель! Когда яму писать – устать, если он всё время шатаится ходит? Не надо яму совсем писать! А то о водке будит писать. О ней писать не надо – её все и без того знают. Ты вот тожа писатель. О чём пишошь? – баба Таня умильно улыбается.

– О детях, о маме.

– О! Видишь? – обращается она к собеседнице. – Самое для писателя годное дело. Как хорошо! баба Таня всячески демонстрирует поддержку этих тем в моём творчестве.

– Ты вот всё смотрю, работаешь да работаешь, всё бегаешь по работе, поздно уж домой идёшь. А паренька нету у тебя в кывалерых? – озабоченно интересуется баба Таня.

– Нету.

– Да где и быть?! По нашему скверу сколько ни бегай, а одне только алкаши и заприметят если. Да к вам которыя ходют, дак тожа шатаются. А ты, кто шатаится, не бери: ни в кывалеры, ни в мужи. Он сам, который шатаится, и тебя уронит. Нады, чтоб опереться, а шатаится кто, кака он опора? Только оба и упасть. Коли оден хоть из пары стоит, то другому есть руку подать. А оба как падут, дык и поднять некому – руку протянуть. Ты умница, что с такими не дружишь – не на добро така дружба. Не нужна она!

– Пойду, – говорю я, поскольку удовлетворила полностью любопытство бабушек, выслушала советы.

– Иди, иди, – напутствует баба Таня. – О маме пиши, о детках.

Удаляясь, слышу одобрительное бабы Танино:

– Кака хороша писательница! О маме, о детях пишут!

...Выхожу на улицу и вижу бабу Таню, опирающуюся на свою палку, внимательно-сосредоточенно глядящую куда-то вверх. Подхожу, беру под локоток, приветствуя таким образом:

– Баба Таня что-то увидела.

– А увидела баба Таня вярёвку, – бабушка не поворачивает ко мне голову, машет рукой в сторону окон третьего этажа. – Вишь ты: сделали ремонт, вставили пластмассовы окны. А пластмассовы-то окны ненадёжны. И для надёжи связали вярёвкый, – заключает наблюдательница.

На пластиковых окнах третьего этажа наклеена полиэтиленовая лента, которая, оборвавшись, повисла одним концом, колыхаясь на ветру.

– Да нет, баба Таня, это просто лента, а не верёвка.

– Не проста она тут. Кака-та в ей хитрость. Вот и смотрю на эту хитрость разгадать, – размышляет вслух бабушка.

– Да зачем бы снаружи-то завязали для надёжности? Изнутри тогда бы надо связывать окна. А то снаружи кто дёрнет – вот и откроется окно.

– О! Вот она – хитрость! Оне здесь хитро подумают: дёрну я, открою. А там внутри хитро сигнал к вярёвке-то привязанный: на, дёргый! Сигнал! Ныне, Аня, люди хитры стали. У их всё на всё кака-то хитрость. В простоте уж слова не скажут, а не то, что вярёвку в простоте привяжут. И на вярёвку вот – хитрость! – бабушка рада, что с моей помощью хитрость верёвки разгадана. Выражение лица у неё меняется со сосредоточенного на довольное. Она поворачивается ко мне, берёт за руку, трясёт.

– А ты уж опять куда бяжишь-лятишь? И я следом с палкой своей. Уж села бы на палку-то я, да она жо не конь, не поскачот. И я, Богу благодарение, не Яга. Не полечу на ей. Ну, давай, бяги. Всяму свой чярёд: молодыя бягом бягут, старыя ползком ползят. А я следом поволокусь, своим черядом.

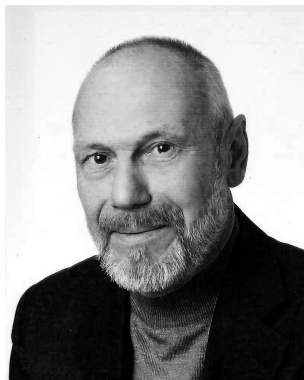

ПОЭЗИЯ

Виктор КАШКИН

Виктор Михайлович Кашкин – поэт, член МГО СП России. Известен по публикациям в газетах, журналах, коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Россия дальше Енисея», «Я берега свои искал» и «Всего дороже».

Живёт в Москве.

Благослови нас, Боже...

Своенравна погода
На сезон декабря,
Не ко времени года
Зябкий дождик даря.

И февральским «метелям»
Не судья календарь,
Если пахнет апрелем
Уходящий январь.

Если нет снегопадов,
Лишь окопов рубцы.
Может, так оно надо,
Что б не мёрзли бойцы?

Пора подумать о душе,
Небесных для неё приютах,
Пока готов нести уже
Ответ о прожитых минутах.

Пора подумать о душе,
Достойных для неё приютах,
Не спохватился бы уже
О нераскайнных минутах.

Пора подумать о душе,
О вечном для неё приюте,
Пока не позабыл уже
О самой подленькой минуте.

Небесам молился,
Церкви избегал,
Позже спохватился,
Что я Богу лгал.

Возрастом прикрылся,
Мало, что ленив,
Много не постился,
Чрево полюбив.

Памяти чурался
О своих грехах,
Или притворялся,
Что не при делах.

Всё же причастился...
Господи, прости,
Что не торопился
Веру обрести.

Благослови мя, Боже,
Помилуй и спаси.
И всех прихожан тоже
Святой Твоей Руси.

И воинов с позиций,
Где бой ведут пока
Наследники традиций
Бессмертного полка.

И тех, кто жить не может
Без матери-Руси,
Благослови нас, Боже,
Помилуй и спаси.

Бело-сине-красный флаг –
Стяг моей России.
Чтобы не подмял нас враг,
Цвет на флаге синий –
Богородицы покров,
Белый цвет – свобода,
Красный – мужество и кровь
Моего народа.

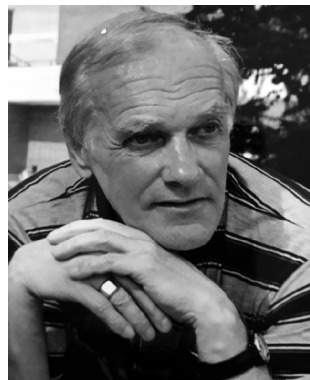
Размечтался...

Упрямый солнечный луч, пробившись сквозь плотную пелену грузных, ленивых облаков, робко заглянул в окно и упал на его лицо. Он, радуясь неожиданному гостю, довольно прикрыл глаза, и мгновенно ожившие мечты стали будоражить его застоявшиеся нелёгкие думы. От нахлынувших мыслей он невольно заулыбался, и время для него будто остановилось. В мечтах он уносился далеко, вслед за нахлынувшими мыслями, и на душе его становилось легко и спокойно.

На этот раз воображение унесло его в далёкий сибирский посёлок, куда, он – городской житель, наконец-то, добрался после долгого и ухабистого пути. Свободной земли в этом безлюдном краю – хоть отбавляй. Бери сколько хочешь и обустраивайся. Народ гостеприимный, и посоветуют, и помогут. Главное – не зададут никаких вопросов. Появится у него своё хозяйство: овцы, козы и даже пасека. Встречать у порога его будет верный четвероногий друг, а в доме на печи настоящий пушистый сибирский кот. Всю жизнь он мечтал об этом крае. Там простора больше, и души у людей шире. А разве можно сравнить с чем-нибудь сибирскую природу: тайгу, реки, озёра! Рыбы и зверья всякого – видимо-невидимо.

Кстати, о доме. При одном воспоминании о нём мысли вихрем засуетились в его голове: он как-то наблюдал строительство добротного рубленого дома, и с тех пор мечта о постройке такого же своими руками постоянно сидела в его голове. Жить в деревянном крестьянском доме была его давнишняя мечта: зимой тепло, а летом прохладно и сухо даже в сырую погоду. Не зря наши предки строили свои дома сами, хотя сооружение сруба – дело долгое и трудоёмкое. Ему очень хотелось применить на деле свои познания в этой области.

Он, например, знал, что дом надо строить из деревьев хвойных пород, чаще всего из сосны, и непременно зимней рубки. Ещё он хорошо усвоил, что поверхность древесины должна быть жёлтой или тёмно-жёлтой, а при ударе топора

Юрий Алексеевич Рыченков – поэт, переводчик, литературовед, член Союза писателей России. Родился в Москве в 1941 году. Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалью Союза писателей КНР за вклад в развитие культурного обмена между Китаем и Россией и другими литературными наградами. Дипломант литературной премии имени Н.А. Некрасова «За вклад в сохранение народной традиции в русской поэзии». Победитель Литературно-музыкального конкурса «Белый остров Москвы» (гимн «Строгино»). Автор двух поэтических книг. Подборки стихотворений, поэм, переводов и статей публиковались в журналах: «Московский вестник», «Смена», «Великороссъ» и др., ежегоднике «Слово Отчее», в газетах: «Московский литератор», «Ветеранские вести» и др.

Живёт в Москве.

о бревно звук должен быть звенящим. Не было секретом для него и то, что, собирая сруб, брёвна укладывают, чередуя каждый раз комель и вершину, чтобы стена сруба получалась ровная и прочная.

Он улыбнулся про себя, потому что вдруг припомнил, что брёвна, образующие проёмы, называются «коротышами». Они могут быть различной длины в зависимости от расположения окон и дверей. И ещё вдруг вспомнилось, что конец бревна, стёсанный с двух параллельных сторон, называется «болваном», а образующиеся при этом плоскости – «щеками». И, наконец, он вспомнил, как мастера учили его, а у него никак не получалось, вытесать топором у конца бревна главные элементы сруба, служащие замковыми соединениями брёвен – «лапу» и «ласточкин хвост». Он не переставал удивляться, когда наблюдал за работой мастеров: подумать только, рубленая изба создавалась при помощи лишь одного плотницкого инструмента – топора. По причине гниения не были популярны и металлические гвозди – при необходимости использовались деревянные клинья.

Неожиданно мечты круто развернулись и вернули его в далёкое босоное детство, в деревеньку Молочное, на берегу реки Вологды. Голодное детство, да ещё с постоянными затрещинами от угрюмого отчима, теперь почему-то вспоминалось как удивительное и беззаботное время. О будущем тогда не думалось. Весь день от зари до зари приходилось вместе с отчимом работать по хозяйству. Однако нечасто, но всё же находилось время, когда после утренней каши он с друзьями убегал на волю. И с той секунды, когда за спиной захлопывалась дверь, мир принадлежал непоседливой ребятне. Этот мир незаметно и очень естественно учил их всему: самой жизни, а именно – любви, дружбе, любознательности, изобретательности, свободе, вере в себя и вере в чудо.

И никто из них тогда не знал, какой стороной в дальнейшем повернётся каждому его будущая судьба, какие испытания она приготовит на их долю.

Лесные угощения были для них настоящей радостью.

Он даже не представлял, сколько километров тогда порой проходил в поисках добычи. Конечно, он знал все грибные и ягодные места в округе. Однажды они с друзьями в походе за ягодами, очень далеко от дома в глухом лесу напали на поляну, усыпанную земляникой, которую окружал густой малинник с крупными сочными ягодами, ставшими его любимым угощением. С той поры они всегда ходили именно туда. Чтобы добраться до места, надо было пробираться через небольшой приток реки, по бобровой плотине, проходя близлежащую берёзовую рощу. Возвращались всегда с полными ведрами и корзинами ягод или грибов.

Ещё одну радость, воспоминания о которой преследовали его всю его жизнь, являла рыбалка, которая была большой страстью для отчима. В этом занятии в селе ему не было равных, а выловленная рыба очень даже помогала прокормиться в голодное время. Он помогал отчиму в этом деле, и со временем перенял и запомнил все хитрости и приёмы ловли рыбы всеми возможными способами.

Да и рыбы в быстрой и извилистой Вологде было предостаточно. И с той далёкой поры он неоднократно представлял себя человеком, который вот так, запросто мог отправиться на рыбалку. И даже не имея такой возможности, он был совершенно убеждён, что наивысшее удовольствие – ловить рыбу.

Самое простое дело – это, конечно, ловить на удочку. Надо только правильно приготовить прикормку и наживку. Очень важно подобрать наиболее удачное место, лучше у прибрежных кустов. Можно в помощь себе установить жерлицу. Существует масса разновидностей летних жерлиц. Эти снасти предназначены для пассивной рыбалки по открытой воде. При всём разнообразии конструкций их объединяет одно: они рассчитаны на самоподсечку.

А можно повозиться с вершей. Верши были известны ещё в Древней Руси. Изготавливалась эта снасть из прутьев ивы в форме конусовидного каркаса. Отчим называл её «мордой». Верша не даёт заплывшей в неё рыбе выбраться, так как пленница головой утыкается в конус, и развернуться и вырваться на свободу она уже не может. Задом наперёд могут ходить только раки.

Весной, когда лёд уже сошёл, ловили рыбу намёткой. Способ простой: бросил намёт в воду, а затем тяти его из воды, но тут в одиночку не справиться.

Под напором неожиданно нахлынувших грёз, сладких детских воспоминаний и надежд на далёкое, но возможное тихое счастье вольного житья, он щурится, словно во сне и что-то шепчет, разговаривая сам с собой. Блаженная улыбка не сходит с его лица. Картина перед его глазами на какое-то время словно покрывается пеленою, постепенно размывается, открывая томящую пустоту. Но он ещё сильнее жмурит глаза, не желая расставаться с яркими красками своей мечты, и воображение возвращается: вновь становясь ярким и объёмным.

За долгую жизнь зима ассоциировалась у него только с постоянным изнуряющим холодом и безбрежной снежной пустыней. А он невольно представлял себя в зимней охотничьей сторожке, затерянной среди необъятной тайги в полном одиночестве у весело потрескивающей печи. И зима, и зимний лес представлялись ему не как суровое окружение и испытание, а как родные существа, с радостью принимавшие его в свои объятия. У него словно открывались глаза, и он видел, даже чувствовал то, что ранее было просто недоступно его взору.

Когда выходишь из жарко натопленной избы на свежий, морозный воздух, то от окружающей белизны – резь в глазах. Но стоит только взглянуть солнышку, как всё начинает под его лучами искриться и переливаться всеми цветами радуги. Он мысленно пристраивал на валенки снегоступы – такие короткие и широкие лыжи, удобные для передвижения по глубокому снегу, где-то он слышал, что их ещё называют «пухляками», и шёл в тайгу. Шёл не спеша и слушал, как скрипят и трещат от мороза замёрзшие деревья. А хруст только выпавшего снега нарушает звенящую тишину леса. На сугробах видны не только узоры, оставленные стылým ветром, но и следы всякого зверья. Жизнь в лесу затихает, но не останавливается. Многие лесные жители делают осенью запасы, чтобы пережить это нелёгкое время, а некоторые впадают в спячку до самой весны.

Его тянуло в безлюдную тайгу. В зимнем лесу время словно останавливается. Заснеженная мирная природа дарит ощущение безмятежности, покоя и умиротворения, которого так не хватало ему в суматошной жизни. Иногда ему слышался где-то вдалеке стук, можно подумать, что это лесник рубит дерево, но если пройти на звук и присмотреться, то можно увидеть

небольшую чёрненькую птичку с ярко-алой шапочкой на голове – это дятел добывает себе пропитание.

Как много лет мечтал он побродить по заснеженной тайге!

Теперь его мечта непременно сбудется.

Его фантазии перерастали в совершенно реальные ощущения. Ведь зимний лес кажется живым, всё шумит, трещит от мороза, такое впечатление, что это старые деревья скрипят оттого, что устали стоять годами на одном месте. Действительно, есть чувство, будто мороз специально бродит по лесу, прикасаясь ко всему живому, заставляя шуметь и шевелиться. Он представлял себе ночные звуки зимнего леса. Ночью в тайге такая тишина, какой в жизни нигде не встретить. Слух обостряется, и можно уловить самые глубинные звуки леса: где-то ухает филин, вдали скрипит снег, тихий шёпот ветра среди деревьев. Он кожей ощущал эту тишину, пытаясь забыть, как кошмарные сновидения, нескончаемые, жуткие тюремные ночи...

Так мечтал Антип Матыга по кличке «Сухой», – худощавый человек преклонных лет, болезненного вида, с неприятным лицом, который уже третий рассвет, по причине злокозненности своей натуры, встречал в штрафном изоляторе. По этой же причине в уголовной среде он обладал определённой значимостью.

Ему удалось пронести с собой в ШИЗО огрызок карандаша, которым он на стене камеры коряво начертил шестьдесят палочек, число которых соответствовало, определённому судом, числу месяцев его пребывания в заключении. Сегодня, в день своего шестидесятилетия, он перечеркнул первую из них.

Потом оглядел длинную вереницу ей подобных, и блаженная угасающая улыбка постепенно умирала на его лице...

Секреты древних слов: Половское, половцы. Разговор с предками

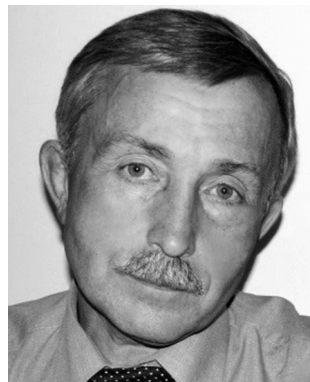
На протяжении многих лет поддерживает-ся и передаётся по эстафете легенда об общем происхождении топонима Половское на Оке и этнонима «половцы». Ни разу не ставился вопрос о происхождении первого, старорусского слова, следовательно, нет и ответа, а этимология второго до сих пор вызывает сомнение. С целью выяснения происхождения древних слов в статье приводятся примеры применения одного из инструментов анализа русского языка, конкретно, – морфемный разбор в этимологии. Объекты – топоним Половское и этноним «половцы».

Введение

Материалы, открывающие мир твоих предков, имеют тем более высокую цену, чем большей достоверностью они обладают.

В 1929 году Михаил Фёдорович Ланитин, сельский учитель, завершил работу над «Историей села Половского Спасского района» и представил её Обществу исследователей Рязанского края. Место хранения рукописи – Научный архив Рязанского Государственного областного музея, инв. № 517 [1]. Полюбив открывшийся ему край с легендами и артефактами глубокой старины, он выразил своё восхищение так, как сумел в то непростое время. А смотрел он не в прошлое, смотрел в будущее, ждал встречи с нами.

Ланитин знакомит читателя с происхождением названия села, к сожалению, не приводя доказательств, не указывая на источники. Поздние авторы на него ссылаются, веря на слово, также, не приводя доказательств. По убеждению Ланитина, название села происходит от названия тюркского народа «половцы»: «...[Половцы] сделали остановку в 15 верстах от неё [Старой Рязани], на возвышенном берегу Оки, где им

Виктор Алексеевич Калинин – кандидат военных наук, полковник в отставке. В 1972 г. окончил Рязанский РТИ, с 1974 по 1999 гг. служил в СА, последнее место – Военная Академия, Тверь. Работал в НИИ. Первый рассказ написал в 2011 г. Публиковался в журналах и альманахах России, Белоруссии, Узбекистана, Чехии, Германии, Канады. Написал несколько пьес и сценариев. Награждён дипломами Международных и Всероссийских конкурсов в номинациях «Проза», «Киносценарии», «Драматургия». Лауреат национальной литературной премии «Золотое Перо Руси – 2023» в номинации «Историческое наследие» за повесть «Шелест знамён». Сборник повестей и рассказов «Ничего лишнего – только проза» получил звание «Дипломант» Германского Международного конкурса «Лучшая книга 2020 года».

Живёт в Твери.

Рязань была видна хорошо, на месте нынешнего Половского, сделали временный укрепленный свой стан (вежу), производили нападения. Отсюда оно и получило своё название от становища-стана половцев – Половецкое. Знак того, что здесь когда-то была вежа половецкая. С течением времени слово “Половецкое” видоизменилось, упростилось и стало в народном разговоре и официальных документах называться “Половское”».

Напротив села Половское, на левом берегу Оки, находится озеро Половское. Эта топонимическая пара (ТП) «гидроним + топоним», в которой элементы имеют общий корень ПОЛ, станет объектом поиска ответа на вопрос: «Что в имени твоём».

Если расширить географию, то найдётся ещё одно озеро с названием Половское, а на его северо-восточном берегу пристроилась деревня Полово. Данная топонимическая пара находится на Валдае, в живописном краю холмов, рек и лесов Тверской области. Отсюда до озера Ильмень расстояние небольшое: около 140 км. От озера Половское (Тверского) на запад – исток реки Пола́, до него 30 км, на север от озера, на этой же реке – посёлок Пола Новгородской области, до него 120 км. Перед нами третья ТП – Новгородская.

Отметим, что названия озера, реки и деревни в Тверской области, реки и посёлка в Новгородской имеют тот же корень ПОЛ, что озеро и село в Рязанской области.

Совпадение не случайно. Славяне в VI-VII веках начали миграцию из придунайских земель на восток и завершили её в IX веке, заселив бассейн озера Ильмень, включая Великий Новгород. Их путь пролегал, в том числе через степи и лесостепи юго-восточной Европы, включая бассейн верхней и средней Оки [2]. Действия славян по созданию на своём пути ТП становились традицией. Возможно, наши предки, передвигаясь вдоль рек, желали иметь в их бассейнах сеть реперных точек, присваивая им имена, связанные с контрастными природно-ландшафтными объектами.

Опережая, отметим: половцы в данном процессе участия не принимали, они попросту опоздали.

С высокой долей вероятности, можно утверждать, что Рязанская ТП была создана раньше Тверской и Новгородской ТП, на то указывает направление миграции славян. Также можно утверждать, что со времени образования ТП в Ильменском бассейне изменений в них могло не быть вовсе. Во-первых, для кочевников природно-ландшафтные особенности данного района были крайне неудобными, и их редкие набеги не могли оказать влияния на топонимы. Во-вторых, трудно указать на предпосылки изменения статуса поселений, находящихся вдали от магистральных путей. Отсюда следует, что Тверская и Новгородская ТП могут представлять интерес, как модельное состояние Рязанской ТП в начальной фазе её эволюционных изменений.

Цели исследования:

1. Определить происхождение гидронима Половское.
2. Определить происхождение топонима Половское: является ли он выражением принадлежности, отношения или наследования свойств мотивирующего слова.

3. Рассмотреть вопрос о значении этнонима «половцы» и его связи с топонимом Половское. Слова эти близки как по написанию, так и по произношению. У них одинаковые корни ПОЛ и производное от него слово «полов», краткие относительные прилагательные, правда, с неясными пока значениями, а дальше – вопрос, т.к. говорить о едином мотивирующем слове рано.

1. Озеро Половское

Начать поиск целесообразно с названия озера Половское, т.к. оно не подвергалось влиянию исторических или социальных факторов. На первом этапе поиска основная задача – установить значение гидронима. Он в формировании топонимической пары с общим корнем, как правило, является первичным.

1.1. Описание объекта

С высоких бугров села Половское (Рязанское) – ими завершается переход лесостепи в пойму реки Оки – в обе стороны и до горизонта разворачивается панорамный вид на заливные луга. За левым берегом реки – озеро Тырница, за ним, у границы поймы – озеро Половское. Оба озера принадлежат типу озёр заливных, заполняемых водой в весенний разлив.

У озера на Валдае такое же название – Половское. В северную часть озера втекает река Мостовлянка, из южной части вытекает река Половизьма. По сути – это одна река, русло которой легло в обширную ложбину, протянувшуюся с севера на юг, наполнила её водой и образовала природный пруд. В названии реки на выходе из пруда отражена её роль: вывести лишнюю воду из ложбины – церковнославянское «изъмъ» = изъятие, исключение [3, с. 219].

1.2. Этимология

Найти в открытых источниках информацию о происхождении названия озера и о значении слова «половское» не удалось, но можно предположить, что отмеченные гидронимы с корнем ПОЛ появились в VI-VIII вв., когда движение придунайских славян в бассейне Оки было наиболее активным.

1.3. Анализ названия

Слово «половское» является устаревшим. Применим морфемный разбор. Цель разбора – установить значение мотивирующего слова, его основа нам видна, она перед суффиксом. Не оставим без внимания языки придунайских народов, путь миграции которых не мог оставить в стороне удобный для переходов и расселения лесостепной район бассейна верхней и средней Оки. Этимологические и толковые словари для устаревших и диалектных слов дают, как правило, несколько значений, из которых можно составить полный список потенциальных синонимов мотивирующего слова. Если окажется, что значения мотивирующего слова группируются вокруг не одного объекта, то из полного списка можно составить объектно-ориентированные списки. Выполнив композицию элементов списка, т.е. увязав части в целое, можем получить прототипы значений объекта.

Выполним морфемный разбор слова «половское», итог: ПОЛ-ОВ-СК-ОЕ, где ПОЛ – корень, ОВ и СК – суффиксы, ОЕ – окончание. Так как

слово «половское» является устаревшим, то значений мотивирующего слова может быть несколько:

1.3.1. Слово «пол»

Обратимся к Старославянскому словарю Р.М. Цейтлин [4, с. 473]. Первый вариант «пол1» имеет значения: «половина, берег, сторона». Здесь же находим, что слово «пол1» использовалось предками в словосочетании «об онъ полъ» как предлог «напротив».

Добавим к основе четырежды, поочерёдно, окончания, определим значения слов, установим, какие из них могут быть мотивирующими для гидронима.

1.3.2. Слово «пола», суц.

Значения те же: «сторона, половина».

1.3.3. Слово «поле»

На русском, древнерусском, старославянском языках, а также на языках придунайских славян и восточноевропейских славян: чешском, словацком, польском имеет значения поле, а также открытый, свободный, полый [5].

1.3.4. Слово «полый»

У Даля [6] находим: открытый, отверстый, непокрытый, незакрытый, растворенный настезь, распахнутый, разверстый. Пример там же – полое место, низменное, заливное, или полый м. [или «полая» ж.]. Здесь производства от полый и поливать сходятся. Там же – река пола, арх. гола, чиста, не покрыта льдом, уже вскрылась.

1.3.5. Слово «полой», суц.

Примеры образования существительных с окончанием «ой»: выть – вой; забить – забой; полить – полой. Слово «полой» имеет несколько значений: 1) у Фасмера – глубокая ложбина, где в половодье застаивается вода [5]; 2) у Даля – заливное, поёмное [пойменное] место, берег, луг; пойма, разлив, озерцо [6]. Например, в выражении о реке: «Выйти на полой», т.е. разлиться, выйти из берегов; или в поговорке: «Не в полой несёт кого», т.е. кому-то не следует спешить.

1.3.6. Список потенциальных синонимов:

Составим из объектно-ориентированных списков полный список потенциальных синонимов слов с корнем ПОЛ:

- а) сторона, половина;
- б) поле, открытый, свободный, полый, пустой;
- в) растворённый настезь, распахнутый, непокрытый;
- г) полое, низменное, заливное [место] или пола, гола, чиста [река];
- д) берег, разлив, заливаемая ложбина, заливной луг, пойма, озерцо.

1.4. Авторская версия происхождения гидронима Половское

Существительное «полой» видится наиболее обоснованным мотивирующим словом для гидронима Половское. Добавим суффикс «овск» и окончание «ое», получим относительное прилагательное среднего рода «половское» со значением отношения, свойственности или типической принадлежности мотивирующему слову (п. 1.3.6, д).

В названии Половское (Рязанское) видим типическую принадлежность озера заполняемой ложбине со всеми её свойствами на заливном лугу, в пойме реки. Прилагательное «половское» в данном случае имеет синоним «заливное». В изложении, будь то в речи или на бумаге, половское озеро (луг) и заливное озеро (луг) в не столь давние времена – понятия идентичные.

В названии Половское (Тверское) видим типическую принадлежность озера заполняемой ложбине, в которой протекает русло реки. Относительное прилагательное «половское» в данном случае имеет синоним «заполняемое», т.е. проточное озеро-пруд природного происхождения.

1.5. Вывод

В названиях озёр Половское отражена одна и та же суть: обе ложбины заполняются реками: Рязанское в паводок, как заливное озеро; Тверское постоянно, как проточное озеро или пруд природного происхождения. Таким образом, ответ на вопрос «Что в имени твоём» получен. Ответ на вопрос «когда» – в процессе миграции славянских племён в VI-IX веках.

Не останется без внимания происхождение гидронима в Новгородской ТП. Помогут значения слова «полюй» (см. п.1.3.4). В представлении предков, когда вода не смогла найти выход с валдайских высот, земля на её пути вдруг явилась разверстой, распаханной настезь, и вода сошла в ту долину. Поток меж высоких берегов и есть река Пола.

2. Село Половское

Полагаем, что роль определяющего фактора при образовании названий поселений с корнем ПОЛ сыграли природно-ландшафтные объекты. Например, поселение Полевое полем не является, его свойствами не обладает и в его формальное описание не входит, поле лишь рядом.

2.1. Описание объекта

Село Половское находится на высоких буграх, образованных сходом лесостепи к широкой пойме Оки. Напротив села, на другом берегу среди заливных озёр вытянулось озеро Половское. За поймой – тёмно-зелёная полоска леса, там начинается Мещера, среднерусская тайга. На 15 км ниже по течению реки расположено городище Старой Рязани, там же, напротив – районный центр Спасск Рязанский. Областной центр город Рязань – выше по реке на 35 км. Позади, на запад раскинулась лесостепь, за ней – начало Донской степи. Было, где разгуляться половцам.

Место, на котором располагается село Половское, уникально: пойма реки, великолепные пастбища, хороший панорамный обзор – далеко были видны вежи, сигнальные огни и дымы, всадники, плывущие по Оке ладьи и лодки. Поселения здесь строились с незапамятных времён. На то указывают археологические находки в районе села, относящиеся к каменному веку, ко времени проживания финно-угорских и тюркских племён: волжских татар, чувашей, марийцев. Оставили свои следы древние славяне. Если Тверская и Новгородская ТП обосновались в относительной глуши, то Рязанская ТП находилась на одном из оживлённых участков торговых путей в Персию и на Восток и пережила периоды расцвета и упадка.

2.1.1. Первое упоминание

Первое упоминание о селе Половское найдено в писцовых книгах 1629 и 1630 гг., в них приводится описание имущества Георгиевской церкви: «... Да в приходе той церкви: в том селе Половске двор боярина князя Ивана Алексеевича Воротынского...» [7].

2.1.2. Атлас майора Тулаева

В 1794 году был издан «Атлас майора Тулаева», где на месте села Половское показано село Половецкое:

https://www.etomesto.ru/map-ryazan_spasskiy-uezd-1794

https://www.etomesto.ru/map-ryazan_ryazanskoe-namestnichestvo-1794/

Если верить картам, то переименование села Половск в село Половецкое состоялось на отрезке между 1630 и 1794 годами, когда половцев не было и в помине. Отложим карты: майор Тулаев или рисовальщик могли находиться под влиянием мифа (см. п. 2.2.1).

2.1.3. Пятая ревизия 1795 года

В списке помещиков в Спасском уезде указаны пять, владеющих дворами в селе Половске или Половское [8]. Небрежность чиновников допущена даже в указании на владения родственников, например, в семье князей Долгоруких. Владельцев дворов в селе Половецкое в уездном списке нет.

Далее в ревизиях и в актовых записях метрических книг Казанской церкви до последней четверти XIX века указаны то село Половское, то село Половск.

2.1.4. Карта генерала Менде

В 1849-1866 гг. генерал-лейтенант Менде выполнил работу по составлению карт Центральной России. В основу экспедиции легли материалы Генерального межевания. На карте Рязанской губернии 1850 года показано село Половское: https://retromap.ru/1418504_54.425721,40.181636

2.2. Этимология

2.2.1. Легенда 1-я. Половецкий стан

По Ланитину село получило наименование Половецкое как «Знак того, что здесь когда-то была вежа половецкая». Поселению к моменту появления половцев должно было быть века три-четыре и называться оно могло либо Пола, либо Полово, либо Половск (см. п.2.1.1).

Примеры присвоения поселениям на Руси названий, напоминающих о народах «враждебных, недружественных», есть: 1) село Половецкое в Ярославской области. Поселение было выделено для проживания угнанных (пленных) половцев, захваченных русскими князьями в XI-XIII столетиях. Об эволюции названия сведений нет; 2) село Литвиново в Тульской области. Оно расположено на землях, где литовские князья создавали поселения для компактного проживания литовских служивых людей с семьями и т.д.

Заметим, что в этих поселениях с «враждебными» названиями проживали представители «враждебных» народов. У Ланитина гармония нарушена, нет ссылок на достоверные материалы, на источники. В легенду верится с трудом – не могло православное население предать своих предков и

сменить название родового места на новое, напоминающее о «поганных», т.е. о язычниках, об идолопоклонниках [3, с. 437].

2.2.2. Легенда 2-я. Половецкая переправа

Как и в 1-й версии, поселению к моменту появления половцев уже было века три-четыре. Возможно, вблизи села была переправа, в подтверждение – чёлн, найденный в 1938 году на косах напротив села, а в иные года открывались броды через Оку. Такие места у степняков были наперечёт, пользовались они ими регулярно и окрестных жителей не притесняли. В виду зависимости поселения от кочевников к нему могло «пристать» название Половецкое.

Версия далека от реальности – не бойкое место. На левом берегу кочевникам делать нечего – там Мещера, массовые переправы в обе стороны были мало востребованы. Батый, например, подошёл к Рязани лесостепью, с запада, покорив Пронск.

2.2.3. Легенда 3-я. Переселение половцев

С начала XIII века половцы стали активно искать у русских князей защиту от надвигающейся Орды, заключали союзы, переходили на службу, переселялись. С опорой на эти исторические события была запущена по эстафете версия, согласно которой Рязанский князь выделил на своей земле место для поселения некоего куреня половцев. Новое поселение на месте села Половское называли Половецкое. Топонимический словарь, составленный в 2015 году [9], эту версию излагает, ссылаясь на источники [1] и [7], но в этих источниках нет ни слова о расселении половцев. Эстафета продолжает свой путь, повысив «достоверность» ссылкой на Топонимический словарь.

2.3. Анализ названия

Названия поселений в парах «гидроним + топоним» образованы как результат действий наших предков, соблюдавших определённую традицию. Например, название деревни Полово вблизи озера Половское (Тверское) – краткое относительное прилагательное среднего рода. При словообразовании к основе ПОЛ был добавлен суффикс «ов», что должно было указывать на принадлежность деревни пруду или хотя бы его берегу. Наличие или отсутствие поселения вблизи озера на само озеро никак не влияет. Название деревни по факту выражает отношение близости к озеру.

Название села Половское (Рязанское) также связано с контрастным ландшафтным объектом, но, скорее, не с озером Половское, а с поймой реки, с её разливом, на языке предков называемыми «полой» (см. п. 1.3.5). К сожалению, пойма Оки имени собственного не оставила. Ну, а совпадение имён озера и села случайно – озеро находится в 2-х километрах за Окой, его с бугров даже не видно. В названии водоёма отражена суть природного явления: озеро Половское (Заливное) могло лежать в любой ложбине на заливно-м лугу в пойме любой реки. В названии села выражено отношение близости к пойме: она рядом, внизу и вокруг.

2.4. Авторская версия происхождения названия села Половское

Место для поселения выбрали вблизи контрастного ландшафтного объекта: над широкой поймой реки Оки. Произойти это могло во второй половине первого тысячелетия. Первым поселением, вне всяких сомнений, была

деревня. Далее, ввиду исторических, экономических и социальных причин могли последовать изменения статуса: построили церковь – село, огородили стенами – городок, и т.д. Изменения происходили, но корень ПОЛ сохранился, о чём говорят источники (см. п. 2.1.1 – п. 2.1.4).

2.4.1. Деревня Пола

Имя Пола́, краткое прилагательное женского рода, могла дать деревне чистая, открытая река (п.1.3.6, г, д). Это не утверждение, это гипотеза. Примером служит Новгородская ТП: «река Пола + деревня Пола». Изменим подход, представим себя на месте предков. Панораму поймы Оки, открывшиеся дали, простор они могли встретить с благоговейным чувством, воскликнув: «До чего ж пола!», т.е. распахнута [панорама], растворена настезь (п. 1.3.4). Могли ли предки будущую деревню назвать Пола? Да! Гипотеза вполне рабочая и позволяет внести первую запись в этимологию топонима.

2.4.2. Село Полово

Именем села, выросшего из деревни, могло стать Полово, краткое прилагательное среднего рода, образованное от слова «полой» (см. п.1.3.6, д). Это тоже гипотеза, примером служит Тверская ТП: «озеро Половское + деревня Полово». Замена мотивирующего слова очевидна – от слова «пола́» не просто перейти к прилагательному среднего рода.

2.4.3. Городок Половск

Поселение Пола или Полово, находясь на видном месте, притягивало угро-финнов, мордву, кочевников и прочих лихих людей, и, естественно, огородилось укреплениями, расширилось и приобрело статус городка. Исторически за названиями многих русских городов закрепилась форма краткого относительного прилагательного с суффиксом «ск» на конце [10]. Новое название Половск подтверждает гипотезу, что ему предшествовало Полово, в котором лишь окончание было заменено на суффикс «ск».

2.4.4. Село Половск

Первым документальным упоминанием села было Половск (см. п.2.1.1). Среди наименований поселений, имеющих статус ниже городского, можно встретить названия с суффиксом «ск» на конце. Это говорит о том, что когда-то они были укрепленными поселениями, т.е. городками [10]. Название села Половск подтверждает гипотезу выше (см. п.2.4.3). Городок не выдержал растущего с XI века натиска, утратил свой статус и превратился в село, сохранив наименование, свойственное поселениям городского типа.

2.4.5. Село Половское

В материалах 5-й ревизии 1795 года встречаются разные названия одного и того же села: Половск и Половское. С последней четверти XIX века окончательно утвердилось Половское, оно длиннее топонимов в Тверской и Новгородской ТП, что может свидетельствовать в пользу эволюционных изменений в его истории.

2.5. Вывод

Название села Половское и все его допустимые версии: Пола, Полово, Половск не являются элементами ближайшего гидронима и свойств его не

наследуют. В названиях выражено отношение близости поселения к контрастному природно-ландшафтному объекту, к обширной пойме реки во всей её красоте: высокий берег, чистая река, заливные луга и озёра. Название – это только указатель на то, что рядом река и её пойма.

Менялся статус поселения: деревня, село, городок, село. Соответственно ему происходили изменения в топонимической паре: «[панорама] по́ла + Пола́» – «[пойма] полой + Полово» – «полой + Половск» – «полой + Половское». Приведение названия поселения к новому статусу достигалось путём добавлением морфем, от чего оно становилось длиннее и в какой-то момент совпало с именем озера за рекой.

3. Половцы

3.1. Описание объекта

Половцы (кипчаки, татары, куманы, куны) – кочевой тюркоязычный народ, проживавший в историческом регионе, известном как «Половецкая степь». В начале XI века из Заволжья половцы продвинулись в причерноморские степи, вытеснив печенегов и торков. Затем они пересекли Днепр, дошли до низовий Дуная и заселили всю Великую степь от Дуная до Иртыша.

Первое появление половцев у русских границ относится к 1055 году. С тех пор и до нашествия Золотой Орды половцы совершали постоянные нападения на южную Русь. Набеги делали быстро и внезапно. Больше всего от них страдали пограничные княжества, в том числе Рязанское.

На пути с востока на запад главными водными препятствиями для половцев были текущие с севера на юг реки Дон, Днепр, Днестр. Славяне, приступая к строительству поселений на берегах рек, выбирали западный берег – он выше, безопаснее, с него хорошо просматривался противоположный пологий берег. Этот период оставил след в памяти предков: «Налетели ветры злые да с восточной стороны».

3.2. Этимология

3.2.1. Степняки

Первую версию об этимологии этнонима «половцы» предложил в XVI веке Сигизмунд Герберштейн, связав происхождение со словом «поле»: «жители степи, степняки». Подобный подход вызывает сомнения: 1) имя «степняк» похоже на прозвище, идентифицировать по нему этнос невозможно; 2) для образования этнонима от мотивирующего слова «поле» следует пройти по цепочке: «поле – полевые – полевцы». На выходе – несоответствие слова «полевцы» этнониму «половцы».

3.2.2. Рыжие люди

В современной историографии распространена версия, что слово «половец» происходит от слова «половый», то есть изжелта-белый, желтоватый, рыжий. Примеры использования цвета кожи (волос) при обращении к представителям рас и континентов есть. Данную версию исключать не следует. Тем не менее, допускаем, что оклик любого парня с рыжим чубом: «Эй! Половец! Дай-ка обниму я тебя» в те времена не настораживал.

3.2.3. Люди с другого берега

По мнению известного советского учёного Е.Ч. Скржинской, этноним «половцы» происходит от слова «половицы» [11]. Жители правобережья Днепра, включая Киев, так называли кочевников за левобережьем, с «той стороны» – «оного полу». Версия выглядит убедительной. Аналогичное выражение «половицы» употребляется в Новгородской первой летописи по отношению к новгородцам с противоположного берега Волхова.

Отметим, что у Скржинской [11, с.276] слово «половец» есть производное от прилагательного «полоёвый», т.е. всё от того же рыжего.

Заслуживает также внимания одно замечание Скржинской: «...Русского описания половцев в источниках не сохранилось. В летописях встречаются лишь различные отрицательные эпитеты, но общего рассказа о половцах как о племени нет... Лишь изредка в источниках можно найти упоминания некоторых их [половцев] особенностей, не свойственных ни русским, ни полякам, ни венграм, ни византийцам, воевавшим с половцами...» [11, с. 259].

3.3. Анализ названия

Не таит ли в себе мотивирующее слово, участвующее в словообразовании этнонима «половцы», отношение противоположности, отрицания, неприемлемости?

В качестве первой основы и мотивирующего слова в примере с половцами выступает слово «пол» с его значениями «сторона» и «половина» (см. п. 1.3.1). Им обязано появление словосочетания «оногополу» (см. п. 3.2.3), принесшее в семантику слова «пол» оттенок противоположности. То же встретим у Цейтлин [4, с. 473], где слово «пол1» наши предки использовали в словосочетании «об онъ полъ» как предлог «напротив».

Противопоставления также увидим, если обратимся к Полному церковнославянскому словарю протоиерея Григория Дьяченко, где «полый» с той же основой ПОЛ употребляется как часть слова:

- 1) поloverьц = еретик, отступник от веры [3, с. 451];
- 2) полоумный = лишённый ума, безумный [там же, с. 452].

Противопоставление наблюдаем в словосочетаниях «половой признак» и «противоположный признак». В Старославянском словаре Р.М. Цейтлин, составленного по рукописям X-XI веков, слова омонимы (см. п. 1.3.1) «[об он] пол1» (напротив) и «пол2» (женский или мужской) приведут к тому же результату.

Таким образом, оглядываясь в прошлое, можно утверждать, что основа ПОЛ давала возможность нашим предкам выразить своё отношение к некоему объекту, определяя его как противоположный, и не только по месту, но и по виду, по духу и т.п.

3.4. Авторская версия происхождения этнонима «Половцы»

Абстрагируемся от контекста, от окружающей реальности. Представим, что некоторое множество разбито на два подмножества или две половины (см. п. 1.3.1). Оба заняли разные позиции или стороны. Причём, разведены они так, что их объединение вернёт к исходному множеству, а их пересечение даст пустое множество. Вполне вероятно, что в некоторых случаях предки именно так интерпретировали слово «половина». И они понимали друг друга, а нам, в силу сложившихся стереотипов, делать это труднее.

Итак, значения «сторона и половина», или «оного полу», или «об он пол» наши предки могли на подсознании интегрировать в один композит, где носителем значения «противоположный» служило прилагательное «половой». Но пока без претензии на одушевлённость. Воспользуемся суффиксом «ец» и очеловечим относительное прилагательное «половой», получим «половец».

Обратимся к «Повести временных лет»: «...Так вот и при нас теперь половцы держатся закона отцов своих: кровь проливают и даже хвалятся этим, едят мертвечину и всякую нечистоту – хомяков и сусликов, и берут своих мачех и невесток, и следуют иным обычаям своих отцов. Мы же, христиане всех стран, где веруют во святую Троицу, в единое крещение и исповедуют единую веру, имеем единый закон, поскольку мы крестились во Христа и во Христа облеклись...» [12].

Летописец противопоставляет: «Мы – христиане» и «Они – язычники». Но в Древней Руси назвать половцев «погаными», т.е. язычниками [3, с.437], было мало. Автор Повести сказал о них шире – дикие, нечестивые, грязные, допускающие кровную месть и кровосмешение, кровожадные «и даже хвалятся этим». Значение этнонима «половцы» Летописец видит в словосочетании «противоположные нам люди», причём во всём, и не только, как люди с другого берега или как кочевники-язычники из восточных степей.

Мнение Летописца не расходится с взглядом на половцев – их по праву представляют башкиры – арабского путешественника 1-й половины X-го века Ахмеда Ибн Фадлана: «...Потом мы ехали [много] дней... и попали в страну народа из [числа] тюрок, называемого башкиры. Мы остерегались их с величайшей осторожностью, потому что это худшие из тюрок, самые грязные из них и более других посягающие на убийство. Встречает человек человека, отделяет его голову, берет её [с собой], а его [самого] оставляет...» [13, абзац 36].

3.5. Вывод

Есть основания считать, что в Древней Руси под значением мотивирующего слова «половой» в контексте неприемлемости или отрицания понималось «противоположный». Используя производное от него «половцы», наши предки подразумевали «нелюди». Всё зависело от контекста.

Заключение

В чём заслуга половцев быть «увековеченными» в имени древнерусского поселения – вопрос. Не указаны источники, которые могли бы повествовать о состоявшемся в XII-XIII вв. переименовании села. Заметим, у Ланитина не сказано о существовании на месте «переименованного» поселения другого, более раннего, хотя есть ссылки на артефакты глубокой старины. Также не вызывает доверия механизм возвращения имени.

Слова «половское» и «половецкое» разные по смыслу. Корень ПОЛ формально общий, но используемые при словообразовании первые мотивирующие слова «полой» и «пол» имеют разные значения (см. пп. 1.3.1 и 1.3.5). То же следует сказать и о производном слове «полов»: в первом случае значение краткого относительного прилагательного указывает на принадлежность объекта пойме или разливу, во втором – на принадлежность объекта некой противоположности тому, что скрыто за контекстом, часто субъекту, дающему оценку. Например: «Он – моя противоположность».

Для жителей древней Руси половцы были просто «нелюди». Отрицание выражалось прилагательным «половой». Показано, что половцы к процессу создания топонимов на Оке и к эволюционным изменениям наименования Половское отношения не имеют. В истории гораздо больше свидетельств иного развития, а именно того, как потомки бережно сохранили в веках имена дорогих им топонимов.

Подводя итог, можно сказать: Рязанской ТП почётно быть в одном ряду с ТП Новгородской и Тверской, взаимно дополнять и уточнять друг друга, а нам – помнить предков.

Список источников:

1. Ланитин М.Ф. История села Половского Спасского района РИАМЗ, научный архив Д. 517, Рук. 234, С. 1, 2.
2. Назин С.В. Об обстоятельствах возникновения этнонима «славяне». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-obstoyatelstvah-vozniknoveniya-etnonima-slavyane/viewer>
3. Полный церковнославянский словарь – протоиерей Григорий Дьяченко (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Djachenko/polnyj-tserkovnoslavyanskij-slovar/
4. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / Р.М. Цейтлин [и др.] – М.: Русский язык, 1994. – С.843.
5. Этимологический онлайн-словарь Макса Фасмера. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/п>
6. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorussskogo-jazyka-v-i-dalja/>
7. Легошин Н.Н. ГАРО Ф.Р –6713, Оп.1, Д.39, Л.27, Добролюбов И. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. – Рязань, 1891. – Т. 4. – с. 246-247.
8. Пятая ревизия помещичьих крестьян Спасского уезда, 1795 год. Роспись Ф129 опись 7, дело 101, св.161, 734 листа.
9. Происхождение названий населенных пунктов Рязанской области. Топонимический словарь, 2015 г. URL: <https://web.archive.org/web/20150815025506/https://istrzn.ru/spassk/>
10. Суффикс «ск» в русской топонимии. URL: <https://pstgu.ru/download/1203350150.tsekhanovich.pdf>
11. Скржинская Е.Ч. Половцы. Опыт исторического истолкования этникона (Из архива учёного) // Византийский временник. Наука. 1986. Том 46. С.255-276. URL: <https://www.vremennik.biz/opus/BV/46>
12. Повесть временных лет. URL: <https://heathen.narod.ru/library/pvl.html>
13. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. URL: <https://vostlit.info/Texts/rus16/Fadlan/text.phtml?id=6123>

ПОЭЗИЯ

Инеcса ИЛЬИНА

Инеcса Яшиновна Ильина – член МГО Союза Писателей России, Союза Писателей XXI века, Академии Российской Литературы. Поэт, актриса театра. Автор книг поэзии: «И оживёт мой сон», «Маски». Лауреат различных литературных конкурсов и премий. Кавалер ордена «Трудовая доблесть России» (всесоюзного фестиваля патриотической поэзии «Форпост» 2014, 3-е место), награждена медалями: им. М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, 55 лет МГО СПР России.

Живёт в Москве.

Я чувствую небес родство!

Когда я стану бабочкой,
Я научусь летать,
Над синюю тетрабочку
Виденья навевать,

Под ярко-жёлтым пламенем
Пушистым мотыльком
Знаменьем вещим, пламенным,
Кружиться за окном.

Я проберусь сквозь щёлочку,
В закрытое окно,
До той заветной полочки,
Где спрятано Оно.

Там, до поры до времени,
Не бодрствует – не спит,
Чудесное безвременье,
Всё сущее хранит.

Кутаюсь в мысли

В поезде еду, и счастлива я
Новому дню на пути бытия.
Ноша не в тягость и время не бремя,
Жизнь – это радость, мы – её семя.

Брошено семя, и значит, не зря
Жизнь создана на планете Земля.
Вижу в окошке некошенный луг,
Может быть, там мой неведомый друг?

Спрыгну с подножки на полном ходу,
Что-то теряю, а что-то найду.
Холодно. Кутаюсь в мысли, как в плед,
Прячу в кармане обратный билет.

Может, на радость иль на беду,
В новую жизнь безрассудно иду.
Если охватит по прошлому грусть,
В воспоминания обернусь.

Диффузия

*«Проникновение молекул одного вещества
в промежутки между молекулами другого
называется явлением диффузии».
(Физика, 7 класс)*

Я – Имя, знак живой души,
А цифра – та всегда бездушна,
Иному разуму послушна,
Иным мирам принадлежит.

Универсальна нейросеть,
Как на неё легко «подсечь»:
Не надо знать, запоминать,
Мозги напрасно напрягать.

Расчеловечить не спеши
Молекулы живой души,
И цифровой «удобный» рай,
В самосознание не впускай.

Я – сущность, но не вещество,
И я предпочитаю чувства,
И пусть не чужд мне хлеб насущный –
Я чувствую небес родство!

Маэстро

Когда-то на белом свете жил один бесподобный музыкант. Все звали его «Маэстро». Сначала иронично, затем – с неподдельным восхищением, ведь в мастерстве игры на скрипке ему не было равных. Но судьба сыграла с ним очень злую шутку. Одарив Маэстро при рождении столь чутким музыкальным слухом, она почему-то обделила его даром речи.

Но эта история вовсе не о нём, как вам может показаться, а обо мне, четвёртой струне его скрипки. Я помню всё от начала и до самого конца, ведь история эстрадного успеха Маэстро – история моей жизни.

Каждую из нас, меня и сестёр моих, он берёт как зеницу ока. Его уверенные, но неизменно нежные движения смычком были сравнимы разве что с отцовскими объятиями. И пускай ни я, ни сам Маэстро никогда не знали, каковы они, нам было так хорошо... Так хорошо, что в ответ на ласку его мы пели. Мы ликовали и сокрушались, плакали от счастья и от горя вместе с ним. Он говорил. Вопреки всему – он говорил! И этот язык был понятен каждому, кто был в состоянии его услышать. Речь Маэстро была способна сплавивать народы, прекращать войны, спасать жизни, изменять людские сердца. И его слышали.

Вы и представить, наверное, не можете, каким блаженством для нас было выступать на публике... Видеть улыбки восхищения на лицах людей в зрительном зале, наблюдать, как глаза слушателей закрываются от наслаждения, слышать бурные аплодисменты, словно идёт проливной ливень, а ты находишься под самой крышей, на чердаке...

Летели года, десятилетия, Маэстро приобретал всё большую известность. Наша труппа покорила все страны мира. Везде и всюду поджидал успех... И большее одиночество. Время не щадит никого. Ни меня, ни сестёр моих... Ни самого Маэстро. Он начал прихрамывать и плохо видеть, а поседевшая от убежавшего куда-то

Константин Сергеевич Васюченко – прозаик. Окончил театральный класс Школы № 2123 имени Мигеля Эрнандеса. В настоящее время получает образование на актёрском факультете театрального института «ГИТИС».

Живёт в Москве.

времени голова всё чаще клонилась к левому плечу, даже когда скрипки на нём не было.

Очки Маэстро надевал только когда читал книгу, газету или какой-нибудь важный документ. Но при игре на скрипке – никогда. Напротив, он закрывал глаза, как только брал инструмент в руки, ведь знал его вдоль и поперёк. Несмотря на возраст, музыкант ничуть не растерял своего дара. Движения рук его были всё столь же тверды и уверенны, но вместе с тем наполнены лаской и любовью – всю её он дарил нам, струнам.

Одним вечером, когда мы оказались на очередной концертной сцене театра, после града оваций зал погрузился в гробовую тишину. Никто не хотел пропустить ни единого звука, что прольётся из-под смычка. И вот... Лёгкий взмах руки, и нежное касание конского волоса струны, которое перетекало в плавное движение вперёд и назад. Мы были его квартетом, а он нашим дирижёром. Хор, в который мы сливались, был подобен ангельскому пению. Но в этот раз Маэстро играл как-то иначе... Глаза его были открыты, и в них почему-то отчётливо отражались грусть и смирение. Спустя время, завершив музыкальное предложение, он сделал тяжёлый вздох и начал двигать смычком быстрее, наигрывая мелодию, которую никто и никогда ранее не исполнял. Темп его игры начал ускоряться, сердце его билось настолько громко, что казалось, оно вот-вот вырвется из груди; даже думалось, что я больше не имею никакого значения, ведь Маэстро играет теперь не на струнах скрипки, а на струнах своей души... Эта музыка была восхитительна, и вместе с тем болезненна настолько, что моих сестёр разрывало пополам. Лопнула одна, но Маэстро не дрогнул. За ней – вторая, но музыкант даже не думал останавливаться. Разорвало третью, и вот я осталась одна... В этой мелодии было столько боли и страдания, столько горечи и печали, что мне казалось, я тоже вот-вот навсегда исчезну из этой жизни... Но этого не случилось. Маэстро медленно провёл по мне смычком и кончил играть. Своими полными слёз глазами он в последний раз взглянул в зрительный зал и рухнул замертво.

Теперь я сирота. Одна я перетянута через скрипку, что лежит на мягкой подушке за стеклянной витриной в его доме-музее. Одного понять не могу – зачем?.. В чём смысл моего существования, если больше мне нельзя дарить чувства людям? Каково значение моего пребывания за этим холодным, толстым стеклом? Если бы только я могла передать всё, что пережила с очередной мелодией... Но увы... С жизнью Маэстро закончилась и моя.

ПОЭЗИЯ

Сергей ГАЗИН

Сергей Юрьевич Газин – поэт. Член Союза писателей России. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Автор 13 книг стихотворений. Награждён орденом «За вклад в литературу России XXI века» и медалями: «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы», «За Победу!» и др. Лауреат премий МОО СП России им. Ярослава Смелякова, Евгения Зубова и «Золотое перо Московии». Кавалер Золотой Есенинской медали.

Живёт в Москве.

Мы дерзаем по праву

Поэзия свободы

В мир, полный абсурда и хаоса,
Гоня прочь из душ меланхолию,
Увитая мудростью Бахуса,
Поэзия вносит гармонию.
Где музыка, танец и пение,
Там солнце и небо лазурное,
И чувствуешь благоговение
И счастье немыслимо чудное!
В певучих словах красноречия
Достичь можно уровня вечности –
В любви на волне вдохновения,
Свободу найдя в бесконечности.
Свобода и радость движения
Для сердца даруют веселие –
Пусть даже всего на мгновение,
Но веришь, что это БЕССМЕРТИЕ!

Путь к истине

От ошибки к ошибке –
Наш путь к Истине вечный...
Мост познания зыбкий
Строим мы бесконечно.
Но атланты науки
Не бросают позиций –
Держат крепкие руки
Звёздный мост серебристый.

С детства грезя мечтою,
К звёздам рваться посмели,
Выверя судьбою
Все парсеки до целей.
Мы дерзаем по праву –
Путь пройдем даже Млечный...
Нам открыться по нраву –
Это путь бесконечный...

Солнышко

Солнышко, милое, здравствуй!
Радуйся в славе и царствуй!
Властвуй над миром во имя добра –
Выгляни к нам, улыбаясь с утра!..
Ты наше дивное диво,
Золотом дышишь красиво –
На колеснице, взнуздав лебедей,
Обогреваешь теплом мир людей.
Любим тебя незабвенно...
Свет нам даёшь ежедневно,
Не замерзаем с тобой в холода –
Ты наша жизнь и любовь навсегда!

Просыпайся

Приоткрой глаза: Хлоп, хлоп!
И проснись скорей: Хоп, хоп!
Много ль видишь ты ночами
В снах с закрытыми очами?..
Распахни души окно,
Пей небесное вино!
Ты проникнись, – как прекрасно
Солнце светит ежечасно,
А точнее – ежесекундно...
А ты спишь так беспробудно!..
Глянь на царство красоты –
Неба синей доброты...
С песней солнечной огнистой,
Самой яркой, самой чистой
Журавли летят, трубя:
«Просыпайся, жизнь любя!»

По нехоженным тропам...

Светало. Летний, июльский воздух наполнился утренней свежестью, подул небольшой ветерок и вокруг запахло свежескошенной травой. Небо из чернильно-чёрного стало лиловым. Миллионы, а может быть, и миллиарды росинок, взобравшись на спины былинки и травинки, заняв стоячие и лежащие места на бархате цветочных лепестков, стали ожидать солнечного света, чтобы заблестеть жемчугами и алмазами, приветствуя новый день.

Макушки самых высоких сосен стали пристально наблюдать за восточным горизонтом, чтобы первыми возвестить миру о появлении ярких лучей – золотых нитей, за которые потом ухватятся облака и вытянут на небо огромный солнечный шар. А потом, словно пираты, взявшие на abordаж Солнце, они, смеясь и хохоча, начнут дразнить Землю, то показывая, то пряча его...

Солнце... Всё живое на земле ожидает тебя, чтобы проснуться и начать новый День. Чтоб согреться в твоих лучах и почувствовать внимание и заботу Вселенной, созданной так умело Творцом!

Ни одно живое существо на земле не ложится спать с мыслью проснуться и начать убивать себе подобных... ни одно, кроме человека...

Сколько веков, тысячелетий враждует человек?

Чего ему не хватает? Солнца, земли, гор, рек, лесов, полей... Чего ему не хватает?!

Да! Вы правы! Со времён Адама крутится вокруг человечества самый коварный из коварных и самый хитрейший из хитрых, родоначальник козней и интриг, всего зла, что есть на земле, искушитель человеческих душ – Сатана!

Сколько городов и народов в них погубил Всевышний, тех, кто отверг Божественные законы и предался разврату! Сколько посланников – пророков (мир им всем) Он посылал народам, чтобы спасти их!

Сулим Хусайнович Магамадов – поэт, прозаик. Родился в 1968 г. в ЧИАССР, Шалинский район, с. Майртуп. В 1993 г. с отличием окончил Ставропольский политехнический институт, в 2004 г. окончил Институт финансов и права (г. Махачкала). С 2005 г. член Союза писателей России. Автор поэтических сборников «В ожидании наитий», «В лабиринтах души», «Ушедший день, я не тоскую по тебе...», «Белые гроздь акаций», «Медленно гаснет багровый закат». Государственный советник Чеченской Республики 1 класса. В настоящее время Глава (исполняющий полномочия председателя Совета депутатов) Курчалоевского муниципального района.

Живёт в г. Курчалой.

Двадцать первый век.

Некоторые страны считают своим эволюционным достижением распространение безбожия!

Нет никаких нравственных пределов, откровенный разврат считается нормой.

Неужели за большой грех были погублены Содом и Гоморра?

Где совесть, нравственность, человечность?

Нацизм, фашизм, расизм – разве есть у кого-нибудь сомнение в том, что эти течения имеют сатанинскую партийную принадлежность?

Нет! Сомнений и быть не может!

«Что вы хотите?» – спрашивают нас. «К чему вы стремитесь?» – спрашивают нас.

Ответ прост: дайте нам жить по истинным Божественным Законам!

Мы, монотеисты, не приемлем сатанизм, мы верим в Судный День, мы верим в Бога, мы любим Бога!..

Вы помните историю? Так вот, мы – те же!

Мы и сегодня победим фашизм!

Победа будет за нами!

Многострадальная земля Донбасса! Сколько же боли и мук предписано тебе судьбой!

Но уже скоро, скоро наступит долгожданный мир!

Ведь ради этого мира отдают свои жизни истинные твои Патриоты! Вечная им Слава!

Группа разведчиков, в количестве двенадцати человек, выполняя особое задание командования, этой ночью совершила марш-бросок к позициям противника. Последние полчаса группа шла по дну оросительного канала, который давно уже не функционировал, был сухим и зарос травой.

Расположившись в углублении этого канала, разведчики прилегли на отдых, чтобы набраться сил перед решающим броском. Кто-то пил воду из фляжки, кто-то растянулся во всю длину и лежал неподвижно, кто-то приводил в порядок оружие, кто-то копался в вещевом мешке... Учащённые их дыхания постепенно приходили в норму. Появились шутки, однако тревожное предчувствие чего-то серьёзного, значимого, судьбоносного не покидало никого...

...**В**сё смешалось. Стрельба, взрывы, крики, стоны, брань...

– Костя, Костя, справа, смотри, справа лезут, пригнись! – кричал Аслан, петляя между грудками развалин, кирпичей, разбросанных по двору, кусков бетона, досок, короткими пробежками подбираясь к своему другу. Длинная очередь из автомата и пули просвистели где-то близко над головой Кости, в сторону противника, который, заметив, что здесь стреляет только один человек, решил наступать.

Подбежав, Аслан буквально грохнулся рядом и прижался спиной к остаткам невысокой кирпичной стены разрушенного дома. Тяжёлый бронжилет, ударившись о стену, издал специфический звук, стена немного покачнулась, посыпалась штукатурка вместе с пылью.

– Костя, как ты, не ранен? – тяжело и прерывисто дыша, спросил Аслан, поднимая рукой каску, сползшую прямо на глаза.

– Царапины, – только успел сказать Костя, как снова загромыхало! Где-то рядом рвались снаряды, свистели пули. От едкого дыма, пыли, грязи резало в глазах, было трудно дышать.

– У меня почти закончились патроны, дай пару рожков, – протянул руку в сторону Аслана Костя. – Надо выбираться. Хорошо, что ты подоспел, один из них уже начал кричать в мою сторону «сдавайся», – добавил он.

– Да, – сказал в ответ Аслан, – ещё немного, и нас могут окружить. Наши уже отступают. Противник уже приходит в себя, надо торопиться. Внезапное наше нападение на рассвете сбило их с толку, пока идёт бой, им трудно разобраться в обстановке. Но как только заметят, что мы разведгруппа, сразу же пойдут на окружение.

– Согласен. Давай так, я бросаю гранату, и мы с тобой резко перебегаем вон на ту сторону дороги, к лесопосадке, и занимаем новую позицию, – указал рукой Костя.

– Давай, только я задержусь, прикрою тебя, и сразу же за тобой, – ответил Аслан. – Так надо.

Основная группа вела бой, развернувшись в ширину метров на двести слева от них. Уже был приказ отступать, и они медленно отходили на заранее условленное место, откуда по руслу засохшего поливного канала могли незаметно двинуться назад, за линию фронта.

Как только Костя перебежал через дорогу и зашёл в лесопосадку, начался интенсивный обстрел этой местности противником. На дорогу, метрах в пятидесяти от них, вышла бронированная машина.

Холод пробежал по спине Кости. Он смотрел назад, на своего друга, понимая, что прямо сейчас Аслан никак не сможет перебежать эту дорогу. А самое главное, с того места, где вёл бой Аслан, этой бронированной машины было и не видно.

Разум быстро нарисовал в его голове страшную картину: как только Аслан появится в поле зрения противника, он будет обстрелян, он точно не сможет перебежать дорогу.

И тогда, не видя другого выхода, Костя по-пластунски пополз назад, на дорогу, и спрятался за небольшим выступом. Эта мера оказалась своевременной, потому что Аслан, уже пригнувшись, бежал к дороге. Подняв и скрестив обе руки, Костя остановил Аслана прямо перед дорогой, показав рукой, что необходимо лечь на землю.

Осторожно взглянув туда, куда указывала рука Кости, Аслан всё понял.

Бой начал утихать, лишь изредка теперь доносились выстрелы.

– Костя, Костя, – едва слышно позвал его Аслан. – Слышишь меня, не теряй времени, иди к нашим. Другого выхода нет. За меня не беспокойся. Я подойду позже, другим путём. Вон, видишь, поворот недалеко, там я перейду дорогу. Догоню тебя, иди!

– Нет, друг мой, без тебя не уйду, – ответил Костя.

– Костя, скоро станет совсем светло. Не теряй времени, говорю тебе снова, иди!

– Нет! Давай, Аслан, сделаем так. Я подберусь чуть ближе к машине, брошу гранату, начнётся перестрелка, и ты...

– Это очень опасно! Уходи один! Уходи! – почти умоляет Аслан.

Но Костя уже не слышит его, он ползёт к противнику с гранатой в руке.

Всё происходит очень быстро. Взрыв, стрельба. Аслан, перебегая дорогу,

стреляет в сторону бронированной машины. Костя, отстреливаясь, бежит к лесопосадке. Машина, рванувшись за ними, уходит куда-то в сторону, горит колесо...

Вот уже Аслан и Костя почти вместе забегают в лесопосадку, как вдруг Костя падает на землю с простреленной ногой и, поворачиваясь в сторону противника, сразу же начинает стрелять.

– Беги, Аслан, беги, я прикрою, – говорит Костя, не обращая внимания на кровь, которая уже сочится из раны на ноге.

Но в это же время отточенными движениями Аслан перетягивает жгутом ногу, отбрасывает в сторону его автомат, он знает, там уже нет патронов, поднимает его и, перебрасывая его руку через своё плечо, спешно направляется вглубь лесопосадки, в сторону канала.

Стрельба в их сторону не прекращается, однако эти пули им уже не страшны.

Костя, как может, помогает Аслану, стараясь идти на одной ноге, и к ним уже начинает возвращаться уверенность в том, что они скоро соединятся с основной группой.

Вот уже конец лесопосадки близок, виднеется поле, за которым русло канала, и вдруг... Взрыв и большое облако пыли поднимается вверх именно там, где и должна их ожидать группа.

– Должно быть, ребята напоролись на мину в спешке, – проговорил Костя.

Уже слышен вой танка, который направляется в их сторону.

Патронов почти нет, гранат нет вообще. Путь назад отрезан.

Тревожные мысли стучат в голове: «Что же там с ребятами?!».

– Убитых и раненых обязательно группа заберёт с собой, – обращается Костя к Аслану. Этим и Аслан успокаивает себя.

Минуту подумав, он советуется с Костей, и они оба принимают решение – идти вдоль лесополосы, подальше от этого места, и снова зайти в село, чтобы укрыться до темноты среди развалин разрушенного частного дома.

Чтобы легче было идти, Костя сбрасывает бронежилет, разгрузку, и тут только Аслан замечает, что Костя ранен ещё и в живот, сбоку.

– Что это? Это серьёзно? – показал Аслан на рану, до крови кусая губы.

– Пустяки, – ответил Костя, пытаясь улыбнуться. – Дойдём – переждем, да и всё.

В это время раздались автоматные очереди, выстрелы гранатомётов, видно было, что группа прикрывает отступление...

– Давай, Костя, руку давай, надо идти, – быстро проговорил Аслан, вешая свой автомат на шею и пододвигаясь поближе к Косте.

Воздух из лёгких выходил с шипением, пот струился ручьями... Они уже довольно далеко ушли, и теперь необходимо было осторожно снова перебежать дорогу и вклиниться в село.

Здесь дорога была намного уже, и Аслан с Костей, соблюдая осторожность, перебежали через дорогу и спрятались сразу за первым домом. Потом, прислушиваясь к звукам, они перебежками направились вглубь села.

К счастью, они быстро заметили погреб, заваленный сверху обвалившейся крышей дома. Отодвинув в сторону куски шифера, досок, Аслан проделал своеобразный лаз к двери погреба, и они по ступенькам спустились вниз. От вентиляционной трубы небольшой луч света освещал пространство

внутри погреба. Взгляд их упал на банки, аккуратно сложенные на полках. Аслан без раздумий, достав нож, сорвал крышку с одной из банок и протянул её сидящему рядом Косте. Костя начал сразу же жадно пить, не замечая, что что-то льётся ему прямо на грудь...

План разведки боем в этом направлении фронта, очевидно, вынашивался командованием недолго, сверху требовали результатов, и поэтому группа не имела других путей отхода.

Было решено незаметно, на рассвете, пробраться к противнику в село, которое он занимал, завязать короткий бой, продемонстрировать как бы наступление и вернуться сразу же назад.

В это же время основные войска должны были наступать в другом направлении.

Аслан и Костя познакомились совсем недавно, всего чуть больше месяца они знали друг друга. Чеченец и русский. Сблизились они в блиндаже, в котором вместе провели больше двух недель без связи и почти без еды под регулярными обстрелами. Как известно, война – это переменчивые успехи на фронтах. Так и случилось, что, обстреливая эту местность, враги не подпускали смену. А покинуть позицию без приказа они не могли.

Настороженные взгляды и осторожные вопросы быстро остались позади. Будучи оба молодыми людьми одного возраста, воспитанные образованными, верующими родителями, Аслан и Костя нашли друг в друге много общего.

Костя уже по именам знал друзей Аслана, их повадки, нравы. Знал подробности интересных событий класса, в котором учился Аслан. В свою очередь и Костя рассказывал о себе, о своей семье, родителях, одноклассниках.

Деля скудную пищу, помогая друг другу, мечтая вместе, они за эти нелёгкие дни стали не только друзьями, они стали братьями.

Заходил у них разговор и об этой специальной операции.

– Ну, скажи, Костя, вот скажи, почему украинцы озлобились на русских, почему стали запрещать язык, закрывать школы, а потом просто обстреливать и убивать людей на Донбассе?! Нет, я никак не могу понять. Ведь русские и украинцы – это два братских народа!

– Аслан, там всё очень сложно. Нельзя говорить «украинцы», простые люди сами являются заложниками. Они не виноваты. Наши враги, давние враги, те, кто сегодня объявляет нам санкции, ведёт против нас экономическую войну – это их происки! Это им неймётся, это они стравливают братские народы. Это они вскормили и вырастили нацистов.

– Да, и у нас в Чечне были наёмники из других стран, которые почему-то знали русский язык, но не знали наш, чеченский. Где они обучались, для чего готовились – мы это узнали слишком поздно. И сегодня мы не перестаём благодарить нашего спасителя – Ахмат-Хаджи Кадырова. Ведь благодаря ему и его сыну Рамзану Ахматовичу у нас мир. Не только мир, но и процветание.

Откуда-то издалека донеслась украинская речь. В это время Аслан перевязывал ногу Кости, промыв его самогоном, который был им найден в соседнем полуразрушенном доме. Там же он нашёл и аптечку с бинтами.

Стиснув зубы, Костя терпел боль, которую он сначала и не заметил из-за болевого шока.

Рана на животе при тщательном осмотре оказалась очень серьёзной. Пуля зашла сбоку и повредила наверняка какой-нибудь внутренний орган. Здесь нужна была срочная операция.

В глазах Аслана появились слёзы, руки задрожали.

– О, Аллах, – взмолился он на своём, чеченском языке, поднимая обе ладони, – прояви свою Милость! Не дай моему другу умереть!

Голоса наверху приближались, начинался новый день...

Разбуженные и напуганные утренней перестрелкой редкие жители села, в основном старики, начали выходить на улицу, военные подразделения, ещё не оправившиеся от шока, гоняли по улицам технику, где-то лаяли собаки.

По нетронутой пыли в погребе можно было догадаться о том, что со времени разрушения дома здесь никого не было. Все съестные запасы были в целости, так что вероятность того, что именно сегодня кто-то заглянет сюда, была очень маленькой.

По этой причине уставшие, не спавшие всю прошлую ночь, пережившие боестолкновение ребята, немного подкрепившись, постарались заснуть.

– Костя, как ты? Хорошо, что пуля прошла насквозь через мягкие ткани ноги. А та, что в животе, будем надеяться, ничего не повредила, – обратился Аслан к Косте.

– Терпимо, брат. Не беспокойся, даст Бог, как стемнеет, двинемся обратно. Найду себе подходящую палку какую-нибудь, путь ведь не близкий, – ответил Костя.

– Давай, друг, постарайся заснуть, тебе нужны силы, – прошептал Аслан, закрывая глаза.

Через несколько минут Аслан снова открыл глаза. Бросив взгляд на Костю, он понял, что тот уже спит.

Сон не шёл. В голове Аслана кружились мысли, он снова и снова вспоминал произошедшее.

– А ведь он спас меня от верной смерти – прошептал он неслышно сам себе. – Если бы он не вернулся, если бы не отвлёк внимание на себя, меня могли бы десять раз убить. Из-за меня он чуть не погиб.

Почему он так поступил?! Ведь он прекрасно понимал, на какой идёт риск. Дружба – это я понимаю, взаимовыручка тоже должна быть, но идти на верную смерть, чтобы спасти другого человека?

Да, здесь, на войне мы действительно братья! Мы чувствуем и понимаем, что защищаем святые для нас ценности – жить по Божьим Законам.

И совсем не важно здесь, на войне, когда в любую секунду может прилететь роковая пуля, православный ты или мусульманин. Здесь некогда говорить ни о национальной принадлежности, ни о религиозной! Перед нами общий враг – сатанизм...

Аслан вглядывался в уставшее, измученное за это утро лицо своего друга, и слезами наполнились его глаза.

– Он, мой друг, дал мне новую жизнь, а может быть, это и ценою своей жизни. Да, Бог един! У меня и у него один Бог! И пусть он ходит в храм, а я в мечеть. В наших душах единый Бог! Это правда! И я брат ему до смерти. И до конца жизни я буду обязан ему!

Он шептал эти слова тихо, сам себе, заверяя клятвами...

И снова он читал молитвы и просил на своём, чеченском языке Аллаха дать здоровье своему другу.

Где-то после обеда зашевелился Костя. Попросил воды у Аслана.

– Как ты себя чувствуешь? – снова спросил его Аслан.

– Теперь даже не знаю. Но ничего, вытерпим, – ответил Костя, садясь поудобнее на одеяло, передвигая поближе подушку. (Подушки и одеяла ещё раньше принёс откуда-то Аслан).

– А знаешь, Аслан, какой мне приснился сон? Хочешь, расскажу? – посмотрел Костя на Аслана.

– Если плохой, то не надо, – ответил Аслан.

– Очень даже интересный. Слушай. Но прежде я хочу рассказать тебе, как бабушка моя водила меня в детстве в православный храм.

В нашем селе есть старинный храм, в который ходили мои предки. Однажды, никогда этого не забуду, я спросил бабушку, зачем мы ходим туда и слушаем батюшку. И знаешь, Аслан, что она мне ответила? Она сказала: «Вот ты, Костяшка, целый день бегаешь и возвращаешься домой грязным, как поросёнок, что ты делаешь? Да, чтобы не быть поросёнком ты умываешься и смотришь в зеркало, ты смываешь эту грязь. Правильно?».

«Да, – ответил я тогда, – правильно».

«Так вот, – продолжала бабушка, – лицо можно очистить водой, а душу только в храме. Как грязью покрывается лицо, так каждый день и души наши покрываются грехами, мир грешный так устроен, соблазнов много, и мы обязательно должны очищаться, понимая для себя и показывая нашему Творцу – Богу, что мы не животные, что мы люди! Люди с большой буквы! Ведь без соблюдения Божественных Законов, без совести, нравственности, сострадания, желания ближнему добра люди и превращаются в животных, особенно часто в зверей».

Этот ответ бабушки я запомнил на всю жизнь! Теперь про сон.

Аслан, мне приснился храм, наш сельский, православный храм! Мне приснилось, как я хочу покрасить его купол в цвет золота. Покрасить и сказать всем громко:

– Эй, люди, я люблю Бога! Я – Человек! Я желаю очиститься от всего греховного! Я желаю творить добро, одно лишь добро!

Но знаешь, Аслан, я не успел его покрасить, я проснулся...

– Аслан! – продолжал Костя, – Непроста приснился мне этот сон. Никто не знает, что с нами может случиться. Если я погибну, скажи всем, кто меня знал, что я старался быть Человеком! Что я любил Бога, любил людей.

И тут Аслан не сдержался. Учащенное дыхание, пот на лице Кости... Какое-то недоброе предчувствие охватило его. Он припал к нему, обнял и прижал к себе.

Плечи его тряслись, Костя почувствовал глухое, сдавленное рыдание Аслана.

– С тобой, брат, поверь, ничего не случится. Я понесу тебя на себе. Мы выберемся, – шептал ему в ухо Аслан.

И ещё долго они говорили о разном. То один, то другой...

Часы проходили незаметно. Аслан пытался заснуть, отдохнуть, но у него это не получалось. Он то засыпал, то просыпался. Сон был некрепок.

Стало уже совсем темно.

– Костя, давай, теперь пора.

С этими словами Аслан подошёл к нему и тронул его за плечо. Нечаянно он коснулся головы – лоб был горячим.

Костя медленно взял руки Аслана в свои, притянул к себе и сжал их.

– Аслан, друг мой, брат мой, я знаю, что ты не уйдёшь без меня, но так надо! Ты должен идти один. Я стану для тебя обузой. У меня нет сил. Пойми, это война. Ты должен выжить! Прошу тебя, умоляю, иди! Ведь если что-то случится с тобой из-за меня – я не смогу жить после этого. Я привязался к тебе как к брату. Понимаешь, те ценности, за которые мы с тобой боремся, они ведь тоже у нас общие, хотя ты чеченец, а я русский. Эти ценности, как члены нашей семьи, дороги нам. Иди, прошу тебя, иди сам, выбирайся Аслан! – по щекам Кости текли слёзы.

– Нет и нет! Костя, соберись! Выпей таблетки от жара. На, вот, возьми, запей водой. Ты же знаешь, я нашел аптечку. Без разговоров, обопрись на меня, идём. Тропинку я ещё с вечера присмотрел. Главное, через дорогу незаметно проскочить.

Косте и так было понятно, что без него Аслан не уйдёт. Поэтому без лишних разговоров он протянул к нему свою руку...

Вот и дорога, вот и лесополоса. Какие-то сверхсилы появились у них. Бронежилет Аслан оставил в погребке. Взял только автомат. Прекрасно знал он, что бой им не выиграть. Костя, ковыляя, сдерживая боль, бежал как мог.

Добравшись до известного канала, они сделали передышку.

– Теперь не заблудимся, теперь только вперёд...

– **Т**оварищ майор, разрешите обратиться, – младший офицер приставил руку к головному убору.

– Обращайтесь – ответил майор, поворачиваясь к нему лицом.

– Вы просили узнать, есть ли поблизости храм православный, так вот, в километрах около сорока отсюда, в городке Рубежная, среди многочисленных развалин стоит одиноко храм, чудом уцелевший. Однако вокруг одни развалины, и нет дороги к нему. На машине не пробраться. Нет окон, дверей, внутри святыне образа изрешечены пулями, в общем, он стоит, но ситуация плачевная.

– Хорошо, понятно, вы свободны, – ответил майор и как-то сразу изменился в лице.

– Аслан, оставь меня здесь, мне плохо, ты не можешь нести меня уже. Ты выдохся, я вижу. Ты приведёшь кого-нибудь. Мы уже недалеко от наших, – десятый раз говорил Костя Аслану.

– Подожди, подожди, дорогой, сейчас, я только немного отдохну, – всё так же отвечал ему Аслан.

Косте становилось всё хуже и хуже. От резких движений, от беготни что-то внутри живота порвалось, начало кровоточить. Каждое новое движение причиняло ему боль. Хотелось просто свернуться в клубочек и заснуть.

Но Аслан не слушал его. Из двух палок и перекинутых поперёк веток он соорудил носилки и тащил, тащил его. Каждый раз остановки становились всё более продолжительными, а расстояния пройденные – короткими. Сказывался предел человеческих сил.

Сколько часов они шли, они не знали. Рассвет их встретил на совершенно незнакомом для них месте.

Костя то отключался, теряя сознание, то приходил в себя и просил воды.

– Потерпи, ещё немного, – говорил ему снова Аслан, глядя его по голове и лицу.

– Ты знаешь, Аслан, мне совсем не страшно умереть, – тяжело дыша, с усилием выговорил Костя, когда они остановились в очередной раз. – Просто жаль, что тебе, брату моему, за твою верность, твою человечность, твоё мужество я не смогу отплатить достойно. Да ещё и храм, и его мне не удалось покрасить... – Костя вдруг закрыл глаза, весь напрягся от боли и уже через силу продолжал:

– Аслан, запомни, самое большое счастье в этой жизни – это почувствовать себя Человеком, который вместил в свою душу и несёт по жизни Храм Добра... Храм Бога! Я это понял теперь! Я счастливый человек, я хочу им быть, хотя бы сейчас...

– Костя, Костя, ты спас мне жизнь, ты спас мне жизнь ценою своей жизни, – шептал Аслан, припав к другу и тихо рыдая. – Я обязан тебе жизнью! А храму я обязательно помогу, ты слышишь, за тебя, мой друг, я помогу...

А давно православные христиане, возвратившиеся в Рубежное после военных действий, да и простые люди, проезжающие мимо и смотревшие на купол храма, мечтали о восстановлении службы в нём.

И вот однажды группа православных казаков, в очередной раз проезжая мимо, увидела дорогу, проложенную к храму. Они не могли в этот раз проехать.

Двери в храм были открыты. Храм был восстановлен для службы.

Встретил их батюшка, Отец Олег, и на удивление и нескрываемую радость верующих казаков ответил просто:

– Этот храм восстановлен чеченским подразделением «Ахмат»!

– У нас один Бог! – закричали казаки!

– Бог един! – разнеслось по округе...

А недалеко от них в это время стоял один человек. Он стоял и смотрел на храм. Глаза его были полны слёз. Маленький мальчик, проезжавший мимо на велосипеде, остановился, увидев странного дядю, в глазах которого были слёзы. Поставив одну ногу на землю, не слезая с велосипеда, мальчик с удивлением стал его разглядывать.

– А мы с бабушкой были в том храме, – вдруг сказал мальчик и тоже посмотрел в сторону храма.

Мужчина обернулся на него, улыбнулся, потом, немного помолчав, сказал:

– Ты молодец! Ходи в храм, и пусть и ты, и твоё поколение никогда не познает горечь войны и горечь потерь...

ПОЭЗИЯ

Элла КУЗНЕЦОВА

Элеонора Валентиновна Кузнецова – поэт. Родилась в Москве. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии МОО СП России «Золотое перо Москвитин». Награждена орденом «За вклад в литературу России XXI века», медалями: «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы», «Великий князь Сергей Александрович», «За Победу!», а также Дипломом «Победитель конкурса “Путешествие в страну чудес”» с вручением именной статуэтки в номинации «Поэзия».

Живёт в Москве.

Птицей взлетая в небо

Тот сон

О том, что случилось со мною когда-то,
Приснилось цветною картинкой живой –
На лыжах однажды на склоне покатом
Упала, ушиблась... Тут сын рядом мой:
«Мамуля, вставай, заживут поврежденья!
Не плачь, дорогая, не нужно нам слёз...»
Так дорого было его утешенье, –
Ведь это ребёнок мне молвил всерьёз:
«Плохое уйдёт и следа не оставит,
И радовать будут цветы по весне!» –
И сына слова сохранила мне память,
Я слышу поддержку их даже во сне.

Ночь поэта

Ночь надевает свой наряд,
Расшитый звёздными огнями,
Поэты допоздна не спят –
Горят окошки янтарями.
Огнями манит Млечный путь
В моря ночного покрывала,
Мечтой открыв поэту суть
Загадок, коих так немало.
И строчкам остановки нет,
И по бумаге вязью тонкой
Неугасимый звёздный свет
Рисует сказку рифмой звонкой.

Мудрость жизни

В шорохе шагов уходят годы,
И не возвращается ВЧЕРА...
Греет солнце после непогоды –
Жизнь всегда прекрасна и мудра.
Впереди года в объятьях весен,
Вспоминаю всё ж, взглянув в окно,
Прошлой жизни трепетную осень, –
Всё, что помню – мне не всё равно!..
Пусть весна придёт любви цветеньем,
И потерь безудержную боль
Успокоит светлое прозренье,
Смыв со старой раны в сердце соль.
С каждым шагом становлюсь сильнее,
Верю в мудрость пройденных дорог,
Ощущаю жизнь свою полнее,
В новый день входя через порог.

Птицей в любовь

Раньше из строк простых
Что-то друзьям писала,
Думала – это стих,
Но для поэта – мало.
Я познавала жизнь,
Птицей взлетая в небо –
В облаке белых риз
Ввысь я стремилась смело.
Солнечный горизонт
Мне раскрывал объятья,
Будто руно Язон
Мне подарил на счастье!
В детстве писала стих,
Нынче же – стихотворенье, –
Высший полёта миг –
В сердце луч вдохновенья!..
Птицей лечу в любовь,
Ветер поёт мне песню –
Радуюсь вновь и вновь,
Я и поэзия – вместе!

Непростая история

Злата с детства любила украшения. Особенно из золота. Имя, данное ей родителями, оказалось в каком-то смысле пророческим. В то время как маленькие девочки напяливали мамины кофточки или платья или на полусогнутых ножках передвигались по квартирам в огромных туфлях на высоченных каблуках, она открывала мамину круглую коробочку Палехской лаковой миниатюры и замирала от восторга, глядя на украшения. Так как серьги с маленькими бриллиантиками мама не снимала никогда, а обручальное кольцо только на ночь, в коробочке украшений было немного. Но даже несколько маминых колец (с александритом, бирюзой и горным хрусталём), бабушкины серьги с рубином, две цепочки (длинная с якорным плетением и короткая с панцирным), да пара кулонов (с бирюзой и фианитом) казались Злате несметными богатствами. Она надевала цепочку с кулоном и, выставив вперёд руку с болтающимся на пальце колечком, кружилась по комнате втайне от родных. В такие минуты она страстно мечтала о том, что когда-нибудь у неё будут собственные украшения и лежать они будут непременно в красивой коробочке.

Однако мечта её сбылась только на двадцатилетие, когда родители сделали для неё на заказ золотое кольцо и серьги в форме розочки, обрамлённой листиками. Злата с замирающим сердцем приняла подарок и никак не могла налюбоваться на этот комплект.

Прошло три года. Девушка уже окончила институт и пошла работать. Платили хорошо. Жила Злата в семье, поэтому иногда удавалось сэкономить немного денег. На них Злата купила себе тонкую цепочку и небольшой кулончик с первой буквой её имени. Радости не было предела.

На сэкономленные деньги Злата часто путешествовала. По республикам бывшего СССР. Однажды судьба занесла её в Узбекистан. Экскурсовод рассказала их туристической группе, какую роль играют украшения из золота в жизни

Юлия Геннадиевна Александрова – преподаватель английского языка, доцент Всероссийской Академии Внешней Торговли. Поэт, прозаик, член МГО СПР с 2009 г. Печатается в газете «Московский литератор», журналах «Великороссъ» и «Свет столицы», альманахах «Академия поэзии», «У Никитских ворот». Автор семи сборников лирических стихотворений и четырёх сборников городских рассказов. Награждена дипломами за верность служения отечественной литературе с вручением ордена «В.В. Маяковский» и медалей «М.Ю. Лермонтов» и «И.А. Бунин».

Живёт в Москве.

женщин. Оказывается, имея непосредственную связь с солнцем, они всегда служили энергетическим инструментом для заманивания мужчин в сети благодаря своему блеску.

Однако, несмотря ни на красивые золотые украшения, подчёркивавшие привлекательную внешность Златы, ни на её эрудированность, девушка никак не могла встретить своего суженого, поэтому мама озадачилась поиском колдуньи. Её собственная мама когда-то помогла ей таким образом выйти замуж, потому она считала этот путь правильным. Знакомые порекомендовали женщину, которая жила на окраине Москвы. Злата с мамой поехали туда. Колдунья оказалась цыганкой то ли из Молдавии, то ли из Румынии. Для проведения обряда нужно было золото. Поэтому она велела Злате привезти золотые украшения в количестве, равном количеству букв в её имени и фамилии. Их оказалось шестнадцать. Скрыв всё от домашних, Злата с мамой выполнили наказ (Златиной маме пришлось даже серьги с бриллиантами снять и доложить в общую кучу, а потом что-то врать бабушке о том, почему она перестала носить серьги). Когда женщины в третий раз приехали в это место, то увидели разбитые окна в доме колдуньи, а украшения им отдала её помощница. Некоторых изделий Злата с мамой так и не досчитались. Да и суженого Злата не встретила. Не помог, видать, обряд, если он вообще был проведён, хотя все возвращённые им изделия побывали в земле.

А вскоре Златины родители решили сделать в квартире косметический ремонт – обои переклеить, потолки побелить. Недолго думая, они сорвали на столбе объявление и пригласили рабочих в дом. Мама Златы понимала, что присутствие чужих людей – это всегда риск, поэтому собрала все украшения и положила их в полиэтиленовый пакетик, связав резиночкой. Ей казалось, что самое надёжное место – это дальний угол на полочке в трёхстворчатом шкафу, который запирался на ключ. Но она и подумать не могла о том, что для того, чтобы поклеить обои, рабочим нужно будет отодвинуть шкаф от стены, а задняя картонная стенка в нём рассохнется и просто отойдёт от основного каркаса, обнаружив спрятанный узелок с украшениями.

Когда пришло время расчёта за ремонт, Златины родители сильно удивились, что те особо не торговались, несмотря на дополнительные задачи, которые им пришлось выполнить. Потолки блестели, обои со сложным рисунком были аккуратно поклеены, швов было не видно, а вся мебель стояла на своих местах. И только после ухода рабочих мама Златы обнаружила, открыв шкаф, что её заветного узелка нет на месте. Все золотые украшения: и её (кроме бриллиантовых серёжек и обручального кольца), и покойной бабушки, и Златины вещи благополучно покинули их дом. Родители Златы попытались дозвониться до рабочих, но телефон, указанный в объявлении, молчал: сорвав куш, те благополучно рванули к себе на родину. Злата утешала маму, как могла. Она сказала, что если ей будет нужно, то она обязательно заработает и купит себе что-нибудь для привлечения солнечной энергии, так нужной всем женщинам. Справедливости ради, нужно сказать, что со временем коробочка действительно пополнилась украшениями: там появилась пара комплектов, состоящих из серёжек и колечек, а также цепочки и кулоны.

Однако с годами Злата разлюбила золото. Ей казалось, что оно делает её агрессивной. Другое дело серебро. Этот лунный металл, наоборот, умирал

природный темперамент Златы, поэтому она теперь отдавала предпочтение серебряным комплектам с полудрагоценными камнями, а иногда даже надевала бижутерию. Хотя красивая коробочка с золотом осталась по-прежнему усладой для её глаз.

Но когда она стала жертвой мошенников и оказалась первый раз в жизни в долгах, то первой мыслью было продать все золотые изделия. К своему сожалению, в ломбарде она узнала, что изделия, датированные прошлым веком, сейчас не котируются, и продать их можно только как лом: металл за вычетом драгоценных камней оценивали в три тысячи шестьсот рублей за грамм. Злата задумалась: «Ну и сколько она выручит за них? Тысяч двадцать пять максимум. Это же цена одного современного золотого изделия... Жалкие слёзы по сравнению с суммами, которые она была должна своим друзьям, выручившим её. Да... Овчинка выделки не стоит».

И тогда Злата решила. Пусть лежат они в маленькой коробочке и хранят свою непростую историю. А долги?! Ну что долги. Заработает и отдаст.

ПОЭЗИЯ

Багаутдин АДЖИЕВ

Багаутдин Анварович Аджиев – поэт, драматург, переводчик. Родился 21 февраля 1950 года в Махачкале в семье народного поэта Дагестана Анвара Аджиева. Окончил филологический факультет Дагестанского государственного педагогического института. Работал помощником режиссёра на телевидении, учителем, директором школы №19, заведующим Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей Дагестана, секретарём Союза писателей Дагестана, руководителем секции кумыкских писателей. В настоящее время – Зав. литературной частью Кумыкского музыкально-драматического театра им. А.-П. Салаватова. Член Союза писателей России с 1980 г. Член правления Союза писателей РД. Имеет звание «Заслуженный деятель искусств Республики Дагестан». В 2017 г. Указом Главы РД присвоено почётное звание «Народный поэт Дагестана».

Живёт в Махачкале.

От Дербента до Парижа

Поэма

*Путешествие –
сильнейшая после любви страсть.*

Теодор Драйзер

Вступление

С рождения на свет ищу дороги,
Которые весь мир откроют мне!
В пути лишь забываю я тревоги,
Что спрятаны в душевной глубине.

День без дороги для меня потерян,
Горячим сердцем устремляюсь в путь.
И лишь тогда в успехе я уверен,
Когда свободно дышит моя грудь.

Опять дорога – дали и просторы!
Просёлки и асфальта серпантин...
Но где же та дорога, о которой
Мечтаю я, наверное, один?

Заветная моя, в которой скрыты
Секреты жизни, смысл бытия?..
И вновь деревья золотом залиты –
Вернулась осень, спутница моя.

И вместе с ней нежданно-нежданным
Во Францию путёвка мне пришла,
Как будто бы узор золототканый,
Её мне осень в дар преподнесла.

Дорожная приятна суматоха –
Всё кверху дном и в доме, и в душе,
Которая от отчего порога
В фантазиях отправилась уже.

И только мать с отцом невозмутимы,
Хоть знаю я, что это всё не так...
Сердца их незащищены и ранимы –
Обидеть может их любой пустяк.

Но от меня печаль свою скрывая,
Ведь горевать мужчине не к лицу,
Меня перед дорогой обнимает
Отец, как и положено отцу.

И говорит: «Коль в дальний путь собрался,
Поводья ты из рук не выпускай,
И так держись в седле, как я держался,
И край отцов своих не забывай!»

А я, лишь жаждой странствия томимый,
Ему ответил что-то на ходу
И в путь пустился неисповедимый,
На серебристо-элегантном «Ту».

А в самолёте, словно в фильме старом
Про старика Хоттабыча, друг мой,
Я вдруг себя почувствовал Икаром,
Взлетающим над брэнною землёй.

Со мною рядом верная супруга
В иллюминатор устремила взгляд,
А с ней сидела давняя подруга –
Прекрасная кумычка Аминат.

И муж её Далгат – наш друг старинный
О чём-то оживлённо говорил
С весёлой собеседницей Мариной...
Возвышенности дух над всем парил!

Салон огромный, как пчелиный улей,
От разговоров радостных гудел,
Пока наш серебристый лайнер пулей
В прекраснейшую Францию летел.

Народ был разный – умный и учёный:
Писатели и гендиректора...
Одни спешат в старинную Сорбонну,
Другие в Лувр или в Гранд-Опера.

Одни хотят набраться впечатлений,
Другие – своих близких повидать,
Сбежавших от репрессий и гонений,
Чтоб вечно по России тосковать.

На пьесы своей собственной премьеру
Торопится московский драматург.
А бизнесмен скорее на Ривьеру
Спешит попасть, чтоб воплотить мечту.

Мой друг Далгат из древнего Дербента
На выставку всемирную летит –
С волнением он ждёт того момента,
Когда Париж огнями заблестит.

Ах, люди, люди, в поисках вы вечно –
Природа ваша, к счастью, такова,
Что в дальний путь стремитесь вы беспечно,
Чтоб страны открывать и острова.

Хрустит в карманах новая валюта,
И греют душу загранпаспорта...
Настала долгожданная минута –
В салоне снова смех и суета.

Шасси коснулись серого бетона,
Закончился трёхчасовой полет.
Припал к иллюминаторам влюблённо
Уставший, но восторженный народ.

Земля Марселя – жёлтая равнина –
Как наша дагестанская земля.
Здесь море голубей аквамарина –
И возглас по-французски: – О-ля-ля!

Далёкие и близкие дороги,
Они зовут нас в призрачную даль.
Но почему-то грустно мне немного,
Как будто бы чего-то очень жаль.

Марсель

Марсельский полдень яркий и весёлый
У трапа встретил добродушно нас.
И мы ступили, словно новосёлы,
На землю эту в самый первый раз.

Вдали тянулись небольшие горы,
И белый храм виднелся на холме.
И моря Средиземного просторы
О Каспии напомнили вдруг мне.

И как хрустальный замок, перед взором
Предстал Марсель, волнуя разум мой –
Раскинулись причудливым узором
Его дома и порт его морской.

Приятно пахло морем и цветами,
Как будто в бело-розовом саду
Вдруг рядом очутился я с друзьями
И восхищённо замер на ходу.

И женщина по имени Милиса
Нас встретила улыбкой неземной –
И сразу просветлели наши лица,
Как будто бы вернулись мы домой.

Родная речь приятно зазвучала,
И чистою такой она была,
Что даже мы опешили сначала,
Ведь так она нас за душу взяла!

Милиса эмигранткой оказалась:
Во время революции она
Ещё ребенком с родиной рассталась
В жестокие и злые времена.

И всё-таки француженкой не стала,
Хоть и жила полвека тут уже,
А, птицею отбившейся от стаи,
Осталась она русскою в душе.

Наш добрый гид, милейшая Милиса,
В автобус, как на сцену, поднялась
И, словно знаменитая актриса,
Вдруг речью вдохновенной залилась.

И монологу яркому внимая,
Мы ехали по серому шоссе

И в дни войны тот остров был в осаде –
И бросив вызов собственной судьбе,
Держался до последнего снаряда
Там генерал французский Монсабер.

Марсель, Марсель – ветра эпох минувших
Насквозь продули стены крепостей...
Но он врагов простил великодушно
И распахнул объятия для друзей.

И день, и ночь звучит в порту марсельском
Задорная и смешанная речь.
Неприхотлив рыбацкий люд и сельский –
И дружбу научился он беречь.

Здесь внукам от их дедов переходит
Рыбацкое простое ремесло.
И каждый своё счастье в нём находит,
Жизнь рассекая золотым веслом.

Синеет море, брызжа белой пеной,
Накатывает за волной волна...
И в этой жизни суетной и брэнной,
По существу, бессмертна лишь она.

Огромно море – не окинешь взглядом,
Бездонно море, как моя любовь,
Которая всегда со мною рядом –
Тревожит сердце и волнует кровь.

Я снова беспокойство ощущаю,
Когда на волны синие гляжу,
И сам себя порой не понимаю –
Ну, что я в них всё время нахожу?

Наверно, то, что вырос я у моря
И так же неуёмен, как оно.
Когда спешу я от родных нагорий
В тот край, что опьяняет, как вино.

Марсель, Марсель, как лермонтовский парус,
Ворвался я в безбрежный твой простор
И по твоим каштановым бульварам
Прошёл победоносно, как линкор.

Пусть к мечте трудна была дорога,
Но поговорка старая верна:
Не тот учён, кто прожил слишком много.
А тот, кто эту жизнь познал сполна.

Нотр-Дам де ля Гард

Стоит на видном отовсюду месте
Поэтами воспетый чудный храм.
Подобен он стеснительной невесте,
Весь кружевной и белый Нотр-Дам.

Крестами возвышаясь горделиво
Над пёстрою марсельской суетой,
Он источает свет благочестивый
На город золотистою струёй.

Как и собор парижский знаменитый,
Он совершенен и неотразим...
Притягивает он сильней магнита
Всех, кто готов склониться перед ним.

И люди оторвать не в силах взора
От серебристых этих куполов
И всех его причудливых узоров,
Которые красноречивей слов.

И как венец творения – Мадонна
Прижала непорочное дитя...
И, не скрывая криков восхищённых,
На них туристы пристально глядят.

Младенца дорогого на коленях
С любовью нежной держит Божья Мать,
И всё же ради нашего спасенья
Она готова нам его отдать.

И каждый, кто под своды храма входит
И свечку ставит перед алтарём,
Тотчас успокоение находит
И радость в сердце горестном своём.

Индусы, и арабы, и японцы,
Хоть к верам и относятся другим,
Окутаны лучами его солнца,
Ведь братья они здесь, а не враги!

И я, как все, свечу свою поставил
Во имя совершенства и добра...
И сразу же на сердце легче стало,
Как будто бы свалилась с плеч гора.

Вдруг громко зазвучал орган соборный,
В хрустальную врываясь тишину
Стремительной тональностью мажорной,
Похожей на высокую волну.

И проповедь свою епископ начал,
На кафедру поднявшись, как на трон...
И верующие, радуясь и плача,
Молились вместе с падре в унисон.

Он говорил о святости и рае,
Он говорил об аде и грехе...
Как все, его я слушал, замирая,
Не чувствуя свечи в своей руке.

И пусть не понимал я слов значенье,
К религии иной принадлежа...
И всё-таки таинственным в них чем-то
Была покорена моя душа.

Наверно, потому, что человеку
Так мало надо для души его...
Для христиан стал храм марсельский Меккой,
Где воцарилось веры торжество!

А для меня, туриста и поэта,
Он был лишь воплощением мечты
И жаждою увидеть чудо света
Необычайно редкой красоты.

Ещё он первым стал прикосновеньем
К прекрасной и загадочной стране,
Которую, как чудное мгновенье,
Я раньше видел разве лишь во сне.

Марсель, Марсель – и древний он, и юный.
Любимый всеми, он для всех открыт –
И море изумрудное, и дюны,
И белый храм, сияющий с горы.

Столетия друг за другом незаметно
Над ним летят, как будто облака.
А он стоит, продутый свежим ветром,
И будет здесь стоять ещё века.

Жерар

Читатель мой, с водителем-французом
Желаю познакомить я тебя.
Мы стали для него бесценным грузом –
Он к каждому относится, любя.

Мост через Гаронну

Юг Франции по осени прекрасен –
Весь в золотой и радужной листве.
Мы едем по горам, наш путь опасен,
Но мысли так прозрачны в голове.

А в сердце лишь восторг один, и только,
Дорога отливает серебром...
И вдруг река прекрасная, как Волга,
Негаданно сверкает за холмом.

Гаронна... Я в краю своём родимом
До этого не слышал про неё...
Но вот она бежит невозмутимо
И этим сердце радует моё.

Хоть говорят, что раннею весною
Она непредсказуема порой,
И умиляться ей совсем не стоит –
Она ещё покажет норы свои.

Мы едем вдоль реки, любясь страстно
Октябрьским пейзажем из окна...
И кажется, нам снится сон прекрасный,
Хоть эта явь, друзья, прекрасней сна!

Мост каменный над речкой нависает –
Трёхъярусный, узорчатый, большой...
Мы на пологий берег выбегаем
Из нашего автобуса гурьбой.

И детский свой восторг мы скрыть не в силах
От вида, что пред нами вдруг предстал.
Ведь акведуков нет таких в России,
Да и мостов таких я не видал.

Овеян мост тот легендарной славой,
И всё о нем давно известно тут –
Недаром: «через время переправой» –
Его французы здешние зовут.

Ему две тыщи лет уже минуло,
А он стоит, как будто монумент,
Чтобы река своим могучим гулом
Не заглушила эхо давних лет.

Здесь больше тонны весит каждый камень,
И арки так причудливы, что я

До них хочу дотронуться руками,
От спутниц дрожь волненья не тая.

А бурная река течёт так быстро.
Что даже утки дикие, и те
Не могут сесть здесь на воду без риска,
Чтоб плавно покачаться на воде.

От изумленья не сказав ни слова,
Взираю на осеннюю красу
И почему-то вспоминаю снова
Я нашу своенравную Койсу* ...

Мой Дагестан и Каспий синеокий,
С которым попрощаться не успел,
Когда я отправлялся в край далёкий
Навстречу своей будущей судьбе.

Зато теперь стою и удивляюсь,
Как строен и затейлив этот мост!
И кажется, его я опасаюсь,
Как будто бы трёхъярусный он монстр.

Мостов я в этой жизни видел много,
И всё ж нигде подобных не встречал...
Кем создан был он – дьяволом иль Богом,
Чтобы потом мне сниться по ночам?

Похож он был на сказочного Нарта**
И на верблюда тоже был похож,
Трёхгорбого, который от азарта
Встал на дыбы, чтоб всех нас бросить в дрожь.

От древних римлян до суровых галлов,
Кого он только в жизни не видал...
И хоть его эпоха потрепала –
Не сдался он, не рухнул, не пропал.

Он стал – через эпоху переправой
И выдержал все натиски судьбы,
И свою славу заслужил по праву,
Не выйдя из игры и из борьбы.

И для потомков вновь оберегают
Его уже другие времена...
Течёт река под ним, волной играя,
Но с ним не состязается она.

Ведь вечен он, как истина, которой
Так в этой жизни не хватает нам...
И потому, наверное, так дорог,
Как будто ключ к минувшим временам.

Дорога из Арля в Авиньон

Из Арля в Авиньон автобус мчится,
Рассвет алеет маком за окном,
И будущее кажется жар-птицей,
Что разноцветным машет нам крылом.

Жерар машиной ловко управляет,
Французский парень с доброю душой.
Дорогу эту назубок он знает
И делает работу хорошо.

С Милисой нашей стал он очень дружен,
Ей помогает радостно всегда –
Он и водитель наш, и гид к тому же,
Которого пленяет красота.

Да и Милиса хвалит его часто:
Мол, лучшего, чем он, шофёра нет...
А он, сияя от такого счастья,
Ей только улыбается в ответ.

Автобус наш несётся всё быстрее,
Дорога, как расплавленная сталь.
А море Средиземное синее
И манит нас в неведомую даль.

Парит орёл над жёлтою равниной,
Раскинув крылья, словно паруса...
Быть может, Дагестан он мой покинул,
Чтоб увидеть чужие небеса.

Как этот мне пейзаж напоминает
Далёкие отцовские края,
Где золотом осенних гор сверкает
Любимая Кумыкия моя.

Слежу глазами за полётом птицы,
Страшась её из виду потерять –
А вдруг она назад не возвратится,
Не прилетит на родину опять?

Навстречу аккуратные старушки
Нам стали попадаться по пути,
И к средиземноморской деревушке
Автобус наш тихонько подкатил.

Местечко под названием Валорис
Нас встретило приветливо, как друг...
И запах с моря, терпкий, как цикорий,
Витал повсюду, кажется, вокруг.

На узких улочках теснились лавки
С керамикой, что выстроилась в ряд –
Расписанная красками и лаком,
Она невольно радовала взгляд.

Огромные тарелки и кувшины
Заманивали росписью своей,
И мастерства гончарного вершины –
Фигурки фантастических зверей.

И вспомнил я балхарские поделки
Работы лучших лакских мастеров,
Что с глиной так справляются умело,
Как будто кубачинцы с серебром.

Мы все купили в лавках сувениры,
Которые нам были по душе...
Да и до нас не меньше, чем полмира
Приобрело их, кажется, уже.

Туристы – любознательные люди:
Всё хочется на свете им познать...
И странствия, которые так любят,
Покою предпочтут они опять.

В Валорисе художников немало –
И знаменитый Пабло Пикассо
На этих узких улочках, бывало,
Бродил один по несколько часов.

Здесь он творил, и многие полотна
В музее местном бережно хранят...
И посмотреть их может кто угодно –
От старцев и до маленьких ребят.

И мы в музее этом побывали,
Восторженно дыханье затаив...
Тот чудный миг забудется едва ли,
Ведь была прекраснее, чем миф.

Слегка устав от этих впечатлений,
Мы в долгий путь отправились опять,
И плавно, как корабль по теченью,
Автобус наш стал скорость набирать.

В долину Грасс автобус направлялся,
Прекрасную, как Франция сама...
Приветливо Жерар нам улыбался,
И от него мы были без ума.

Весёлый парень, смуглый и красивый,
Он не пытался радость свою скрыть –
Ведь группу из писателей России
Не каждый день приходится возить.

И потому-то он везти старался
По самым заповедным нас местам,
Порой с прямой сворачивая трассы
И дивный вид показывая нам.

И после утомительной и длинной
Дороги, что всё время вверх ползла,
Вдруг перед взором чудная долина,
Как будто сад весенний расцвела.

Долина Грасс... Нигде на белом свете,
Наверное, прекрасней места нет...
Моё лицо ласкал душистый ветер,
И воздух был здесь сладок, как щербет.

И вспомнил я стихи отца родного,
Что в душу с малых лет запали мне,
О девушках, сельчанках чернобровых,
Каких немало в нашей стороне.

«И эта подруга цветы собирает,
И та у душистого бродит цветка –
Она о возлюбленном тайно мечтает,
Сдувая губами пыльцу с лепестка.

Подруга, пусть белый цветок будет белым,
Пусть синим останется синий цветок...
Без встречи душа одинока, а тело
Завянет, как будто осенний листок».

Я эту песню тоже пел когда-то
На празднике цветов в селе у нас,
И снова моё сердце вспомнить радо
Отцовские стихи в долине Грасс.

Здесь ароматы дивные витают
И радужные, словно лепестки,
Нас девушки французские встречают,
Изящно поднимаясь на носки.

Наивные, в стремлении высоком
Понравиться они желают нам...
А мы им машем радостно из окон
И щёлкаем на фото тут и там...

Здесь свежестью пропахла вся округа
И собран весь цветочный урожай...
С ним поздравляют девушки друг друга,
Хоть расставаться им немного жаль.

Но впереди зима... А дух цветочный,
Что послан людям как небесный дар,
Томиться будет в колбах днём и ночью,
Чтоб вскоре стать духами Фрагонар.

От имени художника, который
Запечатлел их на своём холсте,
Они так знамениты станут скоро,
Что будут раскупаемы везде.

О, красота цветка и человека!
Одна ты только можешь мир спасти
От войн и разрушительного века,
И жала равнодушия в груди.

Ты можешь оградить нас от террора,
От ненависти чёрной и слепой.
А без тебя мы справимся не скоро
С напастью человечества такой.

Авиньон

Долина Грасс растаяла в тумане,
Как будто фантастический мираж...
Я снова думать стал о Дагестане,
Взирая на октябрьский пейзаж.

И золото платанов придорожных
Звенело от порывов ветерка,
И было отчего-то мне тревожно,
Какая-то нахлынула тоска.

И вспомнил я Дербент в осенней дымке,
И дом Далгата, друга моего –
Янтарные и сахарные дыни
И виноград особенный его.

И зёрна перезревшего граната,
И жёлтую душистую айву,
Чей пряный запах нас пьянил когда-то
Не в сновидениях, а наяву.

И запах шашлыка из осетрины,
И баклажанов сизые бока...
Ах, в этот миг приятнее картины
Не мог представить я наверняка.

Но все мечты мои пропали даром,
Вспоминанья я стряхнул, как сон,
Ведь за окном автобуса Жерара
Был не Дербент, а древний Авиньон.

Тот знаменитый город провансальский,
Где папский возвышается дворец,
Который много раз бывал в осаде,
Пока не стал музеем, наконец.

Он помнит римлян доблестных и галлов,
И горькие лихие времена,
Которых было здесь, увы, немало,
Когда царила в городе война.

И все междоусобицы он помнит –
Династий беспощадную борьбу.
Мне кажется, я душу его понял
И избранную ощутил судьбу.

И медленно по улицам мощёным
Бродил я, чистым воздухом дыша.
Как в юности, была раскрепощённой
И романтической моя душа.

Навстречу мне французские мальчишки
Спешили в школу или по домам,
Засунув в ранцы порванные книжки,
Чтоб спрятать их от взоров строгих мам.

Задорные, смешливые ребята
Вдруг увлеклись нехитрою игрой...
И я таким же точно был когда-то
В другой стране, на улице другой.

Ах, где теперь тот давний адрес детства,
Где жил я, начинающий поэт?..
Мне никуда теперь уже не деться
От золотых тех юных моих лет.

Там каждый шаг мой трепетен и гулок,
Особенно в вечерней тишине.
Там мой родной Гвардейский переулок,
Где старый дом вздыхает обо мне.

И здесь, на берегу могучей Роны,
Мне родина моя еще милей,
Хотя порой красоты Авиньона
И заставляют позабыть о ней.

А жизнь течёт, и тем она прекрасна,
Что не однообразна и пуста.
И, может быть, печалюсь я напрасно,
Ведь мир спасёт не грусть, а красота.

И, думой этой умиротворённый,
Я в свой отель вернулся ночью лишь,
Чтоб с первой зарёй из Авиньона
Отправиться в блистательный Париж.

Дождь в Париже

В Париже дождь идёт, не умолкая,
Звенит струя, как тонкая струна.
Я раньше думал – Сена голубая,
Но оказалась серою она.

Поникли кроны клёнов и каштанов,
Как будто бы не радуясь гостям,
И струи восхитительных фонтанов
Переплелись со струями дождя.

И Нотр-Дам в величественной позе
Над Сеною продрогшею застыл..
Хоть для прогулок было слишком поздно,
Не смог унять я любопытства пыл.

И вместе с другом вышел из отеля
По улочкам парижским побродить –
Сквозь серый сумрак фонари горели,
Выстраиваясь в призрачную нить.

Сияли магазинчиков витрины,
Как будто вспышки среди серой мглы..
Парижский дождь не портил их картины,
Врываясь в потаённые углы.

Мы быстро шли по мокрому бульвару,
И Эйфелева башня вдалеке
Сияла нам, а девушка из бара
Протягивала маленький букет.

Навстречу нам спешили парижане,
Не замечая этого дождя,
Хотя по лицам капельки бежали,
Глубокие морщинки бороздя.

Но о причудах ветреной погоды
Не думает весёлая толпа..
И странно видеть столько здесь народа,
Идущего куда-то невпопад.

Здесь суета людская безгранична.
И столько наций здесь, и столько рас..
Но все они друг другу симпатичны –
И это видно по сиянию глаз.

И чем погода хуже, тем прекрасней
Волнующий и радостный Париж.
Осенний дождь пугает нас напрасно,
Для парижан он – развлечение лишь.

Его капризы всем давно привычны –
Не только людям, но и голубям,
Что чувствуют себя вполне отлично
На мокрых мостовых и площадях.

В Париже дождь, но радостные лица
Печалиться нам с другом не дают –
Встречает нас французская столица
Улыбками, что, как цветы, цветут.

И дождь другой, и осень здесь другая,
Не та, что в нашей южной стороне..
И всё же мне чего-то не хватает,
Хоть кажется, что счастлив я вполне.

Когда, как все, дождя не замечая,
Улыбки собираю я в букет..
Но всё равно по родине скучаю,
Которую оставил вдалеке.

Мои дербентские друзья

На миг хочу к друзьям своим вернуться,
Которых я из виду потерял,
В свои воспоминанья окунуться,
Безумным нетерпением горя.

Они не из писательского круга,
Мой друг Далгат с красавицей женой.
Но выбрал он надёжную подругу –
Ему бы позавидовал любой.

Их сам Аллах соединил навеки...
И Аминат всей жар своей души,
То пылкой, то стремительной, как ветер,
Отдать супругу верному спешит.

Ну, а Далгат делами занят вечно:
И даже за границей, как всегда,
Взвалил он ношу тяжкую на плечи –
Всего себя работе он отдал.

С проблемами дербентского завода
Не может он расстаться даже тут...
А их, увы, всё больше год от года,
Ведь как грибы сейчас они растут.

Но не таков Далгат наш Мирзабеков,
Чтоб от проблем скрываться и бежать:
Всё лучшее есть в этом человеке,
Не обо всём смогу лишь рассказать.

И здесь, в Париже, он, как и в Дербенте,
Вновь говорит мне с пламенем в глазах
О новом дорогом эксперименте,
О старых комплектующих узлах.

О телевизорах и кофеварках,
О сборке новой линии в цеху
Он может говорить мне так же жарко,
Как о стихах я говорить могу.

И Аминат с таким же точно пылом
Во всех делах помочь ему спешит...
На плечи она многое взвалила,
Как будто секретарь его души.

Хотя она, в отличие от мужа
Везде уже успела побывать...

Он быстротой её обезоружен,
Но только усмехается опять.

Ведь Аминат по улицам Парижа,
Как по Дербенту, ходит день-деньской...
И необъятный город стал ей ближе –
Такой знакомый и почти родной.

В его объятых Аминат с Далгатом
Немало уже время провели...
И оба несказанно они рады,
Что вместе оказаться здесь смогли.

Как будто бы их тут соединила
Ещё сильнее французская земля,
А может быть – таинственная сила –
Монмартр и Елисейские поля?..

Их суэта Парижа не пугает,
Они полмира видели уже...
Любовь друг к другу их оберегает,
Она одна – как бриллиант в душе.

Дом Александра Дюма

В полдневный час мы, затаив дыхание,
Пришли сюда, в старинный этот дом...
Под сводами таинственного зданья
Портрет Дюма я разглядел с трудом.

Ведь смуглое лицо его сливалось
С простенком тёмным, чопорно застыв...
И, кажется, невольно выдавало
Всех предков африканские черты.

– Салам алейкум, классик знаменитый!
Я пол-Европы пролетел почти,
Чтоб в этот дом, густым плющом обвитый,
Как будто в замок сказочный войти.

Здесь ты творил, задёрнув ночью шторы,
Чтоб не мешал свет призрачной звезды
Тебе увидеть лица мушкетёров
И королеву редкой красоты.

А может быть, при свете золотистом
Своей всегда недремлющей свечи
Ты видел профиль графа Монте-Кристо,
Такой незабываемый в ночи.

Как твой герой, и ты мечтал о доме,
Чтоб бросить якорь на родной земле.
Ведь верил ты – корабль не утонет,
Коль светит для него маяк во мгле.

И пригласил ты мастеров умелых
Воздвигнуть это зданье поскорей..
А вышел из-под пальцев огрубелых
Прекрасный замок для души твоей.

И ты, от восхищения сияя,
Как вкопанный, вдруг замер перед ним..
На камне надпись выбита такая:
«Люблю того лишь, кем я сам любим».

Ах, Александр Дюма, любим ты всеми –
Поклонников твоих давно не счесть..
И дух твой романтический над Сеной
Ещё витает, оставаясь здесь...

В Париже... И в рабочем кабинете,
Что для меня святее всех святых.
И я хочу сказать тебе об этом
У рукописей царственных твоих.

Они, слегка подёрнутые пылью,
Хранятся на столе твоём большом..
Как вымысел в них переплёлся с былью,
Ведь не пером писал ты, а душой!

За кабинетом комната другая –
Её «Турецкой» называл Дюма,
Где на тахте порой за чашкой чая
Листал свои бессмертные тома.

На той тахте аляповато-странной,
Ещё хранящей прошлого следы,
Теперь – лишь том священного Корана
Да азиатских мудрецов труды.

На пыльных стенах в рамах золочёных
Висят портреты, и из них один –
На месте самом, кажется, почётном:
На нем написан важный господин.

Отец Дюма... А далее пейзажи
И натюрморты разные висят..
Я, засмотревшись, не заметил даже,
Что многие уйти уже хотят.

А я ещё брожу по тихим залам,
Ищу эпохи канувшей следы
И чувствую её пьянящий запах,
Который так любил, наверно, ты.

Как и друзей – и шумных и приятных.
Что заполняли смехом этот дом...
То время нам нельзя вернуть обратно,
Зато мы можем прочитать о нём.

Недаром же в наследство нам оставил
Свои неповторимые тома
(Что уже частью жизни нашей стали)
Французский классик Александр Дюма.

Весь мир объездил он, великий странник,
Моря и реки он переплывал.
Да и в моём любимом Дагестане
Однажды он случайно побывал.

Он крепостью в Дербенте любовался,
И, может, ещё помнит цитадель,
Как он пейзажем горным восхищался.
Хоть сакля горца – вовсе не отель.

И там, срывая спелый плод граната,
Быть может, новый замышлял сюжет,
Что станет книгой будущей когда-то
По истеченью некоторых лет.

Мне кажется, что связаны мы чем-то,
И пусть для всех незрима эта связь,
Но всё равно волнуюсь я зачем-то,
Чтобы она вдруг не оборвалась.

Встреча с друзьями и чудо инженера Эйфеля

Париж столицей мира называют –
И это правда, честно говоря...
Я тоже восхищенья не скрываю.
За всё судьбу свою благодаря.

Отель «Бержер», где мы живём с супругой,
Мне понравился, как родимый дом...
И вдруг звонок... Я слышу голос друга,
Волнение угадывая в нём.

Далгат наш, мирзабековской породы,
Всегда живёт с размахом и с душой...
И изменить его не смогут годы –
В Париже ли, в Дербенте – всем он свой.

И мы с женою слышать его рады,
Ведь он так вдохновенно говорит
Про все свои удачные контракты,
Которые он скоро заключит.

Про выставку Всемирную в Марселе,
Про Авиньон и свой завод родной.
В командировке, как на карусели,
Он гонится за собственной мечтой.

Директор славный «Электросигнала»,
Гордиться хочет детищем своим.
И здесь, в Париже, доброе начало
Положено уже, конечно, им.

За стопкою французского абсента
Он не скрывает радостный свой пыл
И пьёт за телевизор из Дербента,
Чтоб «Элекс» наш не хуже прочих был.

И, вдохновлённый сделкою успешной,
Он тут же приглашает нас с женой
Отметить (вместе с Аминат, конечно).
На Эйфелевой башне подвиг свой.

С восторгом приглашение принимая,
Без промедленья едем мы туда,
Где высится громадина стальная –
Столицы мира символ и звезда.

Ах, Эйфелева башня – чудо света!
Озарена ты тысячью огней...
И замирает сердце у поэта,
Когда вдруг прикасается он к ней.

И звёзды, что мерцают над тобою,
Не в силах красоты твоей затмить...
Неужто чудо дивное такое
Мог смертный человек соорудить?!

Был инженером Эйфель знаменитый
И с высшей математикой дружил.
В идею, что влекла его магнитом,
Не только ум, и душу он вложил.

И вскоре, видимое отовсюду,
Вдруг вознеслось над грешною землёй
Железное и кружевное чудо
В триста тринадцать метров высотой.

А сверху весь Париж, как на ладони –
И улицы прямые, и дворы..
И даже слышен в близлежащем доме
Весёлый смех и топот детворы.

Ах, Эйфелева башня, чудо света –
Такая в целом мире ты одна.
И кажется, огромная планета
С твоей площадки смотровой видна!

Вокруг светло, хоть ночь уже настала,
Но тут иллюминации не счесть.
И сердце восхищаться не устало
Всем тем бесценным, что узнало здесь.

В уютном ресторанчике высотном
Мы пьём вино, любуясь красотой
Столицы, что кружится беззаботно
В осеннем вальсе плавном, как прибой.

Влюблённые всех стран и всех народов
Сюда хоть раз пытаются попасть
На миг один, в любое время года,
Чтоб навсегда отдаться ей во власть.

И мы с друзьями из Дербента тоже
Той власти ощущаем торжество:
Не то чтоб сердцем – всей своею кожей,
Как будто здесь вершится волшебство.

Ведь башня, как огромная ракета,
Готова вместе с нами к звёздам взмыть.
Пусть это – лишь фантазия поэта,
Что с небом может нас соединить.

Увы, мы на земле, хотя и в башне,
Что никогда не взмост в небеса..
Мои мечты покажутся лишь блажью
Тем людям, что не верят в чудеса.

Всем... Но не Мирзабекову Далгату,
В душе он – и романтик, и поэт..
По одному его я вижу взгляду,
Что для его мечты предела нет.

Он может мне рассказывать часами
О смелых планах будущих своих...
Ведь верит он, что мы в России сами
В жизнь воплотить однажды сможем их.

Мысль человека всё опережает –
И время, и пространство, и судьбу.
И разум только ищущий не жалок,
Способный на смертельную борьбу.

Таким был разум Эйфеля, конечно.
Который современников сразил
Тем, что назло всем критикам, успешно
Свой дерзкий план в железе воплотил.

И вот стоим мы на площадке ровной
И изумлённо смотрим с высоты
На город знаменитый и огромный,
Такой необычайной красоты.

И Сены величавое течение,
И широта парижских площадей
Рождают вновь любовь и восхищенье
В сердцах моих восторженных друзей.

Роскошный Лувр притягивает взоры,
И – в дымке золотой Булонский лес...
И кажется, что встану на опору
И дотянусь руками до небес.

Сорбонна

Священное есть что-то в слове этом,
Оно у всех как будто на устах:
Сорбонна, ты – великая планета,
И мы тебя открыли неспроста.

Сюда мы неосознанно стремились,
Как будто бы простые школяры.
Хотя мы от экскурсий утомились,
Но не желали выйти из игры.

И наконец пред нами ты предстала
Во всём великолепии своём:
Как зеркало ты чистое блистала –
Века былые отразились в нём.

О, храм науки светлый и лучистый,
Каких людей ты выпустил из стен!
Как будто древо с кроною ветвистой,
Раскинулся ты в буйной красоте.

И радуется взор, когда я вижу
Студентов юных шумную толпу
И стаю голубей на скользкой крыше,
Осенний дождь клюющих, как крупу.

Читатель мой, прекрасная Сорбонна –
Известный в мире университет,
Который столько миру дал учёных,
Оставивших в науке яркий след.

Ведёт нас гид по каменным ступеням:
Мол, заходите в светлый храм, месье...
А создал это чудное строенье
Французский архитектор Лемерсье.

Роберт Сорбонский – инженер учёный.
Строительство успешно завершил.
С тех пор зовётся этот храм Сорбонной
И манит высотой своих вершин.

Святое имя выбито на камне –
Оно не позабудется в веках
И в Лету равнодушную не канет,
Хоть так жестока времени река.

И сохранят истории страницы
Всех деятелей лучших имена,
Что знанья собирали по крупичкам,
Чтобы цвела и крепла их страна.

Один из них – известная всем личность,
Блистательный и грозный Ришелье.
Он был администратором отличным,
Перекроив удачно весь рельеф.

Его реформы благодатны были,
Ведь храм науки перестроил он,
И по его веленью пригласили
Сюда профессоров со всех сторон.

Из Рима и из Генуи прекрасной –
Ни Запад не забыли, ни Восток...
И были те усилия не напрасны,
Ведь храм расцвёл, как сказочный цветок.

С тех пор традиционно принимает
Людей учёных он их разных стран:
От Англии с Египтом до Китая –
И вся эта политика мудра.

Ведь дух Сорбонны – дух святого братства,
Где расы все свободны и равны.
Иначе думать – будет святотатством
Для этой замечательной страны.

Нельзя её одним окинуть взглядом,
Ведь всех аудиторий тут не счесть...
Амфитеатры веером нарядным
Раскинулись для слушателей здесь.

Свой планетарий и свои музеи,
И коридоров длинный лабиринт –
На всё я с восхищением глазею
И ощущаю сердца гулкий ритм.

Сорбонна, знаменитая Сорбонна!
Как же унять биенье сердца мне!?
И как благодарить теперь мне Бога
За то, что побывал в твоей стране?

Сорбонна, никого ты не забыла –
Учёные твои наперечёт...
Здесь – Ришелье покойного могилу
Часовня небольшая стережёт.

В уютном парке свой приют последний
Твой первый ректор навсегда нашёл.
И в зимний день, и в знойный полдень летний
Покоиться ему здесь хорошо.

Сорбонна, знаменитая Сорбонна!
Как все, благодарить тебя готов,
Хотя б за то, что помнишь поимённо
Ты лучших всех своих профессоров.

И снова я брожу по коридорам,
Где с любопытством искренним опять
Я слушаю студенческие споры
И сам готов участие в них принять.

Профессор Жак Дюкло меня встречает
В своей лаборатории большой
И на вопросы чётко отвечает,
Причём всё это делает с душой.

Туристов повидал он здесь немало,
Но новым лицам несказанно рад.
Его я про Кorkмасова Джалала***
Спросил, увидев изумлённый взгляд.

О нём Дюкло не слышал, к сожаленью...
И я ему подробно рассказал,
Что этот революционный гений –
Сын Дагестана, пламенный Джалал.

Что он, кумык, учился здесь, в Сорбонне,
И знания большие получил...
Хоть имени его Дюкло не помнил,
Но просмотреть журналы поручил.

В шкафу, пропахшем кожей старинной
Журналов было множество, но в них
Не отыскался след Джалалутдина...
Я сразу опечалился и стих.

И вдруг Дюкло сказал: – Взгляни на стены...
Здесь фотографий много давних лет.
На старых снимках выцветших и серых
Заметил я знакомый мне портрет.

Конечно, он!.. Джалалутдин Кorkмасов!
Из прошлого так пристально глядит...
Среди других его узнал я сразу –
Серьёзное лицо и строгий вид.

И сердце моё трепетно забилося
От этой встречи с личностью большой,
Как будто время вдруг остановилось,
Когда я на стене портрет нашёл.

Джалалутдин... Таких как он кумыков,
Увы, немного в нашей стороне –
Гостеприимной и многоязыкой
И дорогой такой до боли мне.

А если бы таких, как он, рождала
Побольше наша щедрая страна,
То, думаю, что средь зимы настала
Давным-давно бы вечная весна.

Джалалутдин Кorkмасов – наша гордость,
Суровый век тебя не пощадил.
Но счастлив я, что мне французский город
С тобою эту встречу подарил.

На улицах Парижа

На улицах Парижа трудно очень
Понять, какое время на часах,
Ведь белый день легко там спутать с ночью –
От множества огней рябит в глазах.

Бульвар Осман... Витрины магазинов
Напичканы какой-то мишурой...
И всё же изобилия картина
Меня своей прельщает новизной.

Вот магазинчик «Берегите время» –
В нём продают прекрасные часы.
Но только жалко мне расстаться с теми,
Которые ношу не для красоты.

Их девушка одна мне подарила,
И каждый раз, когда их завожу,
То вспоминаю нежный облик милый,
Который я в душе своей ношу.

Вот и сейчас так сердце бьётся часто,
Как будто хочет выпрыгнуть оно
И отыскать несбывшееся счастье,
Которое догнать мне не дано.

Я время не берёг своё, родная,
И не считал счастливых тех минут
Тогда, когда была ты молодая...
Казалось мне – ты вечно будешь тут.

Но жизнь по-своему переиграла
Моей судьбы запутанный сюжет...
Ведь по Парижу я брожу устало.
А вот тебя со мною рядом нет.

И лишь часы с руки я не снимаю
Ни днем, ни ночью – в общем, никогда.
Как будто с циферблата мне сияет
Моей любви закатная звезда.

И одного боюсь я, что однажды
Внезапно остановятся они...
Зачем душа любви так вечной жаждет,
Ведь быстротечны страсти нашей дни.

Иду я по осеннему бульвару,
Где пламенеет рыжая листва,

И вспоминаю тихий сад наш старый,
Где я шептал заветные слова.

Но мне назло завистливое эхо
Их унесло в далёкие края...
Не поняла ты их, а я уехал,
Своей душевной боли не тая.

И только твой подарок драгоценный
Напоминает мне об этих днях
И тех ночах, счастливых и мгновенных.
Которые нам даровал Аллах.

И пусть Париж в объятьях своих страстных,
Как юношу, меня закружит тут,
Но образ твой далёкий и прекрасный
Твои часы забыть мне не дадут.

Пер-Лашез

Ворота знаменитого погоста
Встречают нас унылой тишиной.
Но только мне войти туда непросто:
Там за оградой строгой – мир иной...

О, Пер-Лашез, печальная обитель,
Ты столько тайн в гробницах погребла...
Так много я имён ещё не видел
Известных тех людей, чья жизнь прошла.

Здесь каждая могила – как святыня,
Куда всегда паломников не счесть.
И кажется, что горький дух полыни
Над каждой судьбой витает здесь.

Читатель мой, коль посетишь однажды
Париж, то непременно посети
И этот уголок, где камень каждый
Историю хранит в своей горсти.

Поток людей сюда не убывает,
В молчании струится средь гробниц,
Где имена великие сияют
Холодным светом сумрачных зарниц.

Не только знаменитые французы
Здесь обрели последний свой приют –
Имён испанских, итальянских, русских,
Английских и других немало тут.

Покоится здесь классик знаменитый,
Известный всем Оноре де Бальзак...
А рядом, позабыв свои обиды,
Покоится безвестный Растиньак.

Лежит Золя здесь и лежит Россини,
Мольер великий тут нашёл покой.
И жёлтенькие листики осины
Струятся с веток медленной рекой.

Лежит Шопен, о Польше не мечтая,
И страстная лежит Эдит Пиаф...
Листвы осенней струйка золотая
Стекает на ковёр плакучих трав.

Могила здесь великого Барбюса,
А рядом с ним лежит Морис Торез...
Рябины гроздья красные, как бусы,
Летят с ветвей, а, кажется – с небес.

И смелые бойцы Сопrotивления
Нашли приют на кладбище своём...
О, Франция, не встали на колени
Они перед озлобленным врагом!

Здесь памятник в Освенциме убитым
Стоит, как перебитое крыло –
И белый мрамор с траурным гранитом.
Переплелись в нём, как добро и зло.

Гвоздики мы к подножью положили
И вспомнили погибших имена...
Они за счастье заплатили жизнью
И чашу горя выпили сполна.

И к этой мы стене пришли не даром:
Она – свидетель грозных тех времён,
Когда здесь расстреляли коммунаров,
Ведь беспощаден деспотов закон.

Не пощадили ни детей, ни женщин,
Восставших против бедности своей...
И кажется, что из глубоких трещин
Сочится кровь несчастных тех людей.

Не дрогнули они перед расстрелом,
Пощады не просили у врага.
И только мать закрыть пыталась телом
От пули несмышлёного сына.

И в этот миг я вспомнил почему-то,
Что Уллубий Буйнакский****, как они,
Не задрожал в последнюю минуту,
Достоинство и доблесть сохранив.

Здесь коммунары пели Марсельезу,
И Уллубий её, быть может, пел
В тот самый миг, когда затвор железный
Заскрежетал и выстрел прогремел.

И, как они, он бился за свободу
Своей страны, чтобы, в конце концов,
Легко дышалось бедному народу
На горестной земле своих отцов.

О, древний мир, такой неповторимый,
Зачем же своих лучших сыновей
Со времени властительного Рима
Ты губишь в схватке призрачных идей?

Но вряд ли на погосте знаменитом
На свой вопрос я отыщу ответ –
Нельзя же то услышать от убитых,
Чего и у живых доселе нет.

О, Пер-Лашез, я голову склоняю
Перед твоим величием немым
И слёзы благодарности роняю
На камень, что от боли стал седым.

Откровенный разговор

Монмартр смеётся и гудит, как улей:
На оживлённых улицах толпа,
И мотоцикл летит быстрее пули,
И девушка выделяет па.

Художник пишет храм, топчась на месте,
С зелёным попугаем на плече...
А мы с Далгатом и Жераром вместе
Спасаемся от солнечных лучей.

В кафе под кроной старого платана
Полуденный мы заказали ланч...
И здесь, за сотни вёрст от Дагестана,
Далгат нас угощает, как богач.

Хоть сам он гость, но щедрая натура
Ему опять покоя не даёт:
Паштет из гуся, жареные куры –
Всю это снедь гарсон на стол кладёт.

А вслед за нею – пиво и фисташки,
И лёгкое прованское вино..
Приносит он десерт французский даже,
Какого не едали мы давно.

Далгат, газету свежую листая,
Беседует с Жераром и со мной
О том, что жизнь здесь всё-таки иная,
И далеко ещё нам до такой.

Охоч Жерар до этих разговоров,
Ведь он в России нашей побывал
И перестройку видел, о которой
С большим восторгом вдруг нам рассказал.

И, красное вино едва пригубив,
Он нам признался с детской прямотой,
Что как Париж Москву он нашу любит,
Которая становится другой.

Открытой и радушной, и богатой,
Какою прежде вовсе не была.
Он говорит, что все французы рады,
Как в гору там у нас идут дела.

Хотя порядка ещё слишком мало
На некоторых улицах её,
Но всё же жизнь в столице лучше стала
И, кажется, уже берёт своё.

– Даст Бог, и все реформы приживутся, –
Бубнил Жерар, задев в душе струну, –
И люди делом собственным займутся,
Не полагаясь только на страну.

Мы в знак согласия головой кивали,
Внимая речи сбивчивой его,
Хоть, честно, и не всё в ней понимали,
Но, впрочем, нам хватило и того.

А друг мой, от беседы веселея,
С улыбкою Жерару отвечал,
Что он о прошлом вовсе не жалеет
И деловую жизнь готов начать.

Что и в Дербенте перестройке рады,
Что истинному делу дан почин,
Недаром же успешные контракты
Во Франции он нынче заключил.

С горячностью поддерживая друга,
Я рассказал Жерару в свой черёд,
Что вышли мы из замкнутого круга
И жизнь теперь по-новому пойдёт.

И тут же задал я вопрос Жерару,
Который волновал меня всерьёз,
В России злободневен он не даром –
Национальный, стало быть, вопрос.

Нам честно на него Жерар ответил,
Да, впрочем, правды и не утаишь:
– Все нации, какие есть на свете,
Стремятся в ослепительный Париж.

Давно уже трещит столица мира
От грозного нашествия того...
Ведь даже представителя Памира
Найти здесь можно, пусть хоть одного.

Куда ни бросишь взор, везде арабы,
Индусы и китайцы – всех не счесть...
Пора и перекрыть поток тот, дабы
Во Франции французов не извести.

К тому же эмигранты, к сожаленью,
Ведут себя с годами всё наглее –
Пытаются поставить на колени
Они порою коренных людей.

Всё громче свои правила диктуют,
Закон французский не беря в расчёт –
И этим только ненависть слепую
Они внедряют в добрый наш народ.

Отсюда все несчастья и проблемы, –
В конце тирады заключил Жерар...
Чтоб больше не касаться этой темы,
Решил он махом выпустит весь пар.

А вот Далгат наш был с ним не согласен –
Он выдвинул теорию свою
О том, что как цветник Париж прекрасен,
И счастливы здесь люди, как в раю.

Что нация, воспевавшая свободу,
Должна свои объятья распахнуть
Для всех людей на свете и народов –
Всевышним ей такой указан путь.

И я, слова Далгата подтверждая,
Жерару о России рассказал:
Она для всех нас – родина большая,
Любой народ в ней маленький не мал.

И в то же время все мы самобытны:
У всех – свой собственный менталитет.
Хоть есть противоречья и обиды –
Сегодня, у кого их только нет.

Ну, а в моём родимом Дагестане
Давно дан нетерпимости заслон,
И каждый соблюдает неустанно
Там братства и содружества закон.

Далгат кивнул и рассмеялся тут же:
– Друзья мои, ведь здесь не партактив...
Пускай Жерар поведает нам лучше,
Не пьёт ли за рулем аперитив?

И эту шутку оценив, как нужно,
Жерар ответил, что давным-давно
Он за рулём не пьёт, хоть пива кружку
Здесь пропустить бы было не грешно.

А если о спиртном сказать серьёзно,
То с этим делом очень строго тут.
Попался пьяным – никакие слёзы
Тебя от наказания не спасут.

Лишишься прав, а, может, и работы,
Коль ты водитель-профессионал...
Кому же быть наказанным охота
За лишний пива иль вина бокал?

К тому ж рекомендацию такую
Тебе на фирме собственной дадут,
Что на работу где-нибудь другую
Тебя уже, как видно, не возьмут.

Париж, Арли и Авиньон с Марселем
Живут по этим правилам давно.
Работа предпочтительней веселья,
Ну, а вино – для отдыха оно.

– Известно всем, что Франция прекрасна, –
Сказал вдруг с чувством гордости Жерар. –
И к нам стремятся люди не напрасно,
Ведь этот край, как будто Божий дар.

И так же, как и в вашем Дагестане,
Что славится радушием людей,
Мы принимать вовеки не устанем
Таких, как вы, друзья мои, гостей.

Далгат и я тут рассмеялись даже.
Произнеся за братство громкий тост,
Ну, и за то, что не обескуражил
Жерара наш двусмысленный вопрос.

Прошли года, но часто вспоминаю
Я этот откровенный разговор...
У нас и впрямь жизнь началась другая,
Но ту я вспоминаю до сих пор.

Монмартр

Тот, кто однажды побывал в Париже,
Его не позабудет никогда...
Глаза закрою я – и вновь увижу
До боли мне знакомые места.

Высокий холм Монмартра над столицей
Дома свои, как крылья, распростёр...
И взвился в небо царственно птицей
Величественно-белый Сакрэ-Кёр.

Прекрасный храм, поэтами воспетый,
Над городом божественно парит...
И весь Монмартр – особая планета,
Где свой у каждой улочки есть ритм!

И кажется, здесь дышит всё богемой –
Мольберты, сцена, музыка, стихи...
Монмартр – неисчерпаемая тема,
Ему простятся все его грехи.

Меня к себе художник зазывает,
Чтоб наскоро мой написать портрет,
Но у меня сегодня цель иная –
Я на один вопрос ищу ответ...

И спрашиваю умницу Милису,
Которая всё знает – почему
Так на портретах всех печальны лица,
Что делается грустно самому?

И отвечает гид мне откровенно:
Монмарт, ведь это – мучеников холм,
И столько здесь невинно убиенных,
Что души их, как бы парят кругом.

И первого епископа Парижа,
Что обезглавлен был когда-то тут,
И коммунаров первых стоны слышат
Все те, что постоянно здесь живут.

И со времён Людовиков французских
Не могут жертвы обрести покой –
Скитаются по переулкам узким,
Как будто ищут горький жребий свой.

Здесь столько крови пролилось когда-то,
Что до сих пор не высохла она...
Но вспоминать об этом нам не надо,
Ведь на дворе другие времена!

Шумит Монмартр – убежище богемы –
И заывает нас в кафешантан...
И на мгновение кажется, что все мы
Готовы с ним отплясывать канкан.

Ах, Мулен Руж – фривольный и искристый!
Ты – будто бы шампанского глоток!..
Здесь даже наша строгая Милиса
Плясать готова, не жалея ног.

Недаром же осенние платаны
Ей рукоплещут огненной листвой,
И только мне сегодня, как ни странно,
Не справиться с загадочной тоской.

Я ухожу от шумного веселья
Туда, где храма своды высоки,
И слышу из глухого подземелья
Неведомых мне пленников шаги.

И вдруг, как будто бы из поднебесья,
С каких-то неразгаданных высот
Доносится божественная песня,
Как будто ангел мне её поёт.

Ах, Сакрэ-Кёр, собор мой белоснежный,
Благодарю тебя за этот миг
И голос тот, таинственный и нежный,
Что, может быть, улучшит этот мир.

Тот, кто однажды побывал в Париже,
Его не позабудет никогда...
Глаза закрою я – и снова вижу
До боли мне знакомые места.

В центре Ла Дефанс

Район Дефанс... Мне кажется, как будто
Я вижу сон прекрасный наяву –
Всё целесообразно здесь и мудро
И нравится не мне лишь одному.

Его зовут Манхэттенем Парижа –
Повсюду торжествует тут прогресс,
И прямо к солнцу яркому, всё выше
Карабкается небоскребов лес.

Прощай навек, Париж патриархальный,
Здесь торжествует Корбюзье теперь –
Его архитектура не банальна,
Она – как будто в будущее дверь!

Не отрицая старых норм и правил,
Центр Ла Дефанс – как будто авангард,
Что гений человеческий направил –
Летит вперёд, не ведая преград.

Всей мировой науки достиженья
Как будто бы использованы здесь –
Свободной мысли смелое паренье
И точность педантическая есть.

Нью-Йорк на Сене... Статуя Свободы...
Модерн архитектуры городской
Средневековья каменные своды
Раздвинул чудодейственной рукой.

И, как по мановению факира,
Что приоткрыл завесу прошлых лет,
Центр достижений всей науки мира
Расположился в Парке ла Вильетт.

Этот музей теперь известен всюду –
Он мысли человеческой триумф,
Что подтверждает, на какое чудо
Способен гомосапиенса ум.

В стеклянных залах, чистых и просторных
Хранятся достижения всех веков,
Как памятники мысли непокорной,
Не признающей догм и оков.

И интересней всех веков прошедших
Конечно же, двадцатый, золотой –
Век преобразований сумасшедших,
Вращающий быстрее шар земной.

В просторном зале собраны умело
Все достижения главные его –
Как результат полёта мысли смелой,
Не упустившей в мире ничего.

Компьютеры и лазеры повсюду,
Ракеты, луноходы, катера...
Здесь может явью стать любое чудо,
В реальность превратится здесь игра.

И станет недоступное доступным,
Когда слегка потрогаешь рукой
Какой-нибудь слетавший в космос спутник,
Нашедший здесь заслуженный покой.

Техническую мысль во всеоружии
Представил зрителям двадцатый век,
И кажется – ему уже не нужен,
Создавший это чудо человек.

Недаром Робот всех высокомерный,
Как бог прогресса, привлекает взор,
Хотя немного действует на нервы
Его однообразный разговор.

Нет мысли человеческой предела –
Она над миром птицею парит
Для доброго, а не для злого дела,
И ускоряет жизни нашей ритм.

В пробирке жизнь зачать уже так просто,
Что и не интересно никому...
Поэзию вновь вытеснила проза,
Отдав простор не сердцу, а уму.

Мясные туши, рыбные развалы,
И горы овощей до потолка,
И запахи индийского сандала,
И фруктов экзотических река.

И пряности Востока, и всё то, что
Летает в небесах или растёт...
Парижский рынок описать несложно –
Его без карты каждый тут найдёт.

И хоть на месте прежнего базара
Теперь гигантский центр торговли здесь...
Но мы сюда отправились не даром –
Всё, что угодно, в этом месте есть!

В осенний день, что отдаёт прохладой,
Здесь жарче, чем на пляже в летний зной –
И апельсинов яркие громады
Нас завлекают сочной красотой.

Бананов и лимонов пирамиды
К себе усталых путников зовут...
Ле Аль, ты – продуктовая коррида,
Хоть побеждённых не бывает тут.

Все лакомства, что только есть на свете,
Все пряности, все в мире чудеса
На рыночных прилавках можно встретить –
От них здесь разбегаются глаза!

И радуга, как будто хвост павлина,
Сюда прогнулась трепетным мостом
И засияла лампой Аладдина,
Как будто здесь не Запад, а Восток.

Повсюду речь арабская витает,
В турецкую впадая, как река...
Мне кажется на миг, что понимаю
Я, как родной, два этих языка.

И в многоцветье языка чужого,
Как будто рыба я в речной воде...
Форум де Аль, тобой я околдован:
Ты – словно мост к несбыточной мечте!

Ты – островок исламского Парижа,
Где воздух пахнет тмином и айвой...
Шехеразады сказки я здесь слышу
И чувствую в душе своей покой.

Ты – образец согласия и мира,
Где сотни наций радостно живут,
И чудеса восточного факира
Давно уж стали будничными тут.

Ах, как немного человеку надо
Для маленького праздника души!..
Форум де Аль, для смертных ты – награда,
Здесь никогда не замирает жизнь.

Ведь тут все неурядицы земные
И распри мы готовы позабыть..
Посланник Дагестана и России,
Я всех хочу в объятья заключить.

И трёх своих знакомых из Стамбула,
Сирийцев двух и перса одного..
Я счастлив среди рыночного бума
И дагестанца встретить своего.

Давно они живут уже в Париже
И трудятся на рынке круглый год –
Ле Аль для них надёжною стал крышей
И неплохой приносит им доход.

Но и они работают исправно:
Жильё купили, семьи завели.
Все нации в Париже равноправны –
Нет в мире толерантнее земли.

Центральный рынок, классиком воспетый,
Ты – будто бы поднос из серебра,
И шумные торговцы – как поэты,
Поэму жизни пишут здесь с утра.

Мне кажется, внимает ей полмира
И среди прочих я внимаю ей –
Дарю знакомцам новым сувениры
И новых завожу себе друзей.

О, этот мир огромный, многогранный!
Постигну ли тебя я до конца?..
То ноешь ты в душе моей, как рана,
То ободряешь, как совет отца.

Поэты бескорыстны в жизни этой,
Для них бесценна только та строка,
Что жизненным дыханием согрета
И жаждой жить не годы, а века.

Фонтенбло

Поместье Фонтенбло здесь каждый знает –
Мальчишка желторотый и старик...
Над ним сама история витает,
И слышен егерей французских крик.

Старинный замок, гордый и прекрасный,
Охотничье поместье королей,
Ты видел столько ситуаций разных –
Интриг коварных, каверзных затей.

Опять под историческою сенью
Добро противоборствует со злом,
Но мирно королевские олени
Пасутся в тёмных чащах Фонтенбло.

Когда-то лишь охотников сторожка
Под древним дубом обитала тут,
И трепетную лань лесная кошка
Могла настичь за несколько минут.

И дикий вепрь мог встретиться с медведем,
И пламенем мелькнуть в кустах лиса...
И утки, как сварливые соседи,
От выстрелов взлетали в небеса.

И свита королевская летела
За стаею волков во весь опор...
...И вдруг, как будто в сказке, замок белый
Здесь появился с некоторых пор.

Франциск, король французов знаменитый,
В той чаще возвести его велел,
Где он частенько со своею свитой
Охотился, устав от важных дел.

Но был не только воином правитель,
Поддерживать искусство был он рад –
Художников великих покровитель
И самого да Винчи меценат.

И Ренессанса славная эпоха
При нём, как сад весенний, расцвела.
До самого последнего он вздоха
Творил в поместье добрые дела.

Генрих Второй потом дворец достроил,
Являя трудолюбия пример –

Большие королевские покои
Украсил превосходный интерьер.

И балльный зал с камином уникальным,
И тихая часовня, где всегда
Господствовал покой исповедальный
И дни тянулись долго, как года.

И галерея славного Франциска,
Где гениальных фресок дивный ряд
Изысканностью радует туристов,
Надолго завораживая взгляд.

И Тронный зал, и строгий зал Совета,
И королевский шёлковый альков,
Где короли в восторженных поэтов
Преображались страстно и легко.

Здесь Пётр Великий в царственной беседке
С Людовиком Четырнадцатым был,
И после занимательной беседы
Петродворец построить он решил.

Недаром царь, объехавший полмира,
Художников во Франции искал –
Недалеко от северной Пальмиры
Он чудо рукотворное создал.

Ах, Фонтенбло, ты помнишь очень многих
И тайны их хранишь во тьме ночной,
Как их хранил когда-то очень строго
Понтифик римский, папа Пий Седьмой.

Людовики, и Генрихи, и Карлы –
Не сосчитать всех царственных имён...
И здесь поставил жизнь свою на карту
Когда-то Бонапарт Наполеон.

Здесь, в Фонтенбло, любил он оставаться
С возлюбленной своей наедине.
Сюда пришла с ним Франция прощаться,
Когда он проиграл её в войне.

Отсюда в своё первое изгнание
Французский император уходил,
И сердце его в горький миг прощанья
Окаменело в царственной груди.

Упал с коня истории позорно
Тот, кто мечтал всем миром овладеть,
Чтоб напоследок колкости придворных
И их насмешки грубые терпеть.

А нынче в замке Фонтенбло хранятся
Реликвии, что украшают зал,
С которыми забыл он попрощаться,
Когда на остров Эльбу уезжал.

О, Фонтенбло, ты лес или поместье,
Иль белый замок гордых королей?..
Нет в этом мире интересней места –
Здесь даже лес – один большой музей.

История всей Франции хранится
В просторных залах, в тихих уголках,
Которые, как книжные страницы,
Расскажут нам о сумрачных веках.

Прошли года, но часто вспоминаю
Я этот откровенный разговор..
У нас и впрямь жизнь началась другая,
Но ту я вспоминаю до сих пор.

Эпилог

Есть в мире у всего своё начало
И свой конец есть тоже у всего.
Пора уже к родимому причалу
Направиться, ведь лучше нет его.

Душа моя давно обогатилась
Мечтами и надеждами уже,
И потихоньку с Францией простилась,
Которая останется в душе.

Сто разных чувств и сто различных мыслей
Я испытал, почувствовал, сберёг
И понял – ничего прекрасней жизни
Не создал на планете этой Бог.

А жизнь везде чудесна и желанна –
В Париже так же, как в Махачкале..
И вот уже в столицу Дагестана
Летит наш «Ту» с звездой на крыле.

Пускай страна далёкая прекрасна
И манит многих, словно райский сад,
Но все соблазны Франции напрасны,
Я не вернусь, мой друг, уже назад.

Ведь мне гораздо ближе и дороже
Московские золотые купола...
И сердце так сжимается от дрожи
При возгласе: – Смотри, Махачкала!

И кажется, что всё мне это снится,
А может, впрямь я вижу под крылом
Махачкалу – любимую столицу,
Где родились мы, трудимся, живём.

Пусть не Париж наш город благодатный,
Ни Лувра в нём и ни Монмартра нет...
Но лишь ему душа и благодарна,
Что появилась здесь на белый свет.

Шасси коснулись серого бетона,
Закончился стремительный полёт.
Припал к иллюминаторам влюблённо
Уставший, но восторженный народ.

Земля родная – жёлтая равнина –
Как будто бы марсельская земля.
Здесь море голубей аквамарины –
И возглас по-кумыкски: – О, Алла!

Вот мы с женой легко сбежали с трапа
Навстречу нашим дочкам и друзьям.
Осенний дождь меланхолично капал,
Но не мешал обняться с ними нам.

И вдруг звонок... Далгат из самолёта,
Летящего в Китай, мне позвонил...
Делам навстречу новым и заботам,
Неугомонный, он уже спешил.

Я мягкой пожелал ему посадки,
А сам подумал, счастья не тая:
Как хорошо, как боязно, как сладко
Вернуться вновь в отцовские края.

* *Койсу* – река в Дагестане

** *Нарт* – мифологическое чудовище у народов Кавказа

*** Джалалутдин Коркмасов – выдающийся дагестанский революционер, государственный и общественный деятель, кумык по национальности. Репрессирован.

**** Уллубий Буйнакский – выдающийся дагестанский революционер, кумык по национальности. Расстрелян белогвардейцами.

Переделкино–Париж–Махачкала

1987-1990 гг.

Перевод с кумыкского

Марины АХМЕДОВОЙ-КОЛЮБАКИНОЙ

Чукотка. Кто тут живёт?

Поездка на Чукотку планировалась мною и моими подругами почти за год, за это время мы не только деньги копили – а это удовольствие достаточно дорогое, но и много читали, обсуждали прочитанное. Видео и кино смотрели, и говорили об увиденном. Книги, фильмы, интернет – всё было нам в помощь, информации об этом регионе достаточно.

Про фильм «Начальник Чукотки» и говорить нечего, это шедевр. Но не как источник информации, а как пример блистательного мастерства кинематографистов. «Территорию» Олега Куваева я прочитала на одном дыхании, фильм, правда, меня не очень воодушевил, это – виды, пространства, и как-то по касательной – жизнь в этом регионе. Точнее, жизни местного населения нет, а есть работа геологов. А это совсем другое. Анимационный фильм «Книга моря» прекрасно дополняет доступные издания «Сказок Чукотки». Забегая вперёд, скажу, что просмотр фильма до поездки был самым обычным, без особых настроений. А вот когда я вернулась с Чукотки, то поняла, сколько в нём мудрости.

Марина Анатольевна Замотина – член Союза писателей России, литератор, журналист, редактор. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Москве.

Документальные фильмы о Чукотке у меня особых воспоминаний не оставили. Самолюбование собой на рыбалке – вот я, а вот пойманная мною рыба, толстая и необыкновенная! А вокруг природа фантастическая и красоты невероятные. Всё в традициях жанра. Не буду говорить о фильмах и книгах про мореходов и научных экспедициях. Их много, и очень достойных.

Сейчас разговор о людях и их жизни на этом краю света.

Анонс к нашему туру: «Чукотка – это не только суровая природа и крайний север, но и территория с уникальной культурой, которая формировалась веками в условиях полной изоляции и экстремального климата. Здесь живут народы, сохранившие уклад жизни, обычаи и мировоззрение, которым тысячи лет».

Наша поездка – это посёлок Угольные копи (3 дня, включая дни прилёта и отлёта), столица региона Анадырь (5 дней), посёлок Лаврентия (пролётом и проездом) и посёлок Лорино (5 дней).

Если посмотреть карту, то вопросов по географии не возникнет. Всё – край света, потому как все вышеперечисленные поселения расположены по берегу Берингова пролива. Смотришь на воду и понимаешь, что вся наша страна за твоей спиной. Как и вся Азия. А впереди океан и небо. Ну а где-то за ними – всё остальное.

Из анонса тура.

«Чукотка – край, где культура не просто сохраняется, а живёт в суровой, но одухотворённой повседневности. Коренные народы региона – чукчи, эскимосы, эвены и другие – веками приспосабливались к арктическому климату, создавая уникальный уклад жизни, основанный на уважении к природе, циклам времени и взаимопомощи внутри общин. Их быт, обряды, традиции и ремёсла – это не архаика, а основа идентичности, которая и сегодня играет ключевую роль в жизни северных посёлков. Понять Чукотку по-настоящему невозможно без знакомства с её коренным населением и образом жизни, уходящим корнями в глубокую древность».

Специально привожу цитаты, потому как об этом крае обычно пишут пафосно и нарядно. А ещё строго запрещают снимать сцены раздела туш китов и будни пьяных жителей. Обо всём этом ниже.

Не буду ничего утверждать категорически и говорить, например, что Чукотка – один из немногих регионов России, где традиционный уклад жизни коренных народов сохраняется и по сей день. То, что образ жизни местных жителей адаптирован к суровому арктическому климату, это без сомнений. Ну а всё остальное – из личных впечатлений. Это – про «уникальные культурные и хозяйственные системы».

Начну с информации из энциклопедии. Общие сведения.

Основные коренные народы Чукотки – чукчи, эскимосы (юпики), эвены, а также в небольшом количестве чуванцы и коряки.

Чукчи – самый многочисленный коренной народ Чукотки. Они делятся на два традиционных типа: оленеводов-тундровиков, ведущих кочевой образ жизни, и морских охотников-береговиков, живущих у побережья и занимающихся добычей морских животных. Их культура включает богатую мифологию, традиционную одежду из оленьих шкур, чумы, ритуальные песни и танцы.

Эскимосы (юпики) – коренной народ прибрежной Чукотки, чья культура тесно связана с морем. Они живут в таких поселениях, как Уэлен, Лорино, Сиреники. Основу их традиционного уклада составляет охота на моржа,

тюленя и кита. Эскимосская культура известна своим искусством: резьбой по кости, барабанными танцами, мастерством в изготовлении байдар и сохранением древнего языка.

Эвены – народ, традиционно связанный с оленеводством. Они проживают в основном во внутренних районах Чукотки и ведут полукочевой образ жизни. Эвены славятся своими знаниями о природе, маршрутами перекочёвок, умением обращаться с оленями и духовными практиками, включающими элементы шаманизма.

Чуванцы – малочисленная этническая группа, сформировавшаяся в результате смешения русских старожилов, юкагиров и других народов.

Чуванцы традиционно занимаются охотой, рыболовством и оленеводством, а их культура вобрала элементы как православия, так и шаманизма.

Коряки, в основном проживающие в Камчатском крае, также встречаются на юге Чукотки, особенно в районах, граничащих с Корякским округом. Их образ жизни близок к чукотскому: оленеводство, охота, богатая устная традиция.

Мы за время нашего путешествия общались в основном с чукчами и эскимосами. Но когда мы спрашивали: «А вы чьих будете?» Редко, кто отвечал, что он чукча, эскимос или эвен. Чаще рассказывали, что в роду отца русские и коряки, а мама из эскимосов. Очень разные приводились варианты. В общем, большая часть населения даже не полукровки, а многокровки.

В посёлке «Угольные копи» кто только не проживает. Здесь много людей самых разных национальностей, приехавших когда-то работать на шахты. Кто-то остался и живёт теперь в посёлке. Кто-то приехал работать не на шахту, а в разных других отраслях – работа есть. Нас в первые дни возил водитель из Северной Осетии – Алании, много и

интересно рассказывавший, как он приехал в этот регион по приглашению брата. А дальше – семья. Друзья, много работы. Вопрос о досуге тоже нас интересовал. У него рыбалка! Рассказ этого человека достоин отдельного изложения – это энциклопедия северной эхтиологии.

Нам повезло и в том, что по Гудыму нас водил отставной офицер, который остался жить в этом регионе после вывода отсюда военных частей. Доступные знания мы успели почерпнуть из открытых источников, а вот личные впечатления – статья особая. Военных в этом регионе было много. Это истории СССР – описана и показана в интернете с многочисленными фотографиями.

Про столицу Анадырь – будет отдельный рассказ. А мы переместимся в глубинку глубинную.

Из анонса программы. *«Все эти народы внесли свой вклад в культурное наследие Чукотки, и, несмотря на современные вызовы, они продолжают передавать знания и традиции новым поколениям. Их жизнь – это пример устойчивости, адаптации и уважения к природе, которая на Севере диктует свои правила».*

Как подумаешь, что местные народы внесли свой вклад в наследие, сразу представляешь, что они с песнями и танцами по берегу хороводы водят.

А «несмотря на современные вызовы передают знания и традиции новым поколениям»?

Итак, перелёт в поселок Лаврентия – это два часа от Анадыря на север. Всё по погоде, которая непредсказуема даже для современных метеорологов. Но мы вылетели всего лишь с небольшой задержкой. Пока часа полтора толклись в аэропорту – а он в Анадыре (точнее в Угольных копиях, но это рядом) современный, удобный – фотографировались у чучела огромного медведя и изучали сувениры. То есть присматривались и приценивались.

Цены на всё какие-то невероятные. И не скажу, что предлагался богатый выбор поделок. Когда объявили посадку, все потянули свои тюки и чемоданы к стойкам регистрации. Мы летели на АН-24. Самолет малюсенький, все места заняты. Местных большинство, нас, туристов, совсем немного.

Аэропорт в посёлке Лаврентия больше напоминал садовый домик СНТ активного огородника с минимальным достатком. Мы в здание вообще не заходили. Пovýпрыгивали по своему трапу-лестенке на бетон, прошли в сопровождении пограничников и людей в штатском к забору, по пути у нас забрали паспорта.

К забору приехала сетка с нашими чемоданами, сотрудники их вынули, а мы растащили – каждый свой. Пограничник вернул нам паспорта, провёл инструктаж, я, правда, его прослушала, потому как не могла оторвать взгляда от захода на посадку вертолѐта. Он казался какой-то фантастической птицей с отражавшимися лучами солнца на фоне яркого голубого неба. Пока я глазела в небо, вертолѐт приземлился и поднял невероятных размеров облако пыли. Вопрос, откуда на взлѐтном поле столько пыли, я задать не рискнула. Иначе пылью я бы не только покрылась, но и наполнилась.

Но на все вопросы нам пограничники ответили. Внимательные они были и любезные. На основной вопрос «Где удобства», был ответ «В администрации». Кстати, нас не просто пустили в это здание, а, как говорится, приняли там (в здании администрации) как родных. То есть первое впечатление от «Глубинки глубинной» – доброжелательность. Удобства в здании местного аэропорта тоже есть, но для тех, кто вылетает. А прилетевшие граждане этой проблемой, видимо, не озадачиваются, а быстренько разбегаются по своим адресам.

Транспорт нас забрал, мягко говоря, не шикарный. Зато водитель,

красивый молодой человек смешанных кровей, искренне порадовал. На просьбу остановить нас в поле в прямом смысле слова отреагировал приветливо. Из машины выпустил, вышел с нами, объяснил, как ходить по кочкам, а не завалиться в мокрую траву с первого шага. Морошки на поле мы обнаружили очень много. Но она не вся созрела. И это он нам тоже объяснил. Не надо, дескать, рвать красивую красную, а надо собирать жёлтую. Мы оживились и унеслись «по ягоды». Ещё повсюду увидели много шикши – это кустики с крошечными чёрными ягодками, и голубики. Ягодки у нее чуть побольше, и они голубые. Но морошки – море. Много грибов. Я удивилась. Думала, что грибы растут только в

лесу под деревьями. Откуда, спрашивается, в поле подберёзовики? Подруга-биолог не просто рассказала, но и показала местные арктические берёзки – они, по-моему, размером как зелень брусники. И над этой зеленью стоят грибы. Я с умным видом назвала их «надберёзовики».

Водитель ходил с нами и рассказывал о том, как и когда они собирают грибы и ягоды. Ягоды собирают активно, но в основном морошку. Варят варенье и делают её в сиропе. Есть какие-то не сладкие рецепты.

Из анонса: *«Быт коренных народов Чукотки формировался в условиях сурового климата, полярных ночей, вечной мерзлоты и сильных ветров. Именно поэтому все элементы их повседневной жизни – от формы жилища до рациона – направлены на выживание, тепло и мобильность. Этот уклад веками оттачивался и передавался из поколения в поколение, сохранив при этом глубокую связь с природой».*

Жилища на Севере традиционно различались в зависимости от образа жизни. У оленеводов были чумы – конические переносные сооружения, обтянутые шкурами, легко собирающиеся и разбирающиеся при перекочёвках. Чумы есть и сейчас, это удобно. Наверное, оленеводы и сейчас собирают свои чумы и разбирают их при необходимости, но в этой поездке около нас не наблюдалось кочевых оленеводов. Мы же на побережье прилетели!

Пишут, что у *«прибрежных жителей строились полужемлянки или ямные дома – углублённые в землю постройки с деревянным каркасом, покрытые дерном и шкурами для лучшей теплоизоляции. Внутри жилища обычно находился открытый очаг, подвесные нары и зона для хранения пищи».*

А вот этого точно нет. В посёлках дома современные. Невысокие, в два этажа. Есть дома новые – с удобными большими квартирами. В Лорино население полторы тысячи человек. Несколько улиц, дом с муралом – приятным моржом на торце, и магазин с некими картинками по стенке. На Чукотке их любят. Дома яркие, в этом посёлке в основном бело-жёлтые и розовые. Мы жили в квартире, большой двушке с огромной кухней и всеми

удобствами. Время – начало августа, самое тёплое время года в этом регионе, а отопление работало. Топят привозным углём, котельных две. Дороги – грунтовка. И по посёлку, и за его пределами.

Главные достопримечательности Лорино – школа, очень красивая и большая, детский сад такой же. И много детей – разновозрастных. Дети гуляют сами по себе, даже маленькие. Конечно, за ними вроде как кто-то присматривает, часто почти ровесники. Семьдесят процентов семей многодетные. Детишки самостоятельные, в основном не капризные. Упал, всхлипнул пару раз, встал и пошёл. Все здороваются: и дети, и взрослые.

Что едят: *«Одежда изготавливалась исключительно из природных материалов: шкур оленя, моржа, тюленя, соболя и песца. Основной зимний комплект – это двойная парка (камлейка), шапка, варежки и унты, сшитые мехом внутрь. Особое внимание уделялось многослойности и плотности кроя, чтобы не допустить потери тепла. Каждый народ имел свой орнамент и технику пошива, по которым можно было определить происхождение и статус владельца».*

Цитата годится для рассказа о жизни на Чукотке лет эдак сто назад. Сейчас дети ходят в современных ярких комбинезонах, молодёжь в спортивных костюмах и кроссовках. Вся одежда удобная и тёплая. Это точно. Меховая одежда во время длинной зимы, конечно, используется. Унты и варежки – непременно. Наверное, и шапки. Летом местные жители не всегда, но случается, что и одеваются в яркие камлейки – цветастые наряды. Может, им это удобно, но чаще для туристов.

В жизни им сейчас чаще всего не нужно. Народ тут, конечно же, приспособлен к непростым условиям жизни. Но ведь есть удобная, лёгкая современная одежда. Её они и носят.

А вот с питанием от традиций на Чукотке совсем не ушли.

«Питание полностью зависело от природных ресурсов. Основу рациона составляли мясо северного оленя, тюленя, моржа, рыба, жир, морские

водоросли, ягоды и корни. Широко использовалась сырая пища – строганина, замороженное мясо и рыба, сушёная или копчёная продукция. Кулинария была простой, но функциональной: сохранялись витамины, жиры и калории, необходимые в условиях холода и физической нагрузки».

Нам готовила местная повариха. Как? Обалденно, словами современной молодёжи. Конечно, блюда местной кухни в нашем меню присутствовали. Рыба. Её ловят и с берега, и с лодок. На удочки и сетями. Чаще всего для нас был – голец, какая-то красная рыба, и корюшка, но местная – крупная. Жарят, варят, солят.

Лорино – столица китобоев. Да-да. Когда я об этом читала, то мне казалось, сие занятие чуть ли чем-то первобытным. Но китобойный промысел действительно присутствует в местной современной жизни как одно из основных занятий. Что в этом ужасного? В других регионах скотину разную забивают. Разделявают, едят. Здесь – китов!

Китов мы видели очень много – и только фонтанчики, и спины, и даже один хвост. Абы кто на китов охотиться права не имеет, для местных сделано исключение. Им выдаются квоты. На общины. Мы посмотрели только часть этого мероприятия. На лодке охотников мы шли (плыли), гарпуны у них лежат по борту. Важно успеть среагировать на фонтан и попасть киту в нужное место. На охоту выходят минимум на четырёх лодках. Как потом волокут кита к берегу, я могу только догадываться. Я лично решила на это не смотреть. А часть нашей группы поприсутствовала при этом действе. И даже при разделке. Всё, с их слов, очень организовано. Приспособления простые – вот что веками совершенствовалось. Участвуют в этом почти все жители мужского пола, мальчишки-подростки особенно деятельны.

К слову, подростки тут не манерные, а ловкие, хваткие, рядом с родителями производят впечатление надёжных помощников. Возраст главных помощников определить сложно, по-моему, лет с десяти мальчишки уже помощники. Вопросов не задают – сказал отец: «Подержи лодку», держит. Говорит: «Помоги женщине», без тени недовольства на лице подходит и помогает. Маленькие мальчишки тоже рядом с отцами – тоже что-то делают.

Точно, что *«уклад жизни строился вокруг сезонных циклов: перекочёвки, охотничьи периоды, праздники, обряды. Каждое занятие было распределено по полу и возрасту: мужчины охотились и строили, женщины шили, готовили и воспитывали детей. Большую роль играла община – коллективизм, взаимовыручка, уважение к старшим и традициям. Устная передача знаний, песни, легенды и танцы были неотъемлемой частью повседневности»*.

В Лорино есть клуб, он же культурный центр. Мы попали на праздник села, но ничего изысканно фольклорного не видели. Награждали грамотами местных активистов, кормили угощениями – много, сытно – сначала радовали детишек, потом взрослых. Концерт был под современную музыку – старательно исполненные композиции.

«Даже в условиях современности многие элементы традиционного быта сохраняются – как в стойбищах, так и в посёлках. Это не просто бытовой уклад, а целостная система жизни, в которой человек и природа существуют в тонком и устойчивом балансе».

Кое-что, конечно, есть. В Лорино работает пошивочная мастерская. Семейное предприятие с милейшими хозяевами, по национальности эскимосами. Выбора изделий особого у них не было, но какие-то сувениры мы

купили. Важно, что работающие там барышни нам показали и рассказали не только, что они создают, но и как это делают. Хозяин много лет руководил (или он участвовал в этом коллективе) ансамблем «Лоринские зори». Его рассказ нам о многом поведал. И... Он – выходец из семьи эскимосов, которые когда-то проживали в посёлке Наукан – на мысе Дежнёва, то есть практически на утёсе в океане. Как они жили? Об этом он и рассказывал.

Сейчас жизнь в посёлке нам показалась в первую очередь дружной. Пьяных, вопреки разговорам, мы видели мало. Одна тётка лезла за закуской в фойе клуба во время праздника. Да, она была сильно пьяная. Но, кстати, лицом она не из местных народов. Ещё парочка алкашей бродила мимо дома. У нас в Москве я бы их не разглядела из-за зарослей. В центральной России брошенные дома зарастают сиренью, крапивой или чем-либо ещё. И их не видно. А в арктической пустыне – всё иначе.

Но не скажу, что в глаза бросается пьянство местного населения. Наоборот. Мне показалось, что по сравнению с некоторыми другими городами – любителей зелёного змия тут немного. Есть, конечно. Но как везде.

А вот кого много – собак. Ездовых. Некоторых ездовых летом ставят в упряжку, и они возят квадроциклы. Но исключительно для тренировки, чтобы дело своё не забывали. И много собак, как чипированных, так и хозяйских – везде и всюду. На цепи сидели две. Остальные бегают, кому – где вздумается. И виляют хвостами. Не лают, не нападают. Весёлые и приветливые. Из нашего подъезда днём вывозили на прогулку инвалида детства – молодого человека лет двадцати. Около него тут же устраивался Чижики, лохматый метис. К нам он был снисходителен, несмотря на то, что мы его подкармливали, а парня обожал. Молодой человек, хотя и говорил с проблемами, но оказался интересным собеседником. Особенно по части жизни братьев наших меньших в здешних условиях. У него есть и Чижики,

живущий на улице. И в квартире обретается другое зверьё – у него кот и щенок, с которыми он меня даже познакомил.

Мясо кита не продают. А раздают бесплатно. Собакам тоже перепадает, хотя после разделки на берегу так или иначе что-то остаётся. Это ж не хирургическое отделение больницы. Что-то да отрывается и валяется на песке. Разделку кита мы наблюдали, когда возвращались к аэропорту в посёлке Лаврентия. Как ни старалась я избежать этого зрелища, но не удалось. Ничего в принципе страшного. Туша кита похожа на огромную гору, никак не связанную с кем-то живым. От этой горы отрезают части и моют в воде. Потом складывают в пакеты и уносят.

У кита всё идет в дело, шкуру срезают с салом, которое и коптят, и солят. У меня оно «не пошло». Есть его я не смогла. И мясо тоже. Я не переношу рыбного запаха, и вкус некоторой рыбы мне тоже чужд. А друзьям моим всё китовое понравилось.

«У коренных народов Чукотки шаманизм долгое время оставался основой мировоззрения, пронизывая все стороны жизни – от охоты до воспитания детей. Это не просто религиозная система, а способ объяснять мир, выстраивать отношения с природой, предками и духами. Шаман воспринимался как посредник между людьми и невидимым миром, хранитель знаний, целитель и духовный защитник общины».

Об этом мы только слышали, но шаманов не видели. О вере местного населения я узнала из сказок и мультипликации. Чукчи, эскимосы, эвены и другие народы верили, что всё живое и неживое – животные, реки, камни, огонь – имеет душу и силу. Особое внимание уделялось духам природы, хранителям мест, а также духам предков, которых почитали и просили о помощи.

«Считалось, что болезнь, неудача или охотничья неудача – результат нарушения баланса с духами. Шаман в таких случаях проводил обряды очищения, изгнания злых сил, сопровождения души умерших. Обряды

сопровождались пением, танцами, использованием бубна – символа Вселенной, а также специальными костюмами и масками. Шаман входил в транс, чтобы общаться с духами, видеть будущее или находить пропавших людей. Эти практики передавались по наследству, но считалось, что стать шаманом можно только по “призванию”, после тяжёлой болезни, видения или особых снов».

В Лорино я Храма не видела, в посёлке Лаврентия Храм есть, а в Анадыре – и не один.

Мифология коренных народов Чукотки богата образами духов-хозяев тундры, моря, подземного и верхнего мира. Часто в сказках фигурируют животные как равные партнеры или даже учителя человека: ворон как культурный герой, медведь как символ силы, кит как связующее звено между мирами. У каждого народа – свои истории, но все они отражают уважение к природе и тонкую грань между материальным и нематериальным. Юноша-тюлень, Чайка, Куличок и Ворон – герои сказок, которые мы читали вслух.

Элементы шаманизма живы: в обрядах, в языке, в представлениях о жизни и смерти. Многие обычаи, даже адаптированные к современности, по-прежнему несут в себе духовное содержание, сохраняя память о мире, в котором человек жил не отдельно от природы, а внутри неё.

«Ремёсла у коренных народов Чукотки – это не просто прикладное искусство, а способ выживания, передачи знаний и отражения мифологического взгляда на мир. Каждый предмет здесь – функционален и в то же время наполнен глубоким смыслом. Традиционные ремёсла развивались в тесной связи с природными ресурсами, кочевым образом жизни и духовной культурой. Особенно выделяются три направления: косторезное искусство, шитьё и изготовление предметов быта».

Косторезное искусство – это визитная карточка тех народов, где кости много. У прибрежных жителей Чукотки, особенно у эскимосов, это искусство развито, и оно прекрасно. Мастера режут по моржовой кости, клыкам, рогу оленя и даже (очень редко) по китовой кости. Делают различные украшения, вырезают сложные миниатюрные сцены. Работы могут быть как плоскими рельефами, так и трёхмерными скульптурами. Мастера используют простые инструменты, но добиваются поразительной детализации.

Мастерская в Лорино – скромное помещение, где на момент нашего визита работали два человека, мастер и ученик. Из готовых предметов почти ничего уже не осталось – эти сувениры пользуются спросом, хотя и дороги. Зато сколько заготовок!

Я всё-таки купила самое главное, что можно было купить только на Чукотке. Конкретно в Лорино – огромный резной «орган» моржа, красоты и цены немыслимой. В художественном салоне в Анадыре – резьбу на позвонке кита. Позвонки размером со сковороду, резьба мне очень понравилась, но она не тонкая, скорее условно обозначена. По китовой кости почти нет резных изделий. А вот в музее мы купили небольшие картины – роспись по китовому усу. Он спрессован и покрыт чудесным изображением! Здесь же, в музее, купили украшения – кольца, серьги. Браслет мне не достался, он был один и небольшой по размеру. Браслеты я купила в аэропорту. Кожаные. Что ж! Пусть не из кости, но всё-таки порадовала себя!

Шитьё – это важное умение для женщины в первую очередь всегда и везде, а в условиях Севера особенно. Девочек с детства обучаются

искусству шитья одежды из оленьих, тюленьих и песцовых шкур. Умение сделать прочную, тёплую и водонепроницаемую одежду – вопрос выживания в арктическом климате. В пошивочной мастерской нам показали, как женщины работали. Раньше зубами обгрызали заготовки для обуви, размягчая кожу. Мужчины на поясе носили нож и иголки в специальной, очень удобной упаковке. Всё, конечно же, делалось из природных материалов.

Камлейки, парки, унты, варежки и головные уборы изготавливались вручную с учётом анатомии и движения. И обязательно украшались – мехом, бисером и вышивкой. Каждый элемент несёт как практическую, так и символическую функ-

цию: орнаменты могут отражать принадлежность к роду, статус или защитные обереги. Но всё-таки сегодня это не повседневная необходимость, а фольклорные предметы, за редким исключением используемые в жизни.

Я купила панно, круглую кожаную картинку – аппликацию моржа. Хороша невероятно. И два чукотских мячика, это символ Чукотки. Почему два? Не смогла выбрать один. Мне оба очень понравились.

Предметы быта, они же утварь, важны для жизни. Из дерева, кости, камня и кожи раньше делали всё: миски, ложки, ножны, чехлы для ножей, нити, тазы и сосуды для хранения пищи и воды. Использовались даже жилы животных для шитья или в качестве прочных веревок. Все предметы создавались с расчётом на лёгкость, прочность и удобство в условиях кочевого или прибрежного образа жизни.

В Лорино местными энтузиастами создана специальная яранга, где можно со всеми этими умениями ознакомиться. Преклоняюсь перед этой семьёй, они вложили немало сил и души в своё детище. Несмотря на современный мир, люди стараются хранить свою культуру, ремёсла, обряды и язык.

Нам представили несколько музыкальных номеров. Просто всё – что вижу, то и пою. Но как? Горловое пение в здешней традиции специфическое. У исполнителя слышны голоса птиц, некоторое похрипывание. Как будто заворачивает.

Танцы не очень активные, потому как собирались в ярангах, а там не разгуляешься. И то же – что вижу, то и танцую. Оказалось, что это симпатично и элегантно.

И очень хорошо, что к этому активно привлекают детей.

Так что о быте, традициях и образе жизни береговых чукчей мы узнали много больше, чем о чукчах тундровых. Мы и жили в поселениях чукчей береговых, и яранга, где представлены этнографические предметы, тоже относится к этому населению. Конечно же, образ их жизни сильно отличается. Одних кормит море, других тундра.

Про чукчей тундровых тоже расскажу, но это в основном информация от гидов. И немного из рассказов местного населения. О быте чукчей сегодня известно достаточно, благодаря выдающимся этнографам. Например, Варвара Кузнецова, была первой женщиной, испытывавшей условия быта чукчей на себе.

Варвара Кузнецова родилась в 1912 году в Кировской области. Работала учительницей во Владивостоке, преподавала русский язык и литературу. В 1933 году переехала в Ленинград и поступила в ЛГУ на исторический факультет. После окончания учёбы работала в музее этнографии народов СССР. Во время войны

оставалась в Ленинграде и на себе испытала ужасы блокады. В 1944 году вернулась в музей и поступила в аспирантуру Института этнографии АН СССР; её специализацией стала этнография Северной Азии.

В 1948 году Варвара отправилась на Чукотку, чтобы собрать материалы для диссертации. Официально она была членом Северо-Восточной экспедиции Института Этнографии АН СССР, но по сути это было самостоятельное «плавание». Историк Елена Алексеевна Михайлова в работе «Фотографии из экспедиции Варвары Кузнецовой на Чукотку» упоминает, что Кузнецова надеялась получить административную должность, и работая, собирать материал, но не получилось. Возможно, Кузнецова была слишком советским человеком и не понимала, что на Чукотке – другое общество. Тогда она решила поселиться в чукотской семье и, погрузившись в чукотский быт, собрать материал.

Ситуация осложнялась тем, что она не знала чукотского языка. Неизвестно, чем Варвара руководствовалась, когда нарушила это главное правило этнографов, но при сдаче экзамена на пригодность к экспедиции она смогла уклониться от этой дисциплины. Кроме того, во время кочёвок Кузнецова полностью зависела от чукчей.

Выбор пал на семью председателя колхоза «Тундровик». Он считался стариком и поборником традиций. «Колхоз» существовал на бумаге, на самом деле семья вела прежнюю жизнь. Кузнецова писала, что в яранге строго поддерживалась обрядность, а отступление от неё быстро пресекалось.

У председателя колхоза была жена Увакай, которая не знала, сколько ей лет, а когда Варвара попросила её вспомнить, та насчитала 30 разных кочевий, хотя выглядела она старше.

Это был второй брак Увакай. В первом она была замужем за членом того же семейства, а овдовев, стала женой ещё одного члена этой же семьи,

а её дети перешли в семью к мужу, которому она родила ещё двоих. Пастухами в стаде были трое племянников.

«Ошибочно было ехать неопытному человеку одному, да ещё женщине, да к такому народу как тундренные чукчи-единоличники», — писала Варвара в дневнике. Для чукчей она была обузой — неумелая женщина с кучей багажа. На неё не обращали внимания, когда она болела, её почти не кормили, так как она находилась в самом низу пищевой цепочки, и даже не приглашали внутрь спального полога, оставляя на холоде. Во время кочёвок она шла пешком, никто не приглашал её на нарты. Правда, её не заставляли ставить ярангу и выбивать полог, зато требовали, чтобы она расчищала место для жилища и утаптывала снег.

Чукчи не любили её, считали колдуньей: жжёт огонь, пишет в тетради и возится с фотоаппаратурой. Они верили: если человек сидит без дела с огнём, на свет слетаются злые духи — каляйныи. Ситуация усугубилась после смерти Увакай, которая перед кончиной сошла с ума.

Пока была жива Увакай, она была главной женщиной в яранге. Второй была её дочь, от настроения которой зависела Кузнецова. Она едва не заморила Варвару голодом и издевалась над ней. Кузнецова описывала её так: «груба, скупа, жадна, лжива, зла, сварлива, прожорлива — а ей всего 16 лет».

Поскольку Кузнецова занимала низшую ступень в иерархии, все три года ей пришлось стойко переносить голод, — об этом в статье «Полевые исследования В.Г. Кузнецовой в Амгуэмской тундре» пишет историк Людмила Николаевна Хаховская. Записи на этот счёт неутешительны: «Мне предложили рилкэрил (каша из содержимого желудка оленя, его крови и жира), но я отказалась — не могу уже есть эту горькую кашу»; «Хозяйка мне подала из полога немного рората (желудок оленя) и кусочек летнего мяса»; «Мы ели варёную волчеедину (труп оленя, недоеденного волками), а старики — хорошее мясо»; «мне дали 150 граммов прэрэта (мяса с жиром), я съела его с жадностью». «Страшно хотелось кушать»; «голова болит от голода».

В 1951 году Кузнецова вернулась в Ленинград. Она так и не успела воспользоваться собранным ей материалом. Она сумела защитить диссертацию,

но после этого заболела – организм не выдержал нагрузки. Её фотографии и дневники до сих пор хранятся в архиве музея этнографии. Читать материалы человека, испытавшего всё, что она пишет, лично, невероятно интересно.

О жизни местного населения нам подробно рассказали в парке «Берингия» в местечке Масик. Это остатки древнего эскимосского поселения. Поразило место. Первое впечатление – берег ровный, вдалеке сопки. Как тут можно было жить? Потом стало понятно, что там есть залив, а при сильных ветрах это важно. На открытой воде никакие лодки не удержатся.

На берегу остались только ямы и торчащие огромные кости китов. Именно они служили стройматериалом. Стоя среди этих остатков древних жилищ, понимаешь, что в этой суровой жизни у людей была борьба только с животным миром и погодой. Между собой, конечно, тоже конфликты случались. Но главное – лютый холод, пронизывающий ветер. И хищники.

Мы в хорошую погоду ничего, кроме невысокой арктической растительности, не увидели. Ягоды местные жители, конечно же, собирали. Ещё они раскапывали специальным крюком из кости мышиные норки. И забирали корешки, которые грызуны запасали на зиму. Якобы, все не забирали, чтобы и им осталось. Что-то в это не сильно верится, хотя – может быть и такое.

О быте мы много узнали не только от местных жителей, но и в краеведческом музее города Анадыря. Согласна с утверждением, что особая сила коренного населения Севера – в способности оставаться верными корням, не теряя связи с настоящим. Погружение в их быт – это возможность увидеть другой ритм жизни, основанный не на спешке, а на согласии с природой и традицией.

Я, кстати, дважды посмотрела фильм «Китобой». До поездки ничего кроме удивления попеременно с раздражением просмотр не оставил. Пожалуй, конец порадовал. Но когда я вернулась домой, посмотрела ещё раз. Кстати, наш капитан на лодке фильм обругал. Я его понимаю. Но не согласна. Какие-то сцены, может, и заслуживают осуждения. Но я поняла и почувствовала, какой у местных ритм жизни. Он действительно основан на согласии с природой. Жизнь в Лорино – а в фильме улицы и дома узнаваемы – без красот и изыска. Но она основана на силе духа, житейской мудрости, честности и взаимовыручке.

Парнишка-то счастлив своим миром! Своим другом, домом, отношениями с дедом. И какое это счастье домой вернуться!

Одно меня удивило – у героев был интернет. А у нас вообще – никакой связи. Может, по кабелю интернет и имелся, но для нас такая роскошь оказалась недоступной.

Но не это важно. Главное – впечатление от поездки. Самое что ни на есть замечательное!

ПОЭЗИЯ

Александр ЧИРКОВ

Александр Сергеевич Чирков – родился в 1956 г. в селе Ильинском Угличского района, Ярославской обл. Окончил исторический факультет Саратовского университета им. Н.Г. Чернышевского, Симферопольское военное училище. 27 лет службы в Советской Армии и Вооружённых Силах РФ. Офицер запаса. В настоящее время работает инженером. Имеет публикации во многих периодических изданиях. Поэзия представлена на сайте Финно-угорского культурного центра РФ в разделе ЛОГОС, поэзия, вепсы/карелы.

Живёт в Санкт-Петербурге.

Лишь в единстве наша сила

Истинный смысл Победы

Была идеология, вы знали цели,
И чётко видели их в плане и в прицеле,
Был ясный облик будущей Победы,
Вам не мешали правовые буквоеды...

Был монолит страны, от власти до пехоты,
Был тыл подспорьем фронтовой работы,
А в сердце - к Родине любовь и память предков,
Досрочно выполнялись пятилетки!

Вы верили: Победа будет полной!
Была решимость ваша непреклонной,
А за спиной – семья, Москва, Россия,
Народ спаяли годы грозвые!

Был Брест, Смоленск, Ржев, Сталинград на Волге,
Вы шли к Победе тяжело и долго,
Москва и Ленинград, Кавказ, Минск, Киев...
В Берлин вели дороги фронтовые...

И генералы сталинские знали,
Зачем войска в атаку поднимали,
С врагом миндальничать – Победы не видать,
Торгуясь, невозможно воевать!

Добить врага – вот в этом смысл Победы!
Об этом твёрдо знали наши деды,
А если не добил врага однажды,
То добивать его придётся дважды!

Победу нам оставили в наследство,
Мы все по жизни с ней идём из детства,
Погибших предков миллионы глаз,
С надеждой пристально глядят на нас...

Печаль земли

Мир деревенский, святой и оболганный,
Горе познавший с лихвой,
Между полями, просёлками сотканный,
Предками дан нам с тобой...

Помнятся лучшие, светлые годы,
Счастье ушло налегке,
Словно репейник, вцепились невзгоды,
Тошно Душе в сорняке...

Сорваны двери со счастья крестьянского,
Выбиты окна-глаза,
Эх ты, деревня, земля христианская,
Наша былая краса!

Жмутся к церквам деревень уничтоженных,
Тени последних домов,
Машут нам издали с кладбищ заброшенных,
Руки могильных крестов...

Нечернозёмная, властью забытая,
Верит в Христа до конца,
Через страдания Душа не убитая,
Смотрит с родного крыльца...

Позвони в колокола

С колокольни деревенской – к Господу поближе,
Всю округу Родины далеко видать,
Здесь под звон колоколов полной грудью дышишь,
На Душе и в сердце – радость, благодать...

Позвони в колокола звонницы церковной,
И пойми, что ценное – вовсе не в деньгах,
Ничего дороже нет истины духовной,
Главное и важное – в мыслях и делах...

Театр жизни

Когда висит ружьё на сцене,
То выстрелить всегда должно,
И в пьесах часто при измене,
Стрелять назначено оно...

Так, в жизни нашей, тот же принцип:
Оружие играет роль,
Но не всегда в руках ревнивцев,
И не всегда в патронах соль...

В гастролях жизни стран, народов,
Ружьё стреляет много раз,
Сидит в партере мать-природа,
С сочувствием глядит на нас...

Идеологический вакуум

Как бы, вроде, патриоты,
Но на Запад смотрят нежно,
Санкционные бойкоты,
Огорчают безутешно!

С белым флагом ходим гордо,
По аренам олимпийским,
Это надо для комфорта,
Спорт. чиновникам российским...

На словах, как будто, вместе,
Общим строим – до Победы!
Но кому-то – рост поместий,
А другим – в остатке беды...

Нет идеи, чтоб сплотила,
Весь народ в одном порыве,
Лишь в единстве – наша сила,
А не в классовом разрыве!

Исторический процесс

Древние ушли народы,
Потеряли идентичность,
Судеб злые повороты,
Их отправили в античность...

Неспособность управления,
Социальные конфликты –
Фактор их исчезновенья,
Их истории закрыты...

Те процессы, что и раньше –
Все они идут поныне,
Битый бредит о реванше,
Кто-то мыслит на латыни...

Заложив в ломбарде веру,
Ходят в храмы, ставят свечи,
А за храмом жарят серу,
И глаголют сладки речи...

Защитим, пока не поздно,
Душу, как основу веры,
Пока всё ещё возможно...
Где этруски? Где шумеры?

Потомкам

Пока живёшь – решай вопросы,
Те, что подкидывает жизнь,
Сквозь ценностные перекосы,
Душа, дружок, не атавизм...

Раздай долги, прости, что сможешь,
Дослушай исповедь других,
По полкам жизни не разложишь,
Друзей и недругов своих...

Ведь часто бывший раньше другом,
И даже братом во Христе,
Из корысти, иль под испугом,
Становится врагом тебе...

Живи по совести и сердцу,
А дело делай по уму,
В пустых вопросах не усердствуй,
И помни притчу про суму...

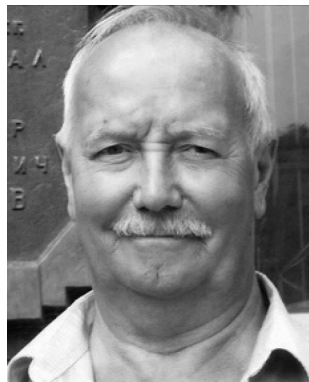
Карачун

Средняя Азия, Таджикская ССР, Сталинобадская область, Молотовобадский район, посёлок № 8. Ссылный интернационал: рассказаченные ещё до войны донцы-кубанцы; болгары, не угодившие вождю Георгию Димитрову; поляки, сотрудничавшие с немцами... Сюда, в тепло из усть-обских гибельных лесоповалов к родне, высланной с Дона, бежал Тимоха Глазырин. Коварство чужеродной власти состояло в том, чтобы разбросать русский народ, распылить. Потому и рвали на части семейное тело: одну бросали на севера валить лес, другую – на борьбу за хлопок. Хорошая душа, Тимофей прихватил с собой раскулаченную сибирячку Катерину Шубину. Отца её, Леонтия, придавило лесиной на непосильной деляне... Вместе с глазыринской роднёй слепили мазанку – своя крыша над головой. Расписываться Тимофей не спешил, Катерина не настаивала. Вскоре родился Мишенька, в метрике записали на фамилию отца.

Младенческая память просыпается порой удивительно рано. Среднеазиатское детство ярко запечатлелось у Михаила. Себя он помнил с трёх лет... Вот бережно несёт миску с оладышками, бабка Мотя напекла. Пыльный, знойный афганец, обжигающий песок, сандалики едва спасают, а Миша радостный: попотчевал Юлю-полячку, её детишек, Збышека и Монику. Бабай в полосатом халате сидит в тени дувала и чинары. Достает из шароваров пиалу с чаем, угощает русского мальчика. Брезгливо Мише, но он не отказывается: обидится таджик, так бабка Мотя учит.

Папаня роет арыки на хлопковые поля. Цветёт хлопок, резь в глазах, от лихоманки спасает хина. Матушка – ударница по сбору хлопка. Ей даже сам Мирзо Турсун-заде, придворный поэт, входящий в таджикское руководство, вручил отрез мануфактуры в столице республики Сталинабаде.

Ночами, на свет керосинки к мазанке целое нашествие жительниц арыков – горластой

Владимир Николаевич Вещунов – родился в 1945 г. Окончил художественное училище и педагогический институт. Работал дизайнером, воспитателем детского дома, учителем в рыбацком посёлке Приморья, редактором Дальневосточного книжного издательства. Публиковался в литературных журналах. Автор книг повестей и рассказов. Член Союза писателей России.

Живёт в Нижнем Новгороде.

лягушвы. Непрошенных, настырных гостей матушка выметает камышовым веником:

– Кыш-кыш, брысь, шлёпалки!..

Квакушки – лакомство для змей и варанов. Папаня-чудодей уговаривает пресмыкающихся вернуться в свои барханы и арыки. Из Тигровой балки доносятся душераздирающие вопли камышовых котов, разъярённых женихов-соперников, тьяканье шакалов. Папаня с блаженством втягивает сладостный для него, охотника, воздух тугаёв. Но охотиться в заповеднике нельзя. Там, в пойме слияния Пянджа и Вахша, первозданный оазис. Джунгли из сплетений ивняка, лиан дикого винограда, ежевики, тростника. Там ещё царствует туранский тигр.

Да, человек – царь природы. Таким его сотворил Создатель. Небесные светила, земные воды, океанские и речные, залежи в недрах, всякие произрастания, живность – служат человеку. А царственность его ущербна. Был мирен, жил в мире со всеми животными, но после Адамова преступления грех крепчал в нём. Животные ожесточились, многие озверились и стали злейшими врагами бывшему господину. Однако те из людей, которые сохранили мирность в себе или возросли до неё, до святости по благодати Божией, могут смирять самых лютых ненавистников человека и делать их своими помощниками. Ворон приносил пищу Иоанну Крестителю в пустыне. Лев прислуживал святому Герасиму. Отшельник вылечил его израненную лапу. Этой же лапой гривач помог ученику Герасима вырыть в камнях могилу старца. Остался верен ему после погребения и жил в его пещере. Медведь прислуживал преподобному Серафиму Саровскому и угощал дупляным сотовым мёдом монахинь, пришедших к старцу за благословением.

Конечно же, папаня вовсе не был святым: донской казак, вольница. Мать его, Матрёна Филиппевна, истинная казачка, частенько поругивала сына:

– Карачун в лоб твою душаку!

Непонятная, страшная ругачка. В переводе с бабкиного: охлады, мороз, неуёмную душу!

Время показало, что был он весьма грешен. Но какой силой сотворил диво дивное, когда привёл из тугаёв камышового кота? Метр в холке, пудовый, палево-крапчатый с полоской, лапы мощные, хвост, как обрубок, кисточки на ушах. Зверь! Рысь да и только! Но ластится, мурлычет, словно кот-баюн. Слушает его человек, поддакивает. Матушка в ужасе руками машет, чтобы убирался муженёк с этим басмачом. Миша с разинутым ртом застыл от удивления.

– Подойди, сынок, погладь котофея, – попросил отец.

Ощерился зверь на ласку мальчика, будто залыбился. А Миша герой!.. Вдругоредь появился папаня с ястребом-ягнятником. Тот вонзился когтями в кожаный наплечник. Сам до ста семидесяти не дорос, а у гостенька размах крыльев до двух метров. Вес полпуда. Клюв – стальной крючок; под ним «козлиная» перьевая борода, потому его ещё бородачом кличут. Горделивая, охристо-белая грудь, подглазья тёмно-синие, крылья в пестринах, лапы в «штанах». Посвистывает деловито, мяукает, о чём-то разговаривает с человеком птица. К ужасу хозяйки слетел с клёкотом с плеча хозяина. Точно туча поглотила мазанку. И обхлестал пахучей жижей всё нутро её, к Первому мая побелённое. А папаня лыбится как майская роза... И шакала приводил погостевать. Тот, как щенок, трусливо хвост поджал, сиротски

озируется. Жалко Мише его стало, приголубил, краюхой хлеба угостил, сдобрил яичком под отчим приглядом.

Тайна великая – рождение человека, из небытия в бытие. Человек – тело, всё целое. Цельность, цельный организм, обожествлённый душой, освящённый Духом. Диво! Жизнь на добро дана ему, а он пачкает её, грешит, грешит. Ежели бы Господь Бог был только справедлив, то по справедливости всякий человек понёс бы суровое наказание, а то и жестокое. А ему, грешнику отъявленному, всё прощается и прощается. Господь милостив, Он есть Любовь. И это самое великое диво!

Жизнь назад явил отец Михаилу дар свой общения и дружбы со зверьём. Кто наделил его этим даром? Сам-то он ничего особого в этом не видел. Скрыта, видно, тайна сия в древнем пращуровом веке, когда, как сказано в Писании, и телёнок, и лев, и вол жили вместе, и малое дитя вошло их.

Тимофея забрали в трудармию восстанавливать разрушенные фашистами железные дороги. Бедовый, запропал где-то безадресно. Без него не мил и без того чуждый край. Потосковала Катерина и засобиралась на родину, в Сибирь. Бабка Мотя и вся глазыринская родня уговаривали: сыщется, де, Тимоха, вернётся. Но чуяло женское сердце: не вернётся, без вести пропавший. Вечерами не сказки рассказывала шестилетнему сынишке, а про родную Зимиху. Там течёт славная речка Алабуга, на ней плавают зелёно-золотые селезни с оранжевыми утками, а в тихих заводях на листьях-блинах покоятся белоснежные кувшинки... И он уже поторапливал мать:

– Ма, ну когда мы поедем?..

Строчит километры послевоенный поезд-хлев «пятьсот-весёлый»... По ночам орудуют банды... Проводница истошно оповещает:

– Станция Арысь! Берегите чемоданы!

Звон разбитых вагонных окон. Крики, визг женщин... Катерина квочкой уселась на узлах. Меж ними зарылся Миша... Всё обошлось. Арысь – рысь!

Месяц маялись в дороге. Высадились в Ишиме, от него до Зимихи полсотни километров. Подгадали к подводе. В привокзальной скобяной лавке колченогий фронтовик-инвалид закупил оконное и ламповое стекло для керосинок. На нём краснозвёздная фуражка, китель с медалью, галифе. Одна нога в кирзаче, другая – культи с деревяшкой на скрипучих ремнях, скрип-нога. Ковыляя, подсобил погрузить на телегу узлы неожиданных пассажиров.

После месячной душегубки перед мучениками раскинулось приишимское раздолье. Не надышишься, не нагладишься!..

– Смотри, сынок, это родина твоя! Не посёлок номер восемь в Средней Азии, а Сибирь-матушка!

Миша потрогал тюбетейку. Возница обернулся:

– Сам товарищ пролетарский писатель Горький не снимал тюбетейку с головы. Дружба народов!.. Издалече, значит. Чеевна будешь?

– Шубина я.

– Знаю, добрый мужик Иван, знатный рыбак. Я, проездом когда, парую другую карасиков у него прихватываю.

Хотела спросить ещё об Иване, о семье, да ведь сердце не выдержит, не доедет. Прикусила кулак, чтобы не разрыдаться. Платок скинулся на

плечи, из узелка волос выбилась седая прядка. Миша ткнул её вбок, округлив глаза, прошептал:

– Ма!.. Глянь!

В ворохе сена рядом с каким-то ящиком из полотняного мешка торчала нога – розовая, живая! Не поворачивая головы, возница успокоил:

– Не пугайтесь. Мне протез прописали, везу тренироваться, упражняться. Будет как настоящая нога, ещё и в пляс пойду. Эх, ма-а!..

Соскочил с телеги, плотнее закутал протез в мешок, открыл ящик. Это был патефон. Его он приобрёл на радостях в культтоварах после вручения ему доктором протеза. В патефоне лежала пластинка с «Валенками» Руслановой. Завёл его. По долу разнеслась развесёлая народная: «Валенки, валенки, да не подшиты стареньки...» По правую руку от большака текли степенные воды Ишима. В плакучих ивах заливались соловьи, на обочинах в травостое перекликались перепёлки: пить-пить... В вышине журчал ручейком жаворонок. И разливалась песня... Изрядно отведав из фляжки, бравый боец, ковыляя, вышагивал около телеги:

– Ать два, ать два!..

Катерина быстро приноровилась к патефону, перевернула пластинку: «Я под горку шла, тяжело несла, утомилась, утомилась, утомилась я...»

Миша сенцом кормил лошадку. Старенькая уже, седые грива и чёлка. Косила на доброго мальчика огромный, как шар, глаз. В нём отражалось всё небо и маленький Миша.

Возле «концерта» притормозил бензовоз. Из кабины высунулся фронтвик в пилотке и гимнастёрке:

– Какой фронт, браток?

– Первый Белорусский! – отчеканил возница.

– Привет, Второй Украинский! Ну, будь!..

«Концерт» закончился. Катерина закрыла патефон. Скрип-нога своим бравым маршем «распахал» спёкшийся большак. Довольный, уселся на телегу:

– Ещё попляшем! – Вожжой не тронул, лошадь пошагала. – У нас давеча на широкой Масленице такая дивная ярмарка сладилась, такой плясун выискался, медвежонок на ходулях выплясывал! Степан-вожатый его так обучил. Эх, и мы ещё попляшем!

Он отхлебнул из фляжки, закемарил, свесив на грудь буйную головушку. И не заметил, как благодарные пассажиры сняли с него фуражку и накрыли ею пиалу с сухофруктами. Вместо фуражки надели тюбетейку. Миша с уважением погладил на его кителе медаль «За отвагу».

Бодро шагала Каурка, отдохнув, отведав Мишиного угощения. После слияния Алабуги с Ишимом по правую руку от большака начиналась согра. Широкий плавный уклон от леса с придорожными холмистыми поселениями сусликов. С нарезками, здесь добывали знаменитый на весь Казанский район дёрн. Из него складывали мазанки, хлева, по бедности и крыши. Кровельный тёс не всем был по карману. А городская дороговизна, жёсть и шифер, тем более.

Бравый солдат в тюбетейке мирно посапывал. Лошадь отмахивалась хвостом от нападавших слепней. Думы, думы... Шестнадцать годочков не виделась Катерина с семьёй, как-то встретят их с Мишей?.. А он всё ещё ощущал на своих ладонях прикосновение бархатных губ Каурки... А месяц назад потчевал лепёшками верблюда, смешная была у него

кликча – Бактриан. Высоченный, с гордо поднятой головой, приспущенные веки, ухмылка. Не дотянешься до него, губошлёпа. Выплёвывал жвачку, и сам опускался на колени: вкуснее лепёшки ничего не едал! Великодушно разрешал мальчику усаживаться ему на спину. Тот восседал меж горами, как между горами. Царственно взирал с верблюжьей высоты на завидущую ребятню, бегущую к Бактриану. Сказывали, перебежчик он с афганской стороны. Бежал он от басмачей, переплыл реку, пограничники поставили его на довольствие. А он детишек катает. Не добитые конницей Будённого, басмачи всё не угомонятся, кажут с того берега срамные задницы, «мстят». Трусливые шакалы! Вмазали бы им погранцы, да нельзя: международный конфликт. Афганистан покрывает бандитов. А Бактриан молодец! Отважный верблюд и добрый...

– Мам, а ты бабушке верблюжье одеяло не забыла?

– Не забыла, – она похлопала по самому большому узлу. И в других узлах были гостинцы: отрез мануфактуры, платки восточного фасона с павлинами, хлопковое масло, от сухофруктов кое-что осталось. Лепёшки бабки Моти съели в начале пути; весь урюк дожевали, пока ехали, другой еды не было.

Заливной пойменный луг с протоками отсвечивал золотом при заходящем солнце. Поскрипывала телега, пофыркивала лошадь, жара спадала, пауты и оводы не донимали. Прядала ушами, словно прислушиваясь к сонным руладам хозяина. На горوشке завиднелась ветряная мельница со щелястыми крыльями. Время не пощадило её. Сюда Катя с тятей и Ваней привозили мешки зерна на жернова. За ветряком школа, а за ней тятин дом. По-прежнему ладный, с высокой подклетью, с обширной поветью. Сжалось сердце. Как-то встретит он?..

Миша устал сидеть на телеге и шёл рядом с лошастью. Она остановилась возле шубинской избы: не раз здесь останавливалась, заржала. Хозяин встрепенулся. Растерянно похлопал по тюбетейке, по фуражке, догадливо хмыкнул и закричал:

– Иван, принимай гостей!

Калитка в заплоте скрипнула; вышел Шубин, лицом необычайно схожий с Катериной:

– А-а, Еропкин! Чего тебе, рыбу, что ли?

– Какая рыба? Глянь, кого я тебе доставил!

Возница подковылял к Ивану и торжествующим жестом указал на своих пассажиров:

– В целости, в сохранности!

У Катерины едва не подкосились ноги. Она крепко прижала к себе сына и держалась за него.

– Сестра! – вскричал Иван и, сделав несколько шагов, упал перед ней на колени:

– Прости!..

Она гладила его голову и плакала:

– Ваньша, Ваньша...

Возница вытер помокревшие глаза, с трудом залез на телегу и впервые в жизни понужнул вожжами Каурку. Из избы высыпали домочадцы и застыли перед душераздирающей картиной. Катерина вытерла платком слёзы:

– Вставай, Ваня, пойдём в дом.

Дора подняла ослабевшего мужа, взяла под руку Катерину и повела их. Трое шубенят с любопытством уставились на мальчика в тюбетейке.

– Я братик ваш, – представился он, – Миша. А вас как зовут?

Конопатые, в цыпушках, они замаялись. Старшой, бельмастый, ударил себя в грудь:

– Я Вася, в третий класс пойду! А-а, бельмо... В кузню к дядьке Матвею заглянул, а из горна искры – и мне прямо в глаз! Так я и окривел. Ну ничего, другой хорошо видит. А это Витька и Галька.

Миша развязал узел и надел троице тюбетейки.

– Я знаю, такие узбеки носят, – голосом бывалого произнёс Василий.

– И таджики, – добавил Миша. – У нас ещё подарки есть. Потащим в дом.

– Нет, надо взрослых подождать, – степенно возразил Василий.

– Да они еле-еле плетутся с горя, – мрачно произнёс Витька.

– Не с горя, а от счастья, – прощепетала Галинка.

Взрослые не дошли ещё до калитки, как услышали крик старой Авдотьи. Материнское сердце почуяло сердце дочернее:

– Дождалась, дождалась, доченька моя родная, Катенька! Спасибо Тебе, Господи, за милость Твою! Дождалась...

Слепая, в валенках, в варежках, она едва не соскочила с печки навстречу доченьке.

– Мама!.. – Катерина с рыданьем уткнулась в её колени.

Варежки сползли с худых старческих рук, и она гладила и гладила дочь, распуская её волосы, орошая слезами. Дора с плачем ткнулась мужу в плечо. Он стоял с повинно поникшей головой... Шубиных никак нельзя было причислить к кулакам: хозяйство крепкое, но без излишеств. Уполномоченный же, выслуживаясь перед начальством, перевыполнял план по раскулачиванию. По разнарядке на севера должны быть отправлены Шубины: Леонтий и Иван. Однако сын бежал в леса. Вместо него с отцом погнажи дочь...

Дети затащили всё-таки узлы, прониклись общим настроением, зашмыгали носами, а Галка даже по-настоящему всплакнула. Авдотью спустили с печи и усадили за стол.

Весть о возвращении Катерины облетела Зимиху. Полдеревни собралось у Шубиных праздновать встречу. Авдотья, с невидящими, но счастливыми глазами, подняла стопку с рябиновкой:

– Дождалась я доченьку свою. За тебя, Катенька, душа моя!

Все дружно потянулись чокаться с Катериной.

– Так ждала тебя мать, Катюша, что ты не могла не вернуться.

– С возвращением, Екатерина Леонтьевна!

– Родина, что мать родная, нет кровнее её!..

Катерина, с аккуратно причёсанными матерью волосами, сидела рядом с ней. Поднялась:

– Спасибо, родные, что не забыли! Я-то уже на родине, а тятё уже не бывать на ней. Покоится в далёком северном краю, в Приполярье, в тайге.

Дора поднялась:

– Душа его здесь, с нами. Такой дом поставил, память о себе. Помянем Леонтия Макаровича!..

Зимихинцы потянулись к Катерине с расспросами: что да как, про первую ссылку в холоде, про вторую – в жаре. Слезы навернулись, губы задрожали, не могла говорить. Иван поднялся:

– Не травите душу, дайте успокоиться. Давайте помянем убиенных, не вернувшихся с войны.

Поимённо помянули зимихинцев, погибших на фронте.

Гармонист, конюх Ероха, запозднил, подоспел: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!..», «Вьётся в тесной печурке огонь...», «Горит свечи огарочек...», «Выходила на берег Катюша...» Катюша... Зимихинская Катюша, скалистые берега судьбы твоей.

– А дедко Левонтий любил «Проводы», – прервал фронтовую тематику Ероха.

Вся Зимиха распевала на застолицах Демьяна Бедного. Глянули на Катерину: как она?.. Приосанившись, приобняв мать, она запела:

*Как родная меня мать провожала,
Тут и вся моя родня набежала...*

Хозяйственный Василий на кухне устроил свою застольицу. Ухватом достал из печки сковородку с запеканкой. Галинка из прохладных сенок принесла кувшин клюквенного морса. Миша выложил на стол кульки с разными конфетами: подушечки, посыпанные соей, леденцы, ириски, карамельки, даже шоколадные в красивых фантиках.

– Миха-зимиха! – одобрительно хлопнул по плечу двоюродного брата Витька.

Чакали ходики с «еловыми шишками» на цепочках с картиной Шишкина, где медведи в сосновом лесу.

Отгуляли взрослые. Хватит печалиться: жизнь продолжается!.. А Катерина отойдёт от тревог и переживаний и поведаёт сыпотиха о тернистой жизни своей. Сынишка у неё славный, свой среди шубенят.

Екатерина с Дорой день-деньской на полевом стане. Там же на тракторе Иван. Детвора работающая, спозаранку гонит бурёнку Майку на пастьбу. Задаст корм овечкам, борову Борьке, курам, гусям, уткам насыплет пшена вдосталь. В огороде дел полно: окучивание, полив. А за работу моркошка. Скоблит стёклышком Вася оранжевые «сосульки», брызжут они соком. Раздаёт работничкам. На двоюродного брата поглядывает: привыкает Миха-зимиха к деревенской жизни. Лушат горох, бобы, лузгают семечки, выковыривая из решета подсолнуха. Разламывают маковые коробочки, высасывают из них молочко с маком. Подсохнут маковки, пошелушат их, и испекутся вкусные пирожки-маковички. Подпирают плетень смородина, малина, крыжовник. Ешь не хочу!.. Сами лакомятся, а пса поругивают, строжат: лопают всё подряд, и помидоры, и огурцы, и репу. Неудачно Шариком назвали, совсем на шарика не похож: одно ухо остро, другое лопухом. И лыбится, огурцов нажравшись.

Бегут вместе с Шариком через большак на Алабугу. Перегоняют гусей и утву, тоже спешат лапчатые на речку. Кипит она, бултыхается в ней ребятня. И Шарик вместе с ними, залиvisto лает. К великому удивлению Миши, шубенята скидывают на бегу трусёшки, и с визгом бросаются, голожопики, в воду. Миша в нерешительности топчется, снимает трусы и с укуса врезается в купальное буйство.

Авдотья с возвращением дочери точно убавила годочков и недужности. Сползала с печки и хлопотала на кухне, без валенок и без варезжек, в тапках на верблюжьем меху, подаренных Катей. Домовничала, слепая, на ощупь, но сноровисто. Взрослые на работе, дети тоже не отлынивают,

помогают. Придут, а у неё всё готово: наваристый борщ, каша-калега из брюквы, шаньги, ватрушки, чай с малиновым вареньем.

Бабушка вышла на крыльцо проводить внуков в школу. Иван, Дора, Екатерина с любовью оглядели первосентябрьский парадный строй. Краше всех выглядела, конечно же, Галинка: белый пышный бант, белый фартук, носочки, чёрные лакированные туфельки. Не Галинка, а картинка! Что ж, первый класс, важная персона! Другой первоклассник тоже смотрелся: почти наголо постриженный, один чубчик; уши торчат. Белая рубашка, чёрные брюки, полуботинки. Чин чинарём!.. Витьку не успели постричь, вихрастый, хмурится, не хочется ему в школу, не нагулялся ещё! Старшой, Василий, повыше ростом, поважнее, косит бельмасто на свой отряд. Подрос за лето, штаны коротковаты, безрукавка тесновата. У всех чёрные суконные сумки на пуговках, сшитые Дорой, с учебниками и тетрадками. Готовы к завету Ильича: учиться, учиться и учиться!.. Школа красуется новой крышей из жести, окрашена в зелёное, блестит на солнце, словно поляна после дождя. Четырёхлетка, необычное в ней обучение. Из-за нехватки помещений по два класса в одной комнате. Интересно соседствуют: первый и третий, второй и четвёртый. Так распорядилась директорша. Две дочки её слаборазвитые, плохо усваивают материал, потому и учатся под её приглядом во втором и четвёртом классах, чтобы не оставались на второй год, не позорили её. Григорий Семёнович, фронтовик, во френче, галифе, в высоких скрипучих сапогах, занимается с первышами и с третьим классом.

Миша и Галка сидели за одной партой, рядом через проход сидел Вася. Он плохо видел, они подсказывали ему, что учитель пишет на доске. На переменах вся школьня высыпала на поляну, катались по траве-мураве, барахтались, боролись, устраивали чехарду... Дежурный выходил на крыльцо с медным колокольчиком, школьный звонок с трудом отрывал шалунов от ласковой поляны.

Григорий Семёнович, зная о непростой судьбе матери Миши Глазырина, относился к нему сердобольно. Сам немало настрадался в лагерях. Война вызволила, напросился на фронт. Перед октябрьскими по-отечески прижал к себе:

– Доверяю тебе, Миша, выступить на концерте в честь Великого Октября.

Школьники, родители собрались в так называемом актовом зале, размером с обычный класс. Григорий Семёнович взял баян и голосом, как сталь, запел: «Вставай, страна огромная!..» Знобкие мурашки пробежали у Миши. Все встали, и грянуло: «Вставай на смертный бой!..»

Миша выучил целую поэму:

*Юноша прямо стоит на допросе,
Молча стоит, и ни слова в ответ...*

Начал чеканить он. Заканчивал срывающимся голосом, чуть ли не со слезами:

*Немцы бойца с комсомольским билетом
Гонят босого на лютый мороз...*

И по-пионерски звонко, отдавая салют, закончил:

*Нет, он не льдом смертельным покрытый,
Вылит из бронзы и солнцем облитый,
Вечно он будет стоять над землёй!*

Зрители бурно захлопали.

– Молодец! – похвалил Григорий Семёнович.

Екатерина концом косынки утёрла счастливую слезу.

– **Л**едоход! – объявил Григорий Семёнович.

Вся школа высыпала на берег Алабуги. Свежий апрельский ветерок встретил созерцателей. Льдины, зеленоватые с просинью, тёрлись с шорохом, скрипом; постанывая, наползали друг на друга и ухали в глубину. Выныривали, топя одна другую. Картина ледохода вызывала у впечатлительных, душевных благоговение, как и всякая картина Божественной природы. Самые рискованные норовили запрыгнуть на какую-нибудь крупную льдину. Григорий Семёнович не церемонился со смельчаками, награждая их подзатыльниками.

Ура, каникулы!.. Учитель на МТС выпросил полуторку, и сам прикатил на ней к школе. В кузове набралось учеников сорок. С ветерком погнал Григорий Семёнович по родным просторам: пусть подрастающее поколение проникается любовью к родной стороне. Неоглядный окоём, алабужское приволье, холмы, перелески, согра. Всё вроде знакомо, привычно, но не нагладишься, не надышишься!.. «Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца!..» – завела песню пионервожатая. Потом пели: «Взвейтесь кострами, синие ночи!..», «Тот не знает наслаждения, кто картошки не едал...»

Михаил с Галиной перешли в пятый класс. А это уже учёба в райцентре, в селе Казанское, в десяти километрах от Зимихи. В десятилетке уже учились Вася и Витя. Ходьбы до школы час с небольшим. Зимой в стужу школа выделяла подводу. Собирал зимихинских старшеклассников на саях давний знакомец Миши, шебутной патефонщик Еропкин. Тот сразу признал парнишку, который подарил ему тюбетейку и пиалу сухофруктов, и даже поручковался с ним. Вспомнила и Каурка доброго мальчика, который когда-то кормил её сеном. Всякий раз при его появлении она радостно встряхивала гривой и мелко ржала, словно смеялась. Он баловал её печенюшками, конфетами и кусочками сахара. Она перебирала передними ногами, будто вытанцовывала. И однажды он вспомнил рассказ Еропкина про ярмарочного медвежонка, танцующего на ходулях, спросил о нём.

– А-а, Миша!.. – расплылся в улыбке Еропкин. – Заматерел Михайло Потапыч, такие фортеля выделявает, талией обручи крутит, на самокате гоняет. В мундире, сядет в сани, понужнёт лошадь вожжами, покрикивает на неё, как генерал Топтыгин. Та артачится: медвежий дух всё-таки, звериный! Смех и грех... А я вам в Зимиху, как только потеплеет, своё представление привезу, кинокартины «Семеро смелых», про Зою Космодемьянскую...

– Так в Зимихе электричества нет.

– От тракторного движка ток проведу. Приходи, возьми с собой мать, хорошая она у тебя. Ивана, весь шубинский корогод.

В конце октября подул сиверко. Дымчатая позёмка прошелестела по согре. Золотая осень ковром легла у ног берёз и осин. Лес просветлел, лишь зеленели ярко и молодо ели.

Ранним погожим утром чащобу огласил мощный рёв. Бурый, лобастый, остромордый, двухсаженный, призвал подругу. Круглолицая, длинноногая, с гладкой шерстью, Чалая отозвалась и пристала к нему. Нагулявшись, они разошлись, но он заботился о ней. Сохатый угодил в ловчую яму, Бурый вытащил его и полверсты волок двухпудовую тушу к избраннице своей. Перед долгой зимовкой в берлоге ей надобно насыщаться. Ей и его детёнышам, которых она сберегала во чреве своём.

В начале ноября перед залеганием в спячку она выбрала удобное место для логовища под выворотнем. Углубила яму под ним, выстлала ветошной травой и листвой, сверху накрыла берлогу хворостом и еловым лапником. Но заселиться в своё уютное жилище не спешила. Кружила и кружила вокруг берлоги, прыгала взад и вперёд, пятилась, путала следы. Когда метель начала замечать её хитроумные кружева, залезла в берлогу. Закрыла вход сучьями и лапником, свернулась калачом, прижав передние лапы к груди, сладко засопела. Пела вьюга, навевая первый медвежий сон.

Декабрь выдался тёплым, и Бурый не торопился в свою берлогу. Молния жажнула в вековой дуб, расщепила изножье и выжгла дупло – целую пещеру. Грозовой дуб предоставил Бурому и жильё, и питание, поливая желудёвым дождём всё вокруг. Секачи норовили сунуться в кормные места, но хозяин одним махом располосовал когтистой лапой их вожака вепря. А когти у Бурого стальные, серповидные, смертельные. Стая волков, оголодавших, угодила под них на убой.

В то позапрошрое лето природа страдала от бескормицы. Засуха, неурожай ягод, мор заглушил развесёлое птичье царство. Поубавилось зверья для медвежьей охоты. Великий Бурый опустил до мелкого воришки. Таскал с крестьянских подворий собак. Повезло раз, утащил на себе отощавшую тёлку. В другой раз повезло: отбившийся от людей табун в болотистой чащобе жевал камыш. Выскочил из засады Бурый, ринулся испуганный табун в бегство. Настиг Бурый отставшую кобылу, мощным ударом лапы переломил хребет... А потом ледовитая стужа сковала землю, снега повалили, замёрзло всё живое. Волки, росوماхи, лисицы, горностаи, песцы рылись в скотомогильниках. И медведи питались падалью.

Бурый же силы сохранил, он мог долго гнать косулю или оленя. Загнанные, в изнеможении падали, становились его добычей. Он оставался хозяином леса, и всё ему было подвластно. Кроме сохатого. Неприхотливый в еде великан без конца хрумтел подростом, грыз ветки деревьев, жевал хвойный лапник. Горбатый, мощные лопатистые рога, смертоносный удар задних копыт, он легко справлялся с волчьей стаей, с рысью или росоматой. С ним Бурый не связывался. Чуткий на ухо, с музыкальным слухом, запомнил трубный рёв сохатого, когда в осенний гон тот приваживал молодую лосиху. Однажды в засаде, в зарослях можжевельника начал вабить, подражать лосиному зову. Ошалелая от любовной песни, важенка не учуяла злого медвежьего духа и вышла из чащи к «кавалеру». Он безжалостно перебил ей хребет и принялся разделять тушу. Удачливый охотник, он, однако, и сам попал впросак. Люди напридумывали много погибелей. Поставит зверовик медвежий капкан, да непростой: привяжет к нему колоду на длинной веревке. Схватят железные челюсти лапу, в отчаянии пытается

горемыка выдернуть её и всё больше запутывается в верёвке, а колода дубасит. Тут и счастливый медвежатник подоспеет, добьёт. Такая ловля по всем статьям доходная: шкура цела, медвежья полость в богатых домах особо ценится; жир от чахотки, желчь от лихоманки, когти от приворота, зубы от напастей. И конечно, медвежатина: полезная. Особенно молодая.

Бурый, с его-то чутьём, как-то не учуял человеческого запаха, угодил лапой в эту обычную ловушку, припорошённую снегом. Долго маялся, перегрыз верёвку, с трудом вытащил окровавленную лапу из капкана, оставив незадачливому зверолову клочок шерсти. Впредь чутьё его не подводило. Он за версту чуял острый запах мужицкого пота. Семь потов сойдёт с мужиков, пока они соорудят в ловчей яме сруб из брёвен. Сверху накроют настилом из ветвей и елового лапника, приманку подбросят, заячью тушку. Нечутливый и рушится в яму, заваливает его брёвнами. Ежели мужички со срубом поленятся возиться, то в дно ямы колья воткнут или положат доски с гвоздями. Изуверство!.. Раздаются тогда из ямы на весь лес рёв и стон истерзанной жертвы человека. И копятся в медвежьей крови ярость и мщение. И смерть бродит по тайге – карачун...

Однажды после таких жутких воплей измученного сородича будто всё воспламенилось в Буром. Он совершил безумный мстительный рейд по деревенским подворьям, зарезал немало скота, даже не отведав мяса.

Ранняя снежная зима укрыла его берлогу сугробами. Однако недавние кровавые походы наполняли сны, он ворочался, сопел, урчал. Снег вокруг берлоги от его тяжёлого дыхания отдавал желтизной. Даже бесстрашная куница боялась пересечь это пустынное место: здесь залёг в спячку сам великий Бурый.

Крестьяне, пострадавшие от набегов Бурого, собрали отряд и вышли к грозовому дубу, к его берлоге... Он за версту учуял человеческий запах, запах пороха, услышал скрип лыж. Они встали полукругом, один из них ткнул рогатиной в чело берлоги. Только тогда, рыча, Бурый вылез из логовища. Поднялся во весь рост, огромный, страшный, взревел дико. Двое из нападавших попятились и чуть было не бросились наутёк. Трое же с рогатинами пошли на Бурого. Извергая жуткий рёв, он отмахнулся от них, едва не поломав их палки. Двое струсивших опомнились, устроили пальбу, и только тогда смертельно раненного великана мужики с криками повалили рогатинами...

В смутных снах Чалой виделись образы Бурого, картины его жестокой судьбы. Чудилось, люди приближаются к берлоге. Высовывалась, готовая броситься на защиту малышей: опросталась до срока в начале марта. Вновь погружалась в беспокойный сон; сосала лапу, утишая почесуху от линьки... При первой мартовской оттепели мать с детёнышами выползли из берлоги. Она с наслаждением каталась в снегу, сбрасывая клочья шерсти после линьки. Три меховых комочка барахтались рядом с матерью. Чалая повела свой выводок на болотистый кочкарник, где алели клюквенные куртинки. Голодная семейка с жадностью набросилась на кисло-сладкую ягоду. Чалая с клюквой жевала мох: помогает после зимней спячки от медвежьей болезни. На солнечной поляне кое-где зеленела трава и ярко желтели лютики. Медвежата хотели было попробовать на вкус эти цветы, но мать лёгкими шлепками не позволила: ядовиты, лютик – лютый. Нагнула ветку вербы, отведала почек. Пушистые, душистые комочки поглянулись и малышам. Ольховые серёжки свисали низко, тоже вкусные. Круглитчатый снег

в дубняке был усеян желудями. Ешь не хочу! В ельнике Чалая сорвала с ёлочки вершок-отросток, не колючий совсем, горьковатый, хвойно-запашистый. Все ёлочки были утыканы этими вкусными «свечками», доступными для медвежат. Захотелось пить, и четверица направилась к речке. У берега течение уже освободило ото льда полынью. Медведица неглубоко зашла в воду, и медвежата забултыхались возле её ног. Накупавшись, вернулись на солнечную поляну. Снег на её середине солнышко уже слизало. Чадолубивая мать, млея от материнского счастья, налюбовавшись на борющихся малышей, задремала. Игрунчики по ней ползали, кувыркались. Наигравшись, улеглись у матери под боком и тоже задремали.

Весна! От счастья задыхались птицы и верещали оголтело, и лес рядился в зелёный «ситец». Всё пело: и птицы, и листва, и пчёлы, и комары, и кузнечики, и речка. Всё живое явило себя напоказ. Усердные муравьи благоустроивали свой город. Прекрасные бабочки пленяли мир своей божественной красотой. Перламутровка села на нос младшенькому медвежонку. Он скосил глаза на неё, махнул лапой. Она вспорхнула жемчужно переливаясь на солнце, и вновь села ему на нос. Она играла с ним. От щекотки он фыркнул, чихнул и замахал лапами. Побежал к братишкам, они играли на горке, забирались на неё и скатывались кубарем. Он присоединился к их забавам. Чалая сидела за пенёком с торчащей щепой, оттягивала её, та звенела, дрожала, пела. Щипковый медвежий инструмент. На вечерней зорьке токовал тетерев. Чалая не позволила медвежатам трогать красивую птицу. Она любовалась радужно-крапчатым оперением. Тетерев напоказ веером распустил хвост, привлекая глухарку. Утиная тяга от горохового поля к гнездовью в речных камышах со свистом освежила сумеречный воздух. На болоте заскрипел коростель, грянул хор лягушвы. В небесах над землёй взметнулось серебряное покрывало – Стожары. В орешнике возле берлоги баюкала «игрой на флейте» медвежий сон иволга.

Зашумели всходы пшеницы и ржи. Между ними располагался полевой стан. Сюда не сунешься. Медведица с медвежатами повадилась гостевать среди посевов проса, овса, гороха. Их охранял от потравы сторож Степан, отпугивал вредителей трескоткой, барабанками, палил из берданки. Пополудни жена приносила ему обед. Однажды она натолкнулась на медведицу с медвежатами. С криком бросила корзину с едой и побежала назад в деревню. Медведи не обратили на неё внимания. Запустили лапы в корзину, съели кашу из горшка, краюху хлеба, выпили крынку молока. Довольно-хонькие, потёпали в свои лесные владения.

Не дождавшись обеда, Степан оставил своё сторожевое место и с бредешком отправился на речку ловить рыбу. У переката в затоне водились хариусы, плотва, окуни, ерши, щуки, лини и даже сомы. Однако в этот раз в бредень попался не рыбный улов – медвежонок! Он наглотался воды и едва дышал. Степан положил его на землю, нажал ладонями на пузёшку, изо рта выплеснулась вода. Ещё, и ещё раз... Утопленник открыл глаза.

– Эх тебя угораздило, малыш! – обрадовался Степан и пошлёпал его по щекам.

Тот огрызнулся, рыкнул.

– Ну-у, жить будешь! – довольно произнёс спаситель.

Завернул найдёныша в бредень, взвалил на плечо и пошёл домой.

Развесёлое, беспечное купание обернулось страшной бедой. Чалая не заметила, как младшенький отдалился от неё к стрелю. Стремнина

подхватила его и понесла вниз по течению. Она взревела, вытолкнула двух медвежат на берег. Ломая прибрежный тальник, бросилась вдогонку за погибающим детёнышем. На излучине остановилась, увидев посредине реки корягу. С надеждой вглядывалась и вглядывалась: может, зацепился за неё медвежонок. Ей мнилось, что он там, что он шевелится и ждёт её. Она бросилась в воду, преодолевая сильное течение, добралась до коряги. Всю общарила её, едва не перевернула, но медвежонок там не было. Взвыла, сидя на коряге, но крик и боль её заглушил бурный поток. Тоскливо взывая, обезумевшая, она всю ночь бродила по берегу, пока не наткнулась на тальниковые заросли, в которых, вздрагивая, спали её оставшиеся в живых детёныши...

Увидев мужа с медведем, жена, натерпевшись страху, закричала:

– Убирайся!..

Он выпростал из бредня полугодовалого охристо-серого малыша.

– Варя, это малая животинка при смерти, ей пособить надо. Жизнь всё-таки!..

Он был настолько слаб, что его кормили молоком из соски. Выхаживали месяц. Подрос, окреп, привязался к спасителю: куда тот, туда и Мишутка. Однако живность полошилась, когда он появлялся во дворе. Только Полкан, такой же медвежатый, сдружился с ним. Крадче от Полкана Степан унёс медвежонок далеко-далеко, за речные пороги, в глубь леса: сыщется мать, может, не пропадёт... Но тот, преодолев лесистые взгорья, болота, речные перекаты, через неделю вернулся назад. О его возвращении радостным лаем возвестил Полкан.

– Мишутка-то верный какой! – пролила обильные слёзы над возвращенцем Варя, тиская его в своих объятиях.

Пир на весь мир устроили по случаю возвращения «блудного сына». Праздновало всё подворье. Бурёнка Майка, боров Борька, овечки гужевались, хрумтя подсолнечным жмыхом. Пшеном засыпали курей, гусей, утку. Кот Васька плотвички отведал, Полкан зайчатины. Мишу для восстановления сил целой миской мёда ошедрили. Сидя на крыльце, слипшись плечиками, любовались своим подворьем хозяин с хозяйшкой. Полкан боролся с Мишей. Селезень катался верхом на Борьке; овечки блеяли, словно смеялись, радостно гоготали гуси, квохтали куры, крикали утки. Майка мукала, словно дула в дуду. И всё заодно было в этом мире.

Деревенские мальчишки гроздьями висели на плетне, чтобы посмотреть на медвежонок Мишу. Тот вставал на задние лапы, принимал борцовскую стойку и боролся с Полканом. Положив соперника на лопатки, с видом победителя прохаживался по кругу, вызывая восторг зрителей. Степан смастерил ему самокат, и он разъезжал по двору. На этот цирк собирались и взрослые. Советовали Степану выступить с ним в Масленицу на ярмарке.

В ту пору мальчишки, забросив свои любимые игры, городки, бабки, чижа, чехарду, лапту, катали правилами обода от автомобильных колёс. На МТС этих обручей было навалом. Степан выгнул из проволоки уголок с рукояткой, сам потренировался, покатил колесо и Мишу поддрессировал. Тот быстро освоил этот цирковой номер. Ловко орудовал правилкой, со звоном катая обод по двору. Пацанёнок да и только! Милый, смешной, забавный. Ему было без малого год, когда побуревший, возмужавший, он крутанул железный обруч на шее. Затем туловищем закружил его, да не одно, а целых три с металлическим

трезвоном. Степан ставил бочку кверху дном, и Михаил, стоя на ней, исполнял «танец живота» с тремя обручами. То же самое сумел повторить, перебирая лапами, на катящейся бочке. Это уже был цирковой номер высокого класса...

И вот Степан и Михаил появились на масленичной ярмарке. Здесь со времён царя Гороха не видели медведя. Зеваки собрались, тычут пальцами, просят покомедничать. На самокате погонял, правилкой обруч покатали, на бочке из-под пива пофигурял, обручами потрезвонил. Девта визжала от восторга. Мужики и бабы под медовуху требовали учудить что-нибудь эдакое. Посреди ярмарочной площади высился шест с премиальным барашком наверху. Много верхолазов пытались добраться до него, но с позором соскальзывали вниз. И тут медвежонок взлетел по шесту к барашку и скинул его на руки Степану. Толпа загалдела. Одни кричали, что так нечестно, другие хвалили таланты Степана-вожатого и его питомца. Клоуны подсунули победителю-шестовику ходули. Не растерялся он и отчебучил под гармошку кадрили.

В середине февраля сорокоградусный мороз сковал Зимиху. Притихли подворья, не замычит корова, не взлает собака. Мгла сугробом навалилась на шубинский заплот, калитку не открыть. Иван спозаранку откопал её, надел лыжи и отправился на работу на МТС за согрой. Дора с Катериной задали корм живности, надели шубы, пимы, закутались в шали и побрели в снегу на ферму. Крестьянские дела неотложны. Еропкин в непроглядную темень, в снежную круговерть за зимихинской школьней не приехал.

– Карачун! – сидя на печи, объяснила бабушка Дуня такую непогоду.

Четверо шубенят (Мишу уже давно причислили к ним), лёжа на полатах, жевали вяленую моркошку.

– Баушка, а что такое карачун? – спросил Вася.

– Это было в стародавние времена. Из подземного царства, где вечный холод, на землю пришёл Карачун. Принёс с собой лютую стужу, снега и метели. Испугались люди, что помрут от холода и голода, и стали упрашивать его и подругу его Зиму, чтобы правили они только часть года. Едва уговорили. И вот пришла Весна. Заартачилась Зима: «Не уйду, – говорит, – пока не проводите меня с почестями!» Старуха, а сил хватало, послала стужу, снега и метели. Призадумались люди, как угодить Зиме, как устроить её проводы. Тут слетела с неба светлая Лада, обернулась птичкой-синичкой и сказала: «Я знаю, как достойно проводить Зиму». В ту старину люди пекли пресные лепёшки. Лада поведала о закваске. И вот Зима явилась на свои проводы. Каждая изба встречала её хлебосольно, гостеприимно. На столах с яствами стояли стопки золочёных кругов.

– Я знаю, я знаю! – прервал бабушкин сказ Витька.

– И я, и я знаю!.. – загалдели ребяташки.

– Это блины! – пропищала Галинка.

– Ох, какие вы у меня понятливые! – всплеснула руками старуха. – Да, это блины на Масленицу. Её ещё называют не только блинной, но и оладьиной. Потому что Лада научила печь оладьи и блины. С тех пор повелось: поладили, ладно, всё будет ладом, лад. Помните: «Ладушки, ладушки, где вы были? У бабушки».

Авдотья захлопала в ладоши, ей вторили внучата.

На паужну вся семья собралась за кухонным столом. Ещё скворчала на сковороде запеканка, на другой сковородке румянились сочни, испечённые для лапши. Но половину их уже схрумтели ребяташки, запивая

простоквашей. Катерина вспомнила любимое блюдо бабки Моти и вместо супа с лапшой сварила суп с галушками. Мясной, наваристый с сочными клёцками, он всем пришёлся по вкусу. Иван, по-механизаторски уработавшись на МТС, маханул две миски и остатки смачно выхлебал из чугунка. Уважила сестрица, за раз можно весь чугунок опростать!.. Катерина погрузилась: Средняя Азия, бабка Мотя, Тимофей...

– Тётя Катя, что вы, так вкусно с галушками! – заметив её грусть, произнесла Галинка. И похвасталась: – Карачун, бабушка сказала. Это по года такая невыносимая.

Катерина встала из-за стола и медленно пошла в свою спальню. На лесозаготовках в лагере, когда погиб тятя, её из жалости поставили сторожить складскую сараюшку. На ней числилось немало инвентаря: фуфайки, валенки, кирзачи, шапки, продольные и поперечные пилы, ножовки, колуны, ломы, кирки. Зимой щелястая сараюшка со свистом продувалась насквозь. Катя, в ватнике, ушанке, валенках, забивалась в угол с ружьишком и пыталась хоть часик вздремнуть. Вьюжило так, что сараюшка тряслась, вот-вот развалится. Однажды вместо вьюги, её затряс медведь. Пыхтел, рычал, зловонное дыхание пробилось сквозь щель в сарай. Наверняка это был тот самый шатун, который не давал покоя всему лагерю. Он помял не одного смельчака, пытавшегося выйти на него. Белогрудка, стервятник, неуловимый, как дух, преследующий, как смерть. Потому и прозвали его Карачун. Катя пальнула из ружьишка, и вдруг всё затихло. Но не от выстрела. Снаружи миролюбиво заговорил какой-то мужик. Медведь, будто жалуюсь, заворчал.

– Ладно, ладно, не все люди звери. Иди отсель, Карачун, не пужай честной народ. Им и без тебя лиха хватает.

Человек разговаривал с медведем. Дверь распахнулась.

– Что, испужалась, девка? Вставай, пойдём отсель!..

Тимофей уже ринулся в бега. «Жируя» на болотном брусничнике услышал выстрел... На лесовозе добрались до ближайшей станции... Вот такой карачун! Где же ты, Тимофеюшка? Говорящий со всяким зверем. Неужто не нашёл общий язык с ней, со своей Катенькой, которую любил. Ведь по любви родился сыночек Мишенька.

Миша подошёл к матери, погладил по голове:

– Мама, это бабушка о Карачуне рассказывала. Он что, такой страшный? Ты его видела?

Она прижала сына к себе:

– От людей, Мишенька, зависит. Ежели люди добрые, и он добрый. Мы при нём с твоим папкой свиделись. Ты же помнишь, он со всяким зверьём мог поладить. И с этим медведем тоже по-дружески разошёлся. А про него, про Карачуна, остяки, северные люди, поверье сказывали. Пришёл этот лесной дядька в чум брать в жёны самую красивую девушку. А её братик встал перед ней, загородил её от него, повелел убираться в свою тайгу. Человеческое дитя повелевало зверем-великаном. Подивился лесной дядька храбрости малыша и потёпал восояси.

– Ух, ты-ы!.. – восхитился отважным мальчиком Миша и представил себя на его месте:

– Ма, а я бы тоже так смог!

– Конечно, сынок, ты весь в отца!

Не стал Миша спрашивать про него: расстроится мать.

– Да, меня Каурка любит, радуется, когда увидит. Я её всегда угощаю. А Еропкин сказывал, прошлая ярмарка на Масленицу интересной была. Ма, а как вы в детстве праздновали Масленку?

– О, сынуля, есть, что вспомнить! Ко встрече её в понедельник блины пекли. Опару со снегом готовили, когда выходил месяц: «Месяц ты, месяц, золотые рожки, погляди в окошко, подуй на опару!» Тогда блины пеклись белые, нежные. Первый блин на тарелке ставили в слуховое окошко, посвящая родительским душам. Обряжали куклу, госпожу Масленицу, разрисовывали: «Сахарные уста твои, сладкие речи твои, свет ты наш, Масленица!» Везли её на санках на гору. «Масленица приехала! Масленица приехала!» – радовались ребятишки. На другой день во вторник заигрыши начинались. Девки с парнями катались на горках, ели блины. В горах покатались, в блинах повалялись. Приглядывались девушки к парням, те заигрывали с ними. Часто заигрыши заканчивались сватаньем. В среду – лакомка. Тёщи приглашали зятёв, угощали их яствами, лакомили. Четверг – самый разудалый день! Разгульная, честная, широкая Масленица! Бабы обряжались в мужиков, те надевали лубяные, берестяные маски-личины. Мы, Шубины, устраивали горки, качели, зазывали скоморохов-балаганщиков, ставили столы со сладкими блюдами. Мама говаривала: «Не будь этого, жизнь пройдёт в горькой беде, а старость на смертном одре...» На ярмарку в Казанку шли по заснеженной дороге. Она будто лоснилась на солнце; золотилась солома, выпавшая из саней. Расписные сани в розанах ныряли по ухабам, нарядные лошади в лентах, бубенцах-колокольцах. Фигуры Масленицы на высоких прилавках. Всё блестит, обвитое золотой канителью. Морозец, для сугреву борцы борются, кулачные бои, гимнастические упражнения. Жаром пышут тела, пар клубится. Из пекарен синие волны чада, стопки золочёных блинов. Бойкая Масленица, кипит широкий пир. Веселятся, катаются с горок, игры, дружеские застолья. Детвора лакомится печевом, блинами. Любуемся: добрые, красивые люди у нас! Двери настежь и сердца! Кони горячие, ногами перебирают, копытами снег рыхлят, в бубенцах-колокольчиках, в лентах ярких. Добрый молодец в саях, в шапке, в синем полушубке, девиц зазывает: «Эй, вы, девки молодые, ждут вас кони удалые! Полетим с ветерком, вспомним Маслену ладом!» Взвилась тройка, словно птица, погоняет молодец закадычных свистом и ласковым словцом. Морозно, сводит пальцы крючком, щиплет нос и щёки. Но никто не хочет с широкой Масленицей расставаться в этот разудалый четверг... Пятница, суббота, тещины блины, золовкины вечерки-посиделки. И вот проводы Масленицы, прощальный день. Новобрачные одаривали тестя и тещу, сватов, друзей, куму полотенце, куме мыло. Прощёное воскресенье, чин прощения: дети кланялись в ноги родителям, просили прощения, затем родня, соседи просили прощения друг у друга. Чтобы отъезд не был шибко грустным, балагурил какой-нибудь шутейный дядька, опытный в шутках и забавах. А молодёжь, в сумерках уже, продолжала проводы. Снаряжали корабль на розвальнях, запряжённых пятью рысаками. Рядом с соломенным чучелом Масленицы ставили капитана-медведя в полосатой тельняшке. Прощальный обоз тешил народ песнями, плясками под гармошку, дудки, сопелки, рожки, свирельки, бубны, трещотки. Ребятишки хрумтели выпечкой, хворостом, помогали строить на реке снежный городок: башни, пара ворот, меж ними прорубь. Пешие защищали городок, конные нападали. Пехота мётлами пыталась напугать коней, но всё же конница врывалась в крепость. Победители и побеждённые

выбирались из проруби и пили братину – вино, сваренное вскладчину в винокурне. Везли чучело Масленицы на гору, сжигали и разбрасывали пепел, чтобы год был урожайным. И с песнями возвращались в деревню:

*Масленицу прокатили,
Святые вечера проиграли.
Свет ты наш, Масленица,
Добрая, неумытая,
Где ты ночку ночевала,
Под каким кусточком?
Ехали по дорожке скоморошки,
Срезали по пруточку, сделали по гудочку.
Вы, гудошники, не гудите,
Нашу Масленицу не будите.
Пора перестать есть, пить да спать,
Пора пред Богом встать!*

– Мама, как ты это всё запомнила? Так интересно рассказываешь!

– Детство – пора золотая! Особенно масленичная.

– А где капитаном медведя брали?

– Бродячая парочка, вожатый с медведем по деревням хаживали. Вот и брали Топтыгина на роль морского капитана. Набожные старушки охаживали: непотребное это заделие – хожалое вождение медведя. Они и саму Маслену злопахательствовали: неугодная, де, Богу она. Когда не Богу поклонялись, а идолам-истуканам, тогда за силу признавали Карачуна. А батюшка Казанской церкви осаживал их, шибко набожных, и называл праздник честной Масленицы добрым. Святого Антония Великого в пример приводил. Как-то охотник-лучник увидел, что праведник с монахами смеётся, веселится, и осудил его. «Натяни тетиву, охотник, – попросил Антоний, – да натяни сильней, сильней да держи подольше.» – «Ведь лопнет тетива!» – возмутился тот. – «Вот и в нашей жизни нельзя чрезмерно напрягаться, – ответил Антоний, – иногда и отдых нужен...» Вот и я говорю, сынок, Масленка – это когда двери и сердца настежь, когда всё заодно в этом мире. Спроси-ка у бабушки про лубочные картинки, которые дед твой Леонтий в Ишиме купил.

Слепая Авдотья долго шарила в комоде, пока не отыскала лубочные картинки и книжицу, завёрнутые в тряпицу... Рисовали, точно дети: каракулями, смешно, с загогулистыми буквицами. Однако дотошный Миша со тщанием пытался в них разобраться, хотя многое и не понимал. Вот цифры 1722: Пётр I победил шведского короля Карла. И сам открыл в Петербурге масленичный праздник, качался с офицерами на качелях. Вот на санях, запряжённых конями, стоит столб, на столбе тележное колесо, на колесе мужик с корчагой браги и калачами. Толпа тянется за обозом с дудками, свирельками, а бражник угощает. Две свиньи тащат возок, на нём какой-то князь в длинной мантии из красного бархата, подбитой горностаем. В ногах его на бочке кривляется карлик-шут в колпаке с бубенцами. А вот и царёв корабль: 88 пушек, 3 мачты и сам царь. Его дочка Елизавета Петровна катается на лыжах с унтер-офицерами и их жёнами. Её 12-стекольная карета, запряжённая 12-ю лошадьми в золотых сбруях, с султанами из страусиных перьев. Рядом с царицкой в карете герцог и придворные дамы. Пажи, кучера в ливрейных камзолах, расшитых золотыми галунами. Егеря, скороходы,

шуты, рота гренадеров в треуголках, украшенных дубовыми и еловыми ветками; офицеры с лаврами из турецких походов. Актёр Волков придумал для Екатерины Великой римский карнавал: маски, костюмы страшные и смешные, паяцы. Ледяной дом с дровами изо льда. Слон, на хребте вожак с молотком; на спине клетка, а в ней шут Балакирев и его невеста, боярыня. Следом чалдоны-сибиряки на медведях, остяки на оленях, новгородцы на козлах, белорусы на волах, татары на ослах, чухонцы и финны на шведских лошадях-лосях, зыряне и прочие в 120-и костюмах. Свадебный поезд въезжает на площадь, там столы на 330 человек. Поэт восхваляет Екатерину Великую, «Торжествующая Минерва»:

*Идут годы золотые...
Восплещем радостно руками,
Воспляшем весело ногами!*

Понравились Мише немецкие райки, где шутовали Пат и Паташенок...

И вот они перед ним на масленичной ярмарке, живые, уморительные!.. Немцы, высланные с Волги в начале войны, не чурались отчаянной русской Масленицы. Один долгоязыый, другой коротышка подначивали друг дружку. Пат огорчённо вскидывал руки:

– Майне кляйне поросьёнок побежалъ по штрассе.

Толстенький Паташенок, хрюкая, убегал от него. Пат за ширмой обряжался в мундир:

*Питер Первый пошёлъ погулять,
Поймалъ поросьёнка, пошёлъ продавать,
Просиль полтинник, получилъ подсатыльник.*

Паташенок у него на руках визжал, хрюкал, сучил ногами и сбил с его головы треуголку. «Питер», тиская «поросёнка», объявил:

– Все слова на «п»! Велик и могуч русского языка!

Недовольные среди зевак возмущались оскорблением русского царя-императора Петра Великого, и Пат с Паташонком, заглушая недовольство, частушили:

*Дер Фатер унд ди Муттер
Поехали на хутор.
Там чудо совершилось –
Ди Киндер получилось!..*

В соседнем балагане частушил Петрушка:

*Парни бегали по льду,
Застудили ерунду.
А без этой ерунды
Ни туды и ни сюды!..*

Говорящий попка Жако крючковатым клювом вытаскивал из коробки «счастливые» билеты и старчески скрипел:

– На счастье, пожалуста! Здравсте и до свиданья!

Лось, запряжённый в расписные сани, катал расфуфыренных девок, схожих с матрёшками... Всё было, и чего-то не хватало. Кого-то. А вот и он! Какая ярмарка на Маслену без медведя! Невиданно огромный, не бурый, как прежде, чёрный, шерсть сталистая, железная шерсть. Страшный

– как Карачун! Один заявился.

– А где вожатый Степан? – спрашивают.

Приложил лапу к щеке: спит, дескать. Загудели зеваки:

– Спит, что ли? Вечным сном, что ли?

Согласно мотнул головой, печальным взором обвёл возбуждённую толпу. Горестно ссутулился.

– Слопал ты поди его, Карачун! – взвизгнул кто-то из толпы.

Зарычал, вздыбилась на загривке шерсть, отливая сталью. Толпа шарахнулась от него. Выпрямился во весь исполинский рост и зашагал к мальчику, который во все глаза смотрел на происходящее.

– Карачун тебе, малыш! Беги!.. – закричали со всех сторон.

Пальба началась: хлопушки, петарды, а может, и ружья.

– Не стреляйте! Не стреляйте!..

Маленький мальчик встал перед медведем, заградив его собой.

